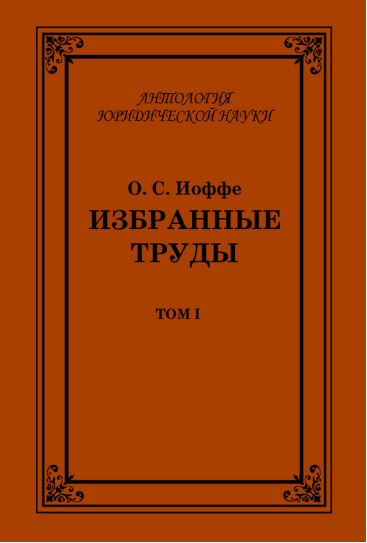

Олимпиад Соломонович Иоффе
Избранные труды. Том I
Серия «Антология юридической науки»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11155950
Избранные труды. Том I: Юридический центр Пресс; Санкт-Петербург; 2013
ISBN 5-94201-274-1, 5-94201-234-2

Аннотация

Эта книга открывает четырехтомник избранных трудов выдающегося отечественного ученого-правоведа О. С. Иоффе. В нее вошли две монографии, написанные по материалам кандидатской и докторской диссертаций «Правоотношение по советскому гражданскому праву» и «Ответственность по советскому гражданскому праву», которые оказали заметное влияние на развитие отечественной цивилистики и общей теории права.

В книге «Правоотношение по советскому гражданскому праву» О. С. Иоффе раскрывает природу, основные черты и структурные особенности, виды, содержание, субъектный состав и основания возникновения гражданских правоотношений.

В работе «Ответственность по советскому гражданскому праву» автор на основе судебно-арбитражной практики по гражданским делам исследует природу гражданско-правовой ответственности, характеризует ее субъект, анализирует условия ее возникновения.

Книга предназначена для научных работников и специалистов-практиков, а также для студентов и аспирантов юридических вузов.

Содержание

Выдающийся ученый-правовед (краткий очерк научной деятельности)	5
Заметки об учителе (воспоминания)	8
Предисловие	10
Правоотношение по советскому гражданскому праву	19
Глава I	19
1	20
2	26
3	28
Глава II	32
1	33
2	35
3	37
4	41
Глава III	46
1	46
2	49
3	51
4	54
5	57
6	60
Глава IV	67
1	67
2	69
3	78
Глава V	83
1	83
2	85
3	89
4	91
Конец ознакомительного фрагмента.	93

Олимпиад Соломонович Иоффе

Избранные труды. Том I

© О. С. Иоффе, 2003

© Ю. Г. Басин, А. Г. Диденко, 2003

© В. Ф. Яковлева, 2003

© В. Ф. Попондопуло, предисловие, 2003

© Изд-во «Юридический центр Пресс», 2003

* * *

Выдающийся ученый-правовед (краткий очерк научной деятельности)

Всю свою жизнь (за исключением детских, отроческих и фронтовых лет) профессор Олимпиад Соломонович Иоффе отдал правовой науке и прежде всего – гражданскому праву и правовой педагогике. Более полувека отделяет его первую монографию «Правоотношение по советскому гражданскому праву» (1949) от сегодняшних публикаций.

Еще до Великой Отечественной войны, будучи студентом Ленинградского юридического института, О. С. Иоффе проявил способности к научным исследованиям, и один из юридических журналов того времени отметил его как будущего ученого-правоведа.

В годы Великой Отечественной войны Олимпиад Соломонович воевал на ее фронтах.

После демобилизации, вернувшись в родной институт, О. С. Иоффе с блеском окончил его, а вскоре стал преподавателем Ленинградского государственного университета.

В 1947 г. он защитил кандидатскую диссертацию по теме: «Правоотношение по советскому гражданскому праву», в 1954 г. – докторскую по теме: «Ответственность по советскому гражданскому праву». В 34 года он стал самым молодым в стране доктором юридических наук!

Первые же опубликованные работы принесли О. С. Иоффе известность в юридических вузах и научных центрах страны. Талант педагога и ученого развивался в повседневном общении с учителями – выдающимися учеными-правоведами – академиком А. В. Венедиктовым, профессорами Я. М. Магазинером, Б. Б. Черепахиным, С. И. Аскназием, В. К. Райхером и другими звездами нашего правоведения. О. С. Иоффе достойно продолжил *их* дело. В этой среде он вырос в самостоятельную яркую личность, стал одним из выдающихся ученых, внесших огромный вклад в наше гражданское право. Мы называли и называем это право советским, хотя многие выдвинутые и развитые О. С. Иоффе идеи и концепции уже в те годы способствовали развитию мировой правовой науки, внедрению прогрессивных начал в экономику и общественное сознание, преодолению трудностей и препятствий в нашей профессии. Эти идеи и концепции живут и плодотворно развиваются и в настоящее время.

Еще до отъезда из СССР ученый опубликовал более двухсот научных работ, среди которых свыше шестидесяти монографий и учебников. Более двадцати из них еще тогда были переведены и изданы за рубежом на немецком, английском, французском, китайском, венгерском, польском, румынском, болгарском языках.

Среди учебных и научных трудов, опубликованных профессором Иоффе, прежде всего следует назвать его капитальные учебники, официально рекомендованные для вузов: «Советское гражданское право». Курс лекций», ч. 1 (1958); ч. 2 (1961); ч. 3 (1965); «Советское гражданское право» (1967); «Основы авторского права» (1969); «Советское гражданское право», т. 1 и 2 (1971); «Обязательственное право» (1975); «Основы римского гражданского права» (1974).

По этим учебникам училось не одно поколение юристов нашей страны. Учебные издания О. С. Иоффе отличались не только глубиной юридического анализа, логичностью и доступностью изложения, но и основательной научной базой, тесной связью учебного материала с современными научными идеями, концепциями, в них находили отражение серьезные дискуссии по всем важным правовым проблемам. Его учебники были основным профессиональным ориентиром при подготовке к кандидатским экзаменам по гражданскому праву, в различных формах изучения гражданско-правовой науки.

К этому виду изданий примыкают книги и статьи по разъяснению и комментированию наиболее важных гражданско-правовых законов, прежде всего Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик, а также Гражданского кодекса. Глубокие научные комментарии ученого широко использовались не только в качестве учебного материала, но и служили практическим пособием для судей и юрисконсультов, следователей и адвокатов, хозяйственных руководителей – для всех, кто непосредственно имел дело с действующими гражданскими законами.

Очень важным и необходимым в условиях резких разногласий между реальными запросами экономической жизни страны и бюрократической системой управления явился цикл работ профессора О. С. Иоффе по проблемам правового регулирования хозяйственных отношений: «Актуальные вопросы советского гражданского права», вып. 36 (1964); «Договоры в социалистическом хозяйстве» (1964); «Действие экономических законов социализма в СССР» (1969); «План и договор в социалистическом хозяйстве» (1971); «Система хозяйственного законодательства» (1971); «О критике науки и научности критики» (1978).

К этой же области научных интересов ученого относится и множество его статей, докладов, выступлений, насыщенных острейшим полемическим материалом, связанных с разгоревшейся в те годы дискуссией, разделившей всех ученых-юристов страны, занимавшихся вопросами правового регулирования хозяйственных отношений, на два лагеря: сторонников и противников выделения хозяйственного права в самостоятельную отрасль права, противопоставляемую праву гражданскому. Признанным лидером противников этой концепции, защищавшей принципы командно-приказной системы управления хозяйством и отрицавшей необходимость товарных отношений в экономике, стал О. С. Иоффе.

В последние годы работы в СССР и позже, за рубежом, ученый подготовил и опубликовал ряд трудов по истории цивилистической мысли досоветского и советского периодов. Его первая книга по истории цивилистической мысли Древнего Рима была издана в 1962 г., затем выходили книги и статьи по этой проблематике во Владивостоке (1974), в Ленинграде (1975, 1978), Свердловске (1970), во Фрунзе (1972). Часть из этих работ переиздана в Алматы в 1999–2002 гг. Фундаментальное издание по этой же проблематике вышло в Соединенных Штатах Америки.

Естественно, что научные интересы О. С. Иоффе выходят за привычные границы гражданского права. Почти сорок лет назад он написал ряд работ по общей теории права. Наиболее значительной из них стала изданная в 1961 г. совместно с М. Д. Шаргородским и высоко оцененная правоведами книга «Вопросы теории права», а также двухтомный коллективный труд «Общая теория государства и права» (1961, 1968–1974). И последние работы О. С. Иоффе, опубликованные в Казахстане, также посвящены общим вопросам права и защите правомерных интересов личности в дореволюционной, советской и постсоветской России, понятию права, идеологии права.

Пожалуй, ни на одного автора не ссылались в научной юридической литературе так часто, на О. С. Иоффе.

На рубеже 70-х и 80-х годов отношение официальных властей и органов образования к О. С. Иоффе резко изменилось. Его отстранили от чтения лекций, а затем и уволили из ЛГУ, запретили публикации его работ, изъяли его книги из библиотек, запретили ссылки на него в работах других ученых. По существу, его вынудили уехать за рубеж. В 1981 г., приняв приглашение Гарвардского университета, О. С. Иоффе покинул родину. Через несколько лет он переехал в Хартфорд и остался там на должности пожизненного профессора Коннектикутского университета.

Все эти годы жизни в США Олимпиад Соломонович напряженно работает и много издается. Он получил престижную американскую премию за свои научные труды, опубли-

ковал девять книг и большое количество статей, неоднократно участвовал в международных правовых форумах.

И в Соединенных Штатах Америки профессор О. С. Иоффе остается российским правоведом. Почти все его работы, изданные за рубежом, посвящены оценке, развитию, проблемам российского права. Недаром Сергей Сергеевич Алексеев в одной из американских публикаций назвал О. С. Иоффе гордостью российской правовой науки. Признание его научных заслуг на родине подтверждается изданием в России основных его трудов в серии «Классика российской цивилистики».

Нам лестно, что О. С. Иоффе был связан самым тесным образом с казахстанской цивилистической школой. Будучи по природе человеком весьма динамичным, он охотно принимал приглашения на различные научные мероприятия, проводимые в республике. Во время своих многократных приездов в Казахстан, помимо чисто дружеских встреч, он выступал в качестве оппонента, участвовал в обсуждении ленинградских учебников по гражданскому праву, делал доклады на конференциях. Попутно ученый охотно проводил встречи со студентами и преподавателями. Все это положительно отразилось на укреплении и развитии казахстанской цивилистики, формировании местных научных кадров.

Тем, кто знает О. С. Иоффе, нет нужды напоминать о блестящем ораторском даровании ученого. Сохранились магнитофонные записи некоторых его выступлений в Алма-Ате. Наряду с чисто литературным мастерством, они неизменно демонстрируют глубину мысли, логическую отточенность и тонкий юмор суждений выступающего, который в совершенстве владел искусством полемики при глубоком уважении к оппоненту.

Особо следует отметить участие О. С. Иоффе в совместной с казахстанскими учеными научной работе. Он был соавтором Комментариев к ГК и КоБСу Казахской ССР, неоднократно публиковался в Ученых записках юридического факультета КазГУ. Все его произведения постсоветского периода, написанные на русском языке, были впервые опубликованы в Казахстане. Это следующие работы: «О смешном и необычном (записки юриста)», «Понятие права и его типы», «Россия: досоветская, советская, постсоветская», «Институт бойфрендов и герлфрендов», «Размышления о праве», «Идеология права».

В переизданные в Алма-Ате работы О. С. Иоффе по истории цивилистической мысли и причинной связи как условия гражданско-правовой ответственности автор внес многочисленные редакционные правки, освободившие текст от устаревших идеологических клише, деталей, малоинтересных современному читателю.

Сложны и причудливы пути влияния крупной личности на окружающих. Трудно, например, с твердой уверенностью назвать кого-либо из ученых прямым продолжателем научных концепций О. С. Иоффе. Для кого-то встречи с ним, его идеи стали толчком к развитию способностей исследователя, кого-то направили на научную стезю, кому-то помогли определить область научных интересов, усовершенствовать методику решения практических задач.

Его работы, идеи, концепции, как раньше, так и теперь, привлекают самое пристальное внимание всех, кто занимается правовой наукой. Вклад этого известного ученого в нашу науку права, и гражданского права в особенности, неоценим.

Профессор Олимпиад Соломонович Иоффе был и остается одним из выдающихся русских правоведов XX столетия.

Доктор юридических наук, профессор Ю. Г. Басин Доктор юридических наук, профессор А. Г. Диденко

Заметки об учителе (воспоминания)

Впервые я услышала и увидела О. С. Иоффе где-то в начале 1952 г. В Ленгосуниверситете на юридическом факультете проходила конференция по проблемам ответственности по советскому гражданскому праву, и главным докладчиком на ней выступал О. С. Иоффе. Зал был полон, пришли не только коллеги по факультету и Первому юридическому институту им. М. И. Калинина, но и работники Ленгосарбитража, Ленинградских городского и народных судов, аспиранты (и не только цивилисты), масса студентов. Мне и моим друзьям по институту удалось все-таки найти место, не столь отдаленное от трибуны. Поэтому довольно хорошо можно было слышать оратора, видеть выражение его лица, глаз. Я увидела сравнительно молодого человека, подтянутого, худощавого, который был сосредоточен, но абсолютно спокоен. Начал доклад, тишина стояла необычная, прерываемая иногда легким смехом после удачной остроты либо аплодисментами, если мысль автора была необычно оригинальной.

Доклад произвел ошеломляющее впечатление. В нем автор доказывал, что проблема ответственности – это не только сердцевина цивилистики, но и общая проблема теории права, ибо без нее «...была бы лишена юридической охраны выполняемая правом регулятивная функция»¹. Правда, общему понятию ответственности в докладе было отведено немного времени, докладчик ставил перед собой задачу охватить как можно больше дискуссионных и острых вопросов (основания и условия ответственности, понятия вины и причинной связи, разграничение деликтной и договорной ответственности, безвиновная ответственность, ответственность за чужую вину и др.).

При этом О. С. Иоффе подверг беспощадной критике теорию причинения, очень тонко, с ювелирной точностью критиковал существовавшие теории причинной связи, а также даваемые в литературе определения понятия неосторожной вины, столь значимой именно для гражданского права, кратко, ясно и предельно точно изложил свои соображения по этим вопросам.

Поразила в первую очередь глубина мысли, искрометный ум, убедительная доказательность выводов, железная логика. Но так же завораживала и эмоциональная, образная, безукоризненная речь. Доклад не был сухим, академическим изложением серьезнейших проблем. Это был горячий научный спор с оппонентами, который подкреплялся примерами из арбитражной и судебной практики.

Я впервые слушала доклад такого уровня. Не только я, но и большинство присутствовавших понимали, что перед нами выступает высокого уровня ученый, одаренный человек, творческое вдохновение которого невольно передавалось слушателям.

Впоследствии многое из доклада О. С. Иоффе на этой конференции воплотилось в его книге «Обязательства по возмещению вреда»², а затем в защищенной им докторской диссертации³.

Олимпиада Соломоновича я узнала ближе, когда Первый юридический институт слился в 1954 г. с юридическим факультетом Ленгосуниверситета. Заведовать объединенной кафедрой гражданского права стал мудрый, глубокий ученый, кристально честный человек – профессор Борис Борисович Черепяхин. Коллектив кафедры был сплоченным,

¹ Эту мысль О. С. Иоффе с присущей ему чеканной четкостью выразил и в одном из новейших своих произведений: Размышления о праве. Гражданское законодательство Республики Казахстан: Статья. Комментарии. Практика / Под ред. докт. юрид. наук, проф. А. Г. Диденко. Астана, 2002. С. 52.

² Издательство ЛГУ им. А. А. Жданова, Л., 1951.

³ Материалы докторской диссертации вошли в книгу: Ответственность по советскому гражданскому праву. Л., 1955.

а главное – творческий подход был его важнейшим стимулом. Душой творчества всегда был Олимпиад Соломонович. Сколько интересных научных кафедральных и межкафедральных конференций, обсуждений вышедших из печати по проблематике кафедры книг, представляемых на защиту диссертаций было проведено благодаря его неумной энергии. А к редактированию и изданию кафедральных учебников по гражданскому праву, комментариев к ГК РСФСР Олимпиад Соломонович относился с особым тщанием, решительно не допуская не только ошибок, неточностей, но и неоправданно длинных, некорректных, неудачных фраз. Какая это была хорошая научная школа для всех нас, тогда еще молодых ученых! Вот почему О. С. Иоффе я считаю своим Учителем.

После смерти Бориса Борисовича О. С. Иоффе возглавил нашу кафедру. Как много он успел сделать за время работы в Университете! Все ему было по плечу. Правоотношение, ответственность, правосубъектность, теория юридического лица, авторское, наследственное, римское право. Его «История развития цивилистической мысли в СССР» – это немеркнущая классика. Его учебники – образец того, как их надо писать.

О. С. Иоффе – блестящий лектор. Аудитория ломилась от студентов, когда лекции читал он. Вносили дополнительные стулья, рассаживались по подоконникам, и только смех нарушал тишину после его очередной шутки. Он, например, шутил: «Следовало бы так оборудовать кафедру, чтобы читающий с нее лекцию ненаучно, неинтересно, бессвязно, монотонно, провалился бы вместе с кафедрой под пол». Ему не давали уйти на перерыв, окружали, задавали вопросы, он отвечал охотно, с ободряющей улыбкой.

Как человек Олимпиад Соломонович – неоднозначен. Он мог быть чутким, внимательным, душевным, добросердечным, но рафинированным интеллигентом он не был. В любой среде он чувствовал себя своим, в спорах житейских давал сдачу беспощадно. Иногда в быту он мог и грубовато обидеть. Правда, чаще он сам же и разряжал возникшую в таких случаях неловкость и делал это, как правило, с помощью анекдотов (чаще одесских), которыми он был напичкан до краев. Припомнив соответствующий случаю анекдот, он с артистизмом его рассказывал, и общий хохот присутствующих заставлял забывать мелкую обиду. Помню, как я и Хаджи-Акбар Рахмонкулов допустили какую-то грубую ошибку, отправляя посылку в Ташкент. Ехидно посмотрев на нее, О. С. Иоффе вздохнул: «Да, из всего большого можно сделать маленькое. Но из большого дурака маленького не сделаешь».

Однако в научной полемике он был беспощаден. Он даже внешне преображался, когда спорил горячо и страстно, доказывая убедительно и бескомпромиссно. Забывалась его тучность, неудачное жестикулирование и хотелось только слушать, слушать без конца. А как великолепны его работы, наполненные язвительной критикой, разящей сторонников хозяйственного права.

Я часто вспоминаю его слова, а к его книгам обращаюсь ежедневно.

Доктор юридических наук, профессор, В. Ф. Яковлева
12.06.2003 г.

Предисловие

Представлять работы выдающегося ученого-правоведа Олимпиада Соломоновича Иоффе – большая честь и ответственность. Мне посчастливилось быть одним из последних его аспирантов. Как известно, О. С. Иоффе в 1981 г. эмигрировал в США. Так получилось, что защищать свою диссертацию мне пришлось под научным руководством другого замечательного человека – профессора В. Т. Смирнова, на попечение которого меня оставил О. С. Иоффе. Казалось бы, когда О. С. Иоффе подвергся остракизму в родном коллективе, был отвержен вчера еще вроде бы доброжелательными коллегами, испытывал огромный эмоциональный стресс, ему не должно было быть дела до судьбы других. Однако все было иначе – он проявил себя в отношении своих аспирантов как заботливый и ответственный научный руководитель.

Помню, я показал О. С. Иоффе рукопись своей статьи по теме диссертации, он полистал ее при мне и, беспокоясь о моей судьбе, настоятельно рекомендовал убрать из рукописи все ссылки на его работы, поскольку это, по его мнению, повредило бы мне в будущем. В начале моей будущей статьи, как тогда было заведено, содержалась ссылка на материалы очередного съезда КПСС. О. С. Иоффе заметил по этому поводу, что такого рода ссылки следует делать по требованию редактора. Вспомнил я об этом потому, что и в произведениях, публикуемых в этом издании, и в других работах О. С. Иоффе можно встретить сентенции идеологического порядка, но не они определяют характер этих работ.

Все мы – дети своего времени. Очевидно, О. С. Иоффе также искренне верил многому из того, что насаждалось советской идеологией. Во всяком случае жизнь заставляла играть по правилам, существовавшим в то время. Однако сейчас важно не это. Важно то, что за идеологической шелухой О. С. Иоффе видел суть правовых явлений, занимался наукой, а не апологетикой существовавшего правового порядка. Ярким подтверждением тому является актуальность работ О. С. Иоффе и в настоящее время. Канули в историю насквозь пропитанные идеологией хозяйственно-правовые теории, а цивилистическая мысль О. С. Иоффе осталась. В этом и состоит наука и предназначение ученого.

Ушли те времена, когда писались многие работы О. С. Иоффе, а сегодня они переиздаются, поскольку содержат мысли, которые остаются актуальными. Произведения О. С. Иоффе активно изучали и ссылались на них и в тот период, когда они были изъяты из каталогов библиотек и по существу были запрещены. Все это свидетельствует о том, что в этих работах находят освещение такие истины, которые со временем не меняются. О. С. Иоффе, конечно же, является советским ученым-правоведом, но было много других представителей советской науки, например, хозяйственно-правовой, произведения которых безвозвратно ушли в историю вместе с той действительностью, апологетами которой они выступали.

Необходимо отметить еще одну черту О. С. Иоффе как ученого – постоянное переосмысление сложнейших теоретических проблем в юридической науке. Это естественно, поскольку наука не стоит на месте. Находились коллеги, которые обвиняли О. С. Иоффе в противоречивости теоретического развития, когда он уточнял свои выводы по какой-либо теоретической проблеме. В настоящем издании публикуются как раз те работы О. С. Иоффе, в которых были заложены основы его теоретических взглядов по проблемам правоотношения и ответственности по гражданскому праву. Впоследствии О. С. Иоффе неоднократно возвращался к этим проблемам в других своих работах и, разумеется, уточнял свои взгляды по ним.

В 1947 г. О. С. Иоффе защитил кандидатскую диссертацию на тему «Правоотношение по советскому гражданскому праву». В 1949 г. диссертация была опубликована в виде моно-

графии и, как отмечают современники, «оказала заметное влияние на развитие как цивилистической мысли, так и общей теории права»⁴.

Действительно, среди многообразных проблем юридической науки проблема правоотношения, несмотря на ее интенсивную разработку в последние десятилетия, и сейчас остается центральной и крайне спорной. С тем большим основанием можно говорить об актуальности избранной О. С. Иоффе темы диссертационного исследования в те, теперь уже далекие сороковые годы прошлого века. Молодому человеку, недавно вернувшемуся с войны, нужна была большая смелость, чтобы взяться за исследование такой трудной, имеющей методологическое значение научной темы, какой являлась тема правоотношения по гражданскому праву.

Поражает стройность исследования и логическая последовательность рассматриваемых вопросов – сначала общие вопросы (общественная природа правового отношения, основные черты и структурные особенности гражданского правоотношения), затем элементы гражданского правоотношения (содержание, объект, субъектный состав и основания возникновения).

По определенному, логически единому плану выстроена и внутренняя структура работы. Исследование каждого вопроса темы начинается с краткого введения, поясняющего подходы автора к проблеме; затем следует часть, в которой излагаются буржуазные концепции по соответствующей проблеме; в завершающей части показывается состояние уровня исследования указанного вопроса в советской цивилистической литературе. При этом анализ различных научных точек зрения (как тех, которые выражены в буржуазной юридической науке, так и тех, которые были высказаны советскими учеными) сопровождается авторской критической оценкой, обоснованием собственных взглядов на затрагиваемые в работе проблемы.

Такой основательный подход к исследованию позволил О. С. Иоффе сделать много важных и новых для своего времени теоретических выводов, нашедших впоследствии развитие в более поздних трудах, с которыми новые поколения ученых-юристов безошибочно связывают имя О. С. Иоффе. Воспроизведем некоторые положения работы.

Анализу основных черт и структурных особенностей гражданского правоотношения автор предпосылает исследование более общего вопроса об общественной природе правового отношения вообще. Определяя правовое отношение как особый вид общественных отношений, автор устанавливает, с одной стороны, формы, в которых проявляется связь общественных отношений и правоотношений как общественных отношений особого рода, с другой – особенности самого правоотношения как общественного отношения. О. С. Иоффе делает следующие выводы: «Рассматриваемое под углом зрения взаимосвязи с общественными отношениями, особым видом которых оно является, правовое отношение есть не что иное, как условие существования или преобразования, способ движения и конкретизации, средство закрепления общественных отношений, угодных и выгодных господствующему классу...»⁵; «рассматриваемое под углом зрения характеризующих его специфических признаков, в силу которых оно отличается от иных общественных отношений, есть не что иное, как регулируемое правом отношение между конкретными лицами, взаимное поведение субъектов которого закреплено юридически и осуществление которого обеспечивается силой государственного принуждения»⁶.

⁴ Толстой Ю. К. Развитие цивилистической мысли в Ленинградском – Санкт-Петербургском университете (1944–1994 гг.) // Правоведение. 1994. № 5–6. С. 9.

⁵ Иоффе О. С. Избранные труды по гражданскому праву. М., 2000. С. 523.

⁶ Там же. С. 525.

Переходя к характеристике гражданского правоотношения, О. С. Иоффе отмечает, что общественное отношение, принимая правовую форму, становится не вообще правоотношением, а отношением, регулируемым определенной отраслью права. Поэтому, «наряду с общими признаками всякого правоотношения, последнее приобретает ряд специфических черт, предопределяемых характером той отрасли права, к сфере регулирования которой оно относится. Такими специфическими чертами обладает и гражданское правоотношение, которые и должны быть выявлены для того, чтобы из целой совокупности самых разнообразных правовых связей выделить отношения, регулируемые нормами гражданского права».⁷

Определяя особенности гражданского правоотношения, основное внимание автор уделяет разграничению отношений гражданского и административного права, поскольку «иногда одни и те же общественные отношения могут оформляться как по типу гражданских, так и по типу административных правоотношений»⁸. О. С. Иоффе отмечает, что для решения этого вопроса имеет значение не только изучение предмета, но и анализ метода гражданско-правового регулирования. «Предмет является решающим фактором, поскольку он в конечном счете определяет и характер метода правового регулирования»⁹. При этом автор особо подчеркивает весьма важную мысль, заключающуюся в том, что необходимо «установить объективные причины и факторы, в силу которых одни общественные отношения строятся по гражданско-правовому, тогда как другие виды таких же отношений (а на различных исторических этапах – одни и те же общественные отношения) строятся по административно-правовому типу»¹⁰.

В результате исследования указанной проблемы О. С. Иоффе делает вывод о том, что «правовой метод, устанавливаемый государством для регулирования определенной совокупности общественных отношений, предопределяется не только предметом регулирования, но и совокупностью всех материальных потребностей общества, вырастающих из материальных условий его жизни. Предмет регулирования определяет *границы выбора* между объективно и абстрактно применимыми к нему правовыми методами. В зависимости от характера предмета эти границы могут быть и более широкими и более узкими, заключая в себе несколько возможных или единственно возможный правовой метод. Совокупность всех материальных потребностей общества, вырастающих из материальных условий его жизни, определяет выбор и закрепление *конкретного* метода правового регулирования из числа тех правовых методов, возможность применения которых к данным общественным отношениям допускается в силу характера самих этих отношений»¹¹. Являясь имущественными отношениями, а также отношениями, связанными с личными неимущественными правами граждан, гражданские правоотношения отличаются от административных правоотношений: «а) *по общему характеру построения* (отношения равенства; отношения власти и подчинения), б) *по субъектному составу* (отношения с органом, осуществляющим хозяйственную функцию; отношения с органом, осуществляющим функцию организации и управления), в) *по объекту* (правоотношения, связанные с хозяйственной деятельностью данного органа; правоотношения, связанные с его организационно-управленческой деятельностью), г) *по объему правомочий и обязанностей* (обязанность, соответствующая правомочию как притязанию; обязанность, соответствующая правомочию как велению)»¹².

⁷ Там же. 527.

⁸ Там же. С.528.

⁹ Там же. С.537.

¹⁰ Там же. С.542.

¹¹ Там же. С.546–547.

¹² Там же. 541–542.

Переходя к исследованию содержания гражданского правоотношения, О. С. Иоффе замечает, что правовое отношение как общественное отношение особого рода обнаруживает себя прежде всего в том, что его участники выступают в качестве носителей прав и обязанностей, и если в этом состоит специфика правового отношения, то, по-видимому, и его содержание находится в непосредственной связи с характером и содержанием правомочий и обязанностей его участников. Специфику содержания субъективного права автор видит не в дозволенности действий, не в праве на свои собственные действия (как С. Н. Братусь¹³), а в возможности этих действий, возникающей вследствие обеспечения определенного поведения обязанных лиц. Соответственно, правовая обязанность является средством обеспечения такого поведения ее носителя, в котором нуждается управомоченный и которое государство признает обязательным.

О. С. Иоффе, полемизируя с М. М. Агарковым, понимающим под содержанием правоотношения не права и обязанности, а поведение обязанного лица¹⁴, отмечает: «...содержание правоотношения уже потому нельзя сводить к действиям обязанного лица, что моменты реального совершения этих действий и возникновения самого правоотношения во времени не совпадают... Одновременно с правоотношением возникает не самое поведение обязанного лица, а лишь юридическое средство обеспечения такого поведения – субъективное право и правовая обязанность»¹⁵.

По М. М. Агаркову, содержанием правоотношения является поведение обязанных лиц, а объектом – вещь или во всяком случае «прежде всего вещь», на которую направлено это поведение¹⁶. Полемизируя с М. М. Агарковым и развивая взгляды Я. М. Магазинера¹⁷ по вопросу об объектах прав, О. С. Иоффе обосновывает положение о том, что «нельзя относить к их числу вещи, которые не способны реагировать на действие, оказываемое правом. К реагированию на это действие способно только поведение, только оно, следовательно, и является объектом гражданских прав»¹⁸.

Вопрос о субъектном составе гражданских правоотношений рассматривается в работе в связи с разделением гражданских прав на абсолютные и относительные, вещные и обязательственные.

Наконец, последняя глава работы посвящена юридическим фактам как основаниям возникновения гражданских прав и правоотношений. В ней дается детальная классификация юридических фактов, показывается их роль в динамике гражданских правоотношений: собственности, обязательственных, наследственных, семейных.

Завершая краткую характеристику работы О. С. Иоффе, посвященной правоотношению по гражданскому праву, нельзя не отметить следующее. Являясь пионерской, широкой по охвату проблем, синтетической, к тому же выполненной молодым ученым, анализируемая работа не могла не содержать ряд частных не до конца проработанных положений. Критики, разумеется, воспользовались этим, что в свою очередь заставило О. С. Иоффе неоднократно возвращаться к проблематике гражданского правоотношения, уточняя свою позицию по ряду вопросов¹⁹.

¹³ Братусь С. Н. Юридические лица в советском гражданском праве // Ученые труды ВИАЮ Министерства юстиции СССР. 1947. Вып. XII. С. 10–33.

¹⁴ Агарков М. М. Обязательство по советскому гражданскому праву // Ученые записки ВИАЮ НКЮ СССР. Вып. III. 1940. С. 22.

¹⁵ Иоффе О. С. Избранные труды по гражданскому праву. С. 566–567.

¹⁶ Агарков М. М. Указ соч. С. 22.

¹⁷ Магазинер Я. М. Советское хозяйственное право. Л., 1928. С. 174.

¹⁸ Иоффе О. С. Избранные труды по гражданскому праву. С. 604.

¹⁹ См., например: Иоффе О. С. Спорные вопросы учения о правоотношении // Избранные труды по гражданскому праву. С. 649; На философском семинаре юридического факультета Ленинградского университета // Правоведение. 1958.

В частности, весьма оригинальным и продуктивным, на мой взгляд, является уточненный О. С. Иоффе подход к определению содержания и объекта гражданского правоотношения.

Полемизируя со своими критиками, определяя соотношение нормы права, правоотношения и общественного отношения, О. С. Иоффе отмечает, что «правоотношение, рассматриваемое как явление надстроечное, представляет собой вид или форму, в которую облекается урегулированное правом общественное отношение. Из этого следует, что *материальное* содержание всякого правоотношения составляет то общественное отношение, которое им закрепляется. Наряду с материальным, правоотношение, как явление идеологического порядка, обладает и своим особым, относительно самостоятельным, *идеологическим* содержанием... Таким содержанием является воля господствующего класса, которая, будучи выраженной в нормах права, индивидуализируется в возникающих в соответствии с ними правоотношениях... Наконец, правоотношение как *правовое* явление обладает и своим особым *юридическим* содержанием, которое, на наш взгляд, воплощается в субъективных правах и обязанностях его участников»²⁰.

В соответствии с обновленным определением содержания правоотношения О. С. Иоффе уточняет и определение объекта правоотношения. Он пишет: «Так как всякое явление воздействует на определенный объект своим содержанием, то у правоотношения должен быть не только юридический, но также идеологический и материальный объект. Юридическое содержание правоотношения образуют права и обязанности его субъектов, а юридическим объектом правоотношения будет то, на что эти права и обязанности направлены... поведение обязанного лица является объектом... правоотношения. Идеологическое содержание правоотношения образует воля господствующего класса, которая, будучи выраженной в нормах права, индивидуализируется в субъективных правах и обязанностях, принадлежащих участникам правоотношения... воля... участников правоотношения ставится в подчинение воле господствующего класса... является идеологическим объектом правоотношения... Материальное содержание правоотношения составляет то общественное отношение, которое им закрепляется... Если данное правоотношение так или иначе связано с вещью, то вещь выступает в качестве его материального объекта»²¹.

По прошествии семи лет с момента защиты кандидатской диссертации, в 1954 г., О. С. Иоффе в возрасте 34 лет защитил докторскую диссертацию на тему: «Ответственность по советскому гражданскому праву», изданную в 1955 г. в виде монографии, в которой «первые в науке советского гражданского права вопросы гражданско-правовой ответственности поставлены в широком плане и рассмотрены всесторонне»²². По отзывам ученых, «монография представляет собой интересное исследование одной из основных проблем советского гражданского права, широкое по охвату темы и богатое по материалу»²³.

Действительно, проблематика юридической ответственности была актуальной не только в то время, когда писал свою работу О. С. Иоффе, она актуальна и сегодня. Думаю, не ошибусь, если скажу, что катализатором разгоревшейся в последующие годы дискуссии по проблемам юридической ответственности в значительной степени была эта работа О. С. Иоффе.

№ 2. С. 160.

²⁰ Иоффе О. С. Спорные вопросы учения о правоотношении. С. 665–666.

²¹ Там же. С. 678–679.

²² Каминская П., Грибанов В. Рецензия на книгу О. С. Иоффе «Ответственность по советскому гражданскому праву». ЛГУ. 1955 // Социалистическая законность. 1956. № 5. С. 85.

²³ Халфина Р. О. Рецензия на книгу О. С. Иоффе «Ответственность по советскому гражданскому праву». ЛГУ. 1955 // Советское государство и право. 1956. № 7. С. 134.

Разумеется, о гражданско-правовой ответственности писали и до 1955 г., однако тогда ставились и освещались вопросы не гражданско-правовой ответственности в целом, а ее отдельных видов – ответственности договорной или внедоговорной, ей посвящались лишь отдельные главы учебников и монографий. Монографического исследования ответственности по гражданскому праву не было. Между тем, как отмечал О. С. Иоффе, «помимо различных названные виды гражданско-правовой ответственности обладают целым рядом общих черт, имеющих принципиальное научно-теоретическое и практическое значение. К их числу... относятся *принципы*, на которых зиждется ответственность по советскому гражданскому праву... *условия* возникновения гражданско-правовой ответственности... то же самое следует сказать и *об объеме* ответственности, которой подвергается нарушитель договорного обязательства или причинитель внедоговорного вреда... Необходимо определить самое понятие гражданско-правовой ответственности»²⁴.

В семи главах книги последовательно рассматриваются понятия и принципы, субъекты, условия (противоправность, вина, убытки, причинная связь) и объем ответственности по гражданскому праву. Отличительной особенностью работы является ее насыщенность примерами из судебной практики, иллюстрирующими чуть ли не каждый тезис автора, что делает ее ясной и доходчивой для читателя.

Эта монография О. С. Иоффе, не потерявшая своего научного значения и сегодня, является основой для изучения природы гражданско-правовой ответственности. В Общей части Гражданского кодекса РФ мы находим общие положения о гражданско-правовой ответственности (например, правила о возмещении убытков), которые по сути отражают выводы, сделанные О. С. Иоффе в своей работе.

Важнейшим результатом исследования, проведенного О. С. Иоффе, является определение общего понятия ответственности по гражданскому праву: «1) она является *санкцией* за нарушение гражданских законов, обеспеченной *убеждением* и *государственным принуждением* или его *возможностью*; 2) в ее основе лежит *общественное осуждение* поведения правонарушителя и *стимулирование* его к определенной деятельности в интересах общества при отсутствии оснований для осуждения поведения ответственного лица; 3) она выражается в форме *восстановления* нарушенных отношений и в форме установления *отрицательных* последствий для правонарушителя в целях обеспечения условий нормального развития регулируемых... гражданским правом... общественных отношений»²⁵.

Сохраняют свое значение и принципы гражданско-правовой ответственности, к которым автор отнес: законность, полное возмещение, ответственность за вину. Принцип законности является общим принципом права. Что же касается остальных принципов, то их теоретическое и практическое значение подтверждено временем. Принцип полного возмещения, отмечает О. С. Иоффе, обеспечивает последовательное проведение в жизнь начала эквивалентности в отношениях между обществом и его членами не только тогда, когда эти отношения реализуются нормально, но и тогда, когда они нарушены; стимулирует восполнение или по крайней мере сведение до минимума величины причиненного ущерба²⁶. Принцип ответственности за вину способствует развертыванию широкой инициативы людей, которые получают возможность свободно и беспрепятственно устанавливать допускаемые законом отношения, так как им нечего опасаться различных случайностей, и только собственная нерадивость и безответственность каждого в отдельности может быть вменена ему в вину. В тех же случаях, когда лицо нарушает свои обязанности, привлечение его к ответственности, основанное на началах вины, является действенной формой напоминания ему от имени

²⁴ Иоффе О. С. Ответственность по советскому гражданскому праву. Л., 1955. С. 4.

²⁵ Там же. С. 17.

²⁶ Там же. С. 25.

государства о том, что он не принял всех необходимых мер к выполнению своего долга, что его поведение не соответствует требованиям, которые общество предъявляет к своим членам. О. С. Иоффе допускает отступление от принципа ответственности за вину, если в определенных отношениях применение этого принципа не обеспечивает достижения необходимых обществу целей. Ответственность за невиновное, случайное причинение ущерба устанавливается в целях стимулирования необходимого поведения²⁷.

Рассматривая вопрос о субъектах гражданско-правовой ответственности, О. С. Иоффе основное внимание сосредоточивает на сущности юридического лица – вопросе, являющемся спорным и в настоящее время. Он отмечает, что ответственность возникает лишь при наличии определенных условий, создаваемых поведением лица, которое привлекается к ответственности, и пытается ответить на вопрос, в чьем именно поведении эти условия должны быть сосредоточены. В результате анализа различных точек зрения по вопросу о «людском субстрате» юридического лица (теории государства, теории директора, теории коллектива) автор приходит к выводу, что «ни теория государства, ни теория директора не могут быть использованы для обоснования и объяснения ответственности юридических лиц... Эта задача... оказывается, однако, вполне разрешимой для теории коллектива... Если юридическое лицо – это коллектив трудящихся... то и действия участников этого коллектива, совершенные в связи с выполнением их трудовых функций, являются действиями самого юридического лица... ответственность последнего является ответственностью не за чужие, а за свои собственные действия»²⁸.

Далее автор исследует объект и формы противоправного поведения. Под объектом гражданского правонарушения он понимает норму права и правоотношение, которые при всем их различии представляют собой единый объект посягательства при совершении гражданского правонарушения. Под формами противоправного поведения О. С. Иоффе понимает как противоправное действие, так и противоправное бездействие.

Значительную часть работы занимает глава, посвященная вине. Здесь рассматриваются вопросы содержания вины, презумпции виновности, степени виновности, смешанной вины, ответственности за чужую вину и ответственности без вины.

Вина определяется как психическое отношение правонарушителя к совершенному им противоправному действию или бездействию, а также к наступившему результату. Автор пишет, что в гражданском праве, в отличие от уголовного права, виновность правонарушителя предполагается – каждый совершивший объективно противоправное действие предполагается виновным до тех пор, пока не будет доказано противное. Вине в гражданском праве присущи следующие степени: умысел, грубая неосторожность и простая неосторожность. В книге дается детальная характеристика каждой из указанных степеней вины, показывается их практическое значение.

В случаях, когда имеет место вина потерпевшего, возникает теоретическая и практическая проблема смешанной вины, которая также подробно исследуется в работе.

В монографии поднимается дискуссионная и имеющая практическое значение проблема ответственности за чужую вину: ответственности должника за действия лиц, на которых было возложено исполнение обязательства; ответственности юридического лица за вред, причиненный его работниками; ответственности родителей за вред, причиненный их детьми. О. С. Иоффе по существу отвергает конструкцию ответственности за чужую вину, доказывая, что во всех указанных случаях имеет место ответственность за свою вину.

Наконец, еще одна важная проблема – ответственность независимо от вины лица, причинившего ущерб. Автор отмечает, что такая ответственность, не будучи связанной с виной

²⁷ Там же. С. 28–29.

²⁸ Там же. С. 66–67.

причинителя, служит средством осуществления предупредительно-воспитательной функции гражданского права в специфической области общественных отношений (отношений по использованию техники)²⁹. Стимулируя широкое внедрение техники безопасности и возложение ответственности за случайное причинение вреда, соответствующие нормы обеспечивают удовлетворение и охрану потребностей и интересов личности.

Одним из условий ответственности по гражданскому праву является причинная связь между противоправным поведением и наступившим результатом. По мнению О. С. Иоффе, «уже из самого понятия причинной связи следует, что она включает в себя как наступивший результат, так и вызвавшие его причины, а также причинно-следственную зависимость между ними»³⁰. Именно поэтому глава работы, посвященная причинной связи, начинается с рассмотрения вопроса об убытках как результате гражданского правонарушения, затем исследуется неправомерное поведение как причина убытков, а завершается глава параграфом о причинной связи.

Говоря об убытках, автор ратует за сохранение в законодательстве деления убытков на два вида: положительный ущерб в имуществе и упущенную выгоду. Что же касается деления убытков на прямые и косвенные, то О. С. Иоффе делает вывод, что это по сути проблема причинной связи в гражданском праве: «Прямые убытки находятся в юридически значимой причинной связи с неправомерным поведением, которая отсутствует при наступлении косвенных убытков»³¹.

Рассматривая различные теории причинной связи (теорию типичного причинения, теорию необходимого условия, теорию причинности), О. С. Иоффе занимает самостоятельную позицию по этому вопросу. Он предлагает опираться на понятия возможности и действительности, которые позволяют установить, какая именно степень причинения должна быть создана правонарушителем, чтобы она могла служить основанием ответственности. «Причинная связь между поведением человека и наступившим результатом приобретает правовое значение лишь при том условии, что это поведение вызвало действительность результата или, по крайней мере, создало конкретную возможность его наступления. Обстоятельствами, превращающими возможность в действительность, признаются такие факты, причиняющая сила которых проявила себя в индивидуальных особенностях наступивших последствий. Если эти обстоятельства носят объективно повторяющийся характер и в связи с ними находится поведение человека, то это означает, что оно создало конкретную возможность результата. При объективной неповторяемости в данной конкретной ситуации тех же обстоятельств находящееся в связи с ними поведение создает лишь абстрактную возможность результата, исключаящую ответственность»³².

Последняя часть работы посвящена определению объема ответственности по гражданскому праву. Здесь рассматриваются вопросы о значении и практическом применении принципа полного возмещения, проблемы, связанные с особенностями возмещения убытков, причиненных юридическим лицам и гражданам, а также взысканием штрафных санкций (неустойки).

Работы О. С. Иоффе об ответственности по гражданскому праву и о правоотношении по гражданскому праву были новаторскими для своего времени. В значительной степени они сохранили свое научное значение и сегодня, являясь образцом выполнения диссертаци-

²⁹ Там же. С. 184, 191. В настоящее время такой областью общественных отношений, в частности, являются отношения между лицами, осуществляющими предпринимательскую деятельность, или с их участием. Предприниматели несут ответственность за нарушение обязательства независимо от вины, если иное не предусмотрено законом или договором (п. 3 ст. 401 ГК РФ).

³⁰ Там же. С. 203.

³¹ Там же. С. 210.

³² Там же. С. 233.

онного исследования. Это, на мой взгляд, объясняется тем, что О. С. Иоффе (какой бы спорной ни была его собственная позиция по рассматриваемому вопросу) всегда считал необходимым показать весь диапазон взглядов на проблему, аргументированно опровергал либо отстаивал те или иные взгляды и на этой основе делал свои выводы, показывал не только теоретическое, но и практическое значение исследуемой проблемы.

Вспоминаю, как аспиранты О. С. Иоффе, включая меня, раз в две-три недели сдавали ему темы по гражданскому праву. Он требовал от нас знания всех основных точек зрения по контролируемой теме и доказательств в пользу тех или иных взглядов либо в их опровержение. Он имел на это право, поскольку это была его планка знаний, и он старался подтянуть до нее нас, своих учеников.

Думаю, что переиздание работ О. С. Иоффе, которые в начале 80-х годов прошлого века были изъяты из библиотек, позволит восстановить справедливость, сделав их доступными для новых поколений молодых ученых, посвятивших себя цивилистике.

*Доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой
коммерческого права Санкт-Петербургского государственного
университета В. Ф. Попондопуло*

Правоотношение по советскому гражданскому праву

Ответственный редактор профессор С. И. Аскназий

Глава I

Общественная природа правового отношения. Правовое отношение как особый вид общественных отношений

Проблема правоотношения – одна из наиболее сложных и в то же время наименее разработанных проблем правовой науки.

Буржуазная юриспруденция, рассматривая правоотношение изолированно от других общественных отношений и анализируя его лишь с правно-описательной, догматико-нормативной точки зрения, не могла в своих выводах пойти дальше чисто формальных, лишь по внешней видимости логически законченных определений, являющихся, по существу, результатом предварительного, только еще начинающегося исследования. Согласно предложенным ею определениям, правоотношение является отношением, регулируемым или признаваемым правом, либо жизненным отношением, к которому право присоединяется.

Не касаясь вопроса о том, в какой мере эти определения соответствуют чисто техническим и непосредственным практическим требованиям, можно во всяком случае сказать, что они не решают проблему по существу, ибо, несмотря на их специфику, правоотношения не удалены от других общественных отношений, а находятся в тесной и непосредственной связи с последними. Установление этой связи только и может позволить определить роль и значение правовых отношений в общественной жизни, а на этом основании выявить их особые свойства и установить их специальное назначение³³. Исходным принципом для разрешения вопроса в такой его постановке должно служить то общеизвестное и общепринятое в советской юридической науке положение, согласно которому всякое правоотношение существует только как взаимное отношение людей и является общественным отношением.

Но, с другой стороны, не всякое взаимное отношение людей, не всякое общественное отношение есть в то же время отношение правовое. Правовые отношения составляют особый вид общественных отношений. Будучи тесно связанными с иными взаимными отношениями людей в реальной общественной жизни, они не только не утрачивают своей специфики, а, напротив, именно благодаря этой специфике приобретают большое общественное значение, играя в высшей степени важную роль и занимая вполне определенное, достаточно значительное место в кругу иных общественных отношений. Поэтому, характеризуя правоотношение как общественное отношение, но как общественное отношение *sui generis*, необходимо подвергнуть его параллельному анализу как с точки зрения связи, в которой оно находится с иными общественными отношениями, так и с точки зрения специфики, благодаря которой оно выступает в качестве общественного отношения особого рода.

³³ Решающее значение для советской науки права приобретает в этой связи известное указание Маркса на то, что «правовые отношения, как и формы государства, не могут быть поняты ни из самих себя, ни из так называемого всеобщего развития человеческого духа» (*К. Маркс и Ф. Энгельс*, Соч., т. XII, ч. I, стр. 6), а должны изучаться соответственно их реальному историческому и классовому содержанию.

1

Товарищ Сталин, распространяя выявленные им основные черты диалектического метода на процессы общественного развития, указывает, что, подобно связи и взаимной обусловленности явлений природы, «связь и взаимная обусловленность явлений общественной жизни – представляют также не случайное дело, а закономерности развития общества»³⁴. Эти закономерности, как известно, представляют собою не что иное, как закономерности развития производительных сил и производственных отношений, образующих в своем единстве «экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания»³⁵. Правовые отношения как отношения идеологические³⁶ составляют один из элементов возвышающейся над экономическим базисом общества юридической и политической надстройки. Этим наиболее общим образом определяется их место среди иных общественных отношений, а также характер и содержание, которые они приобретают при определенных исторических условиях в соответствующей социально-экономической формации.

Но к области юридической и политической надстройки, наряду с правом и правовыми явлениями, относятся и другие общественные явления, другие «идеологические формы» – формы политические, религиозные, философские, а в сфере отношений, вырастающих из экономических условий общественной жизни, наряду с правовыми, сосредоточены также другие отношения, в которые люди вступают друг с другом в процессе взаимного общения. Имея правовые отношения в качестве одного из специальных предметов своего исследования, юридическая наука должна поставить и разрешить более конкретный вопрос – вопрос о непосредственной функции правовых отношений, об их связи с другими общественными отношениями и, прежде всего, с отношениями общественного производства, вопрос о том, как, каким образом, определяясь в своем содержании состоянием производительных сил и производственных отношений, правовые отношения могут оказать и действительно оказывают на них обратное воздействие и каков характер этого воздействия.

При ближайшем анализе правовых отношений во взаимосвязи с отношениями общественного производства обнаруживается, что последние в процессе своего движения постоянно порождают возникновение и непрерывную модификацию возникших на их основе правовых отношений, выступающих в качестве необходимой внешней предпосылки и внешнего способа движения общественно-производственных отношений. Это достаточно наглядно проявляется уже при самом беглом обозрении производственного цикла, прослеженного во всех его последовательно сменяющих друг друга стадиях – от производства в собственном смысле как начальной стадии до потребления как заключительной стадии этого цикла.

При капиталистическом способе производства смена отдельных стадий производственного цикла, как и движение каждой из этих стадий, обуславливают возникновение, изменение и последующее осуществление самых разнообразных правовых отношений.

«Всякое производство, – указывает Маркс, – есть присвоение индивидом предметов природы внутри и посредством определенной общественной формы... Ни о каком производстве, а стало быть ни о каком обществе не может быть речи там, где не существует никакой формы собственности»³⁷. Наличие определенной формы собственности составляет

³⁴ И. В. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 544.

³⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XII, ч. 1, стр. 6.

³⁶ О специфике идеологических отношений см. В. И. Ленин, Соч., т. I, стр. 61, 70.

³⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XII, ч. I, стр. 177.

главную предпосылку всякого способа производства, поскольку всякое производство, являясь присвоением индивидом предметов природы, не только приводит к образованию собственности, но и в своем исходном движении опирается на существующие отношения собственности, которыми определяется общественный характер присвоения, осуществляемого в процессе производства. Процесс производства есть в то же время процесс присвоения, протекающий в «определенной общественной форме», – в этом смысле марксово понятие собственности охватывает собою понятие совокупности производственных отношений, для которых право собственности является юридической формой их выражения³⁸, но притом формой, вне которой в классовом обществе собственность существовать не может.

Эти общие положения исторического материализма, применимые ко всем классовым социально-экономическим формациям, само собою разумеется, относятся также и к капиталистическому способу производства, главная предпосылка которого – собственность – всегда проявляется вовне в юридической форме. Последняя закрепляется в нормах права, а отношения собственности приобретают тем самым характер правовых отношений.

Но собственность, в частности собственность на средства производства, выражающая на первый взгляд только известное фактическое, юридически закрепленное состояние, приобретает реальное значение лишь постольку, поскольку она приводится в движение трудом, вследствие соединения рабочей силы со средствами производства, осуществляющегося определенным общественным способом и в определенной общественной форме. В капиталистическом обществе соединение рабочей силы со средствами производства осуществляется методом экономического принуждения, а юридически это соединение фиксируется заключением договора о найме рабочей силы, т. е. установлением трудовых правоотношений. То обстоятельство, что в эпоху капитализма рабочая сила соединяется со средствами производства при помощи такого юридического способа – путем установления трудовых правоотношений на основе «добровольно» заключенных договоров, – вытекает из самого характера капиталистических производственных отношений. Но, с другой стороны, поскольку движение последних в качестве одного из своих решающих условий предполагает приложение к средствам производства чужого труда, обеспечиваемое при помощи указанных специфически-юридических форм, то вне этих форм не может протекать и самый процесс капиталистического производства.

Соединение рабочей силы со средствами производства, осуществляющееся на основе экономического принуждения таким чисто юридическим методом, в свою очередь порождает и специфический правовой порядок оформления распределения общественного дохода между двумя основными классами капиталистического общества, который сам по себе предопределен экономически. Распадение общественного дохода при капиталистическом способе производства на вновь созданную прибавочную стоимость и воспроизведенный переменный капитал предопределяется теми позициями, которые класс капиталистических собственников и класс наемных рабочих занимают в общественном производстве. Юридически же такое распределение общественного дохода основано на том, что, в соответствии с трудовым договором, рабочий приобретает право на получение эквивалента отчужденного им товара рабочей силы, стоимость которой определяется суммой стоимостей средств ее воспроизводства, а остальная часть вновь созданной стоимости в виде чистой прибыли поступает в распоряжение того, чьими средствами она была создана, т. е. в распоряжение капиталиста. Отношение между двумя классами, выраженное экономически в распадении вновь созданной стоимости на воспроизведенный переменный капитал и произведенную прибавочную стоимость, юридически фиксируется в правоотношении между двумя конкретными лицами, из которых одно лицо, рабочий, имеет право требовать, а второе лицо,

³⁸ См. там же, стр. 6.

капиталист, обязано уплатить эквивалент стоимости приобретенного им товара рабочей силы с тем, что все, созданное сверх этого эквивалента, поступает в распоряжение капиталиста как собственника «мертвых факторов» производства.

Капиталистически произведенный товар интересует его собственника не как потребительная стоимость, а как стоимость меновая, которая в своем чистом виде, в денежной форме, может быть реализована лишь при том условии, что будет найден способ возмездной передачи товара тому, для кого он представляет интерес в своем качестве потребительной стоимости. Экономически возможность реализации товара обусловливается общественным разделением труда и всеобщей товарной формой капиталистического производства. Внешним же образом самый процесс реализации протекает в форме разнообразных гражданско-правовых сделок, при помощи которых осуществляется отчуждение товарной стоимости и извлечение из оборота ее денежного эквивалента. Кроме того, являясь одним из юридических средств обеспечения нужд личного потребления в необходимых материально-вещественных элементах, гражданско-правовые сделки, с другой стороны, образуют также исходный пункт для начальной стадии нового производственного цикла, поскольку при их помощи из сферы обращения извлекаются необходимые элементы материального производства, поступающие в так называемое производительное потребление.

В связи с тем, что извлечение денег из оборота представляет собою необходимую стадию, через которую нужно пройти для того, чтобы вновь бросить их в обращение, с целью приобретения необходимых факторов последующих производственных циклов, то, отвлекаясь от этой стадии, можно было бы сказать, что гражданско-правовые сделки и возникающие на их основе гражданские правоотношения представляют собою юридический способ разделения товарной массы на две части: на ту часть, которая поступает в индивидуальное потребление, и на ту часть, которая поступает в потребление производительное. Первая часть выпадает из общественной сферы, поступает в личное распоряжение индивида и используется для непосредственного удовлетворения его личных нужд, а вторая – остается в общественной сфере, поступает в распоряжение предпринимателя и используется для непосредственного удовлетворения нужд капиталистического производства. Производительное потребление образует исходный момент нового производственного цикла, а следовательно, и нового повторения всех его стадий и тех юридических форм, в которых они протекают.

Из этого схематического описания целого цикла капиталистического производства видно, в какой тесной и неразрывной связи правовые отношения находятся с отношениями производственными. Капиталистическое производство в процессе движения его различных стадий постоянно порождает самые разнообразные правоотношения, которые выступают в качестве внешнего условия этого движения. Смена одной стадии производственного цикла другой его стадией влечет за собою прекращение одних и возникновение новых правовых отношений. В каждом из этих правовых отношений общественно-производственные отношения между основными классами капиталистического общества выражаются в виде отношений между конкретными лицами как представителями этих различных классов или одного и того же класса. Следовательно, правовые отношения являются не только условием движения, но и средством конкретизации тех общественно-производственных отношений, которыми они порождаются.

Общий характер капиталистических производственных отношений вынуждает класс наемных рабочих продавать свою рабочую силу. Но это обстоятельство само по себе не создает еще непосредственной расстановки рабочих на отдельных капиталистических предприятиях. Такая задача, смысл которой состоит в том, чтобы придать известную устойчивость условиям производства на каждом отдельном капиталистическом предприятии, должна быть решена не в виде общей экономической возможности, а конкретно в каждом

отдельном случае правовым методом, путем установления конкретных правовых отношений.

Точно так же обстоит дело и с реализацией товарной массы. Описанные Марксом схемы простого и расширенного капиталистического воспроизводства³⁹ указывают на абстрактную возможность реализации товаров, путем обмена между I и II подразделениями общественного производства и внутри каждого из этих подразделений. Но это – лишь абстрактная экономическая возможность. Для того чтобы она стала действительностью, в каждом конкретном случае должен быть найден реальный контрагент, и при помощи гражданско-правовых сделок должна быть осуществлена фактическая реализация товаров.

Таким образом, правовые отношения являются не только условием движения и средством конкретизации, но также и способом закрепления общественно-производственных отношений. Правовые отношения, регулируемые нормами буржуазного права, опосредствуют движение капиталистических производственных отношений, классовое содержание которых получает в них конкретизированное и закреплённое выражение. Но в то же время абстрактно-юридический характер правовых отношений придает выражающимся в них капиталистическим производственным отношениям классово-обезличенную видимость, видимость отношений между абстрактными и равноправными правовыми субъектами. Буржуазные правовые отношения, фактически закрепляя антагонистические производственные отношения капитализма, маскируют их классовое содержание и придают им бесклассовое и надклассовое выражение.

В социалистическом обществе право, а стало быть и правовые отношения играют большую роль в деле расширенного социалистического воспроизводства, осуществляемого государством в лице его органов, а также социалистическими объединениями трудящихся, действующими на основе и во исполнение государственных народнохозяйственных планов. Уже одно то обстоятельство, что наше государство, наряду с другими функциями, осуществляет также и хозяйственно-организаторскую функцию, получившую особое развитие во второй фазе советского государства⁴⁰, свидетельствует о том, что хозяйственная деятельность в нашей стране не может протекать вне государственно-правового регулирования. Это обнаруживается как исторически, так и при последовательном рассмотрении отдельных стадий социалистического воспроизводственного процесса.

Прежде всего, социалистическая собственность как основное условие социалистического производства была первоначально создана в результате проведения в жизнь изданных после победы социалистической революции в нашей стране декретов о национализации, обеспечивших сосредоточение в руках советского государства командных высот народного хозяйства нашей страны и создавших экономическую базу для дальнейшего развития социалистических производственных отношений. Новым мощным источником создания предметов государственной социалистической собственности явилась производственно-хозяйственная деятельность советского государства в лице его организованных на началах хозяйственного расчета в качестве самостоятельных юридических лиц хозяйственных органов, которые в административно-правовом порядке были наделены основными и обособленными оборотными средствами, переданными им для самостоятельного оперативно-хозяйственного управления⁴¹.

³⁹ См. К. Маркс, Капитал, т. II, 1931, стр. 281–383.

⁴⁰ См. И. В. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 606.

⁴¹ Термин «оперативно-хозяйственное управление» мы употребляем в том смысле, какой ему придает проф. А. В. Венедиктов в своих работах «Право государственной социалистической собственности», Вопросы гражданского права, изд. АН СССР, 1945, а также «Органы управления государственной социалистической собственностью», Советское государство и право, № 5–6, 1940, и «Государственные юридические лица в СССР», Советское государство и право, № 10, 1940.

Что же касается второй формы социалистической собственности, собственности колхозно-кооперативных объединений, то она создавалась путем добровольного обобществления определенных предметов собственности членов этих объединений, а также вследствие безвозмездной (в административно-правовом порядке) и возмездной (в порядке гражданско-правовых сделок, заключаемых на основе административного акта) передачи в собственность колхозно-кооперативной системе мелких предприятий и других средств производства со стороны государства. Основным источником образования колхозно-кооперативной собственности в настоящее время является производственная деятельность этих объединений.

В основе производственной деятельности государственных хозяйственных органов и колхозно-кооперативных объединений лежит единый закрепленный в законе государственный народнохозяйственный план, который в качестве закона является сам по себе актом правового характера. Выполнение плановых заданий, возложенных на отдельные хозяйственные организации, составляет их юридическую обязанность, осуществление которой предписывается им законом о едином государственном плане развития народного хозяйства и конкретизация которой производится в разработанных на основе этого закона планах развития отдельных предприятий и объединений трудящихся. С другой стороны, юридическая самостоятельность отдельных производственных единиц и их взаимная хозяйственная связанность приводят к тому, что в процессе осуществления расширенного социалистического воспроизводства и в целях выполнения плана они вступают в самые разнообразные правовые отношения, направленные на реализацию произведенной продукции и на обеспечение нового производственного цикла необходимым количеством материалов, оборудования, топлива и т. д.

Правовые отношения этого рода в одних случаях порождаются административно-правовыми актами непосредственно (например, поставка автомашин. – Постановление СТО при СНК СССР от 7 апреля 1935 г.); в других случаях административный акт создает лишь обязанность заключить гражданско-правовую сделку, а возникающее в связи с этим правоотношение непосредственно порождается соглашением predeterminedных административным актом сторон (например, поставка материалов, оборудования и топлива. – Постановление ЭКОСО при СНК СССР от 2 декабря 1938 г.). Административный акт может, далее, устанавливать лишь общее разрешение для заключения той или иной сделки, с тем, что вопрос о необходимости и целесообразности ее заключения в каждом конкретном случае решается сторонами самостоятельно (например, заключение договора конткоррента. – Постановление ЦИК и СНК СССР от 23 июля 1930 г.). Наконец, устанавливая определенное плановое задание, административный акт может и не предписывать создания конкретных правоотношений между определенными лицами, но хозорган-адресат этого планового задания, в соответствии с ним и в целях его исполнения, должен вступить в необходимые правовые отношения с другими хозорганами или кооперативно-колхозными организациями и гражданами⁴².

В различные правовые отношения, которые предопределяются административными актами (например, обязательства по хлебопоставкам) или регулируются общим образом (например, допущение продажи хлеба на рынке после выполнения обязательств по хлебопоставкам), вступают также и кооперативно-колхозные объединения в процессе реализации произведенной ими продукции и в целях приобретения необходимых материально-вещественных факторов дальнейшего производственного процесса.

⁴² О гражданских правоотношениях, возникающих из плановых актов, см. подробнее у проф. М. М. Агаркова, «Обязательство по советскому гражданскому праву», Ученые труды ВИЮН НКЮ СССР, вып. III, стр. 115–137.

Процесс расширенного социалистического воспроизводства осуществляется благодаря активному участию в нем советских граждан, прилагающих свой труд в социалистической системе хозяйства. Соединение рабочей силы со средствами производства, в строгом соответствии с нормами социалистического трудового законодательства, происходит, главным образом, на основе трудовых договоров, заключаемых между трудящимися и различными хозяйственными организациями и образующих юридическое основание для установления соответствующих трудовых правоотношений. В кооперативно-колхозных объединениях юридическим основанием установления трудовых правоотношений между этими объединениями и их членами является самый факт членства, возлагающий обязанность на участников производственного процесса прилагать свой труд для его осуществления.

Случаи привлечения к труду в административно-правовом порядке имеют место либо тогда, когда такая необходимость вызывается особыми обстоятельствами места или времени (трудовая повинность для борьбы со стихийными бедствиями, трудовая мобилизация в военное время), либо тогда, когда государство производит определенные затраты на подготовку квалифицированных кадров (направление на работу после окончания вузов и техникумов, школ ФЗО и ремесленных училищ). Однако в последнем случае в административном порядке производится только направление на работу. Что же касается характера трудовых правоотношений, возникающих на этой основе, то они, по существу, ничем не отличаются от трудовых правоотношений, установленных на основе заключения трудовых договоров.

Участие советских граждан в распределении общественного дохода осуществляется либо в форме заработной платы, уровень которой регулируется законом, устанавливающим также различные системы оплаты труда, либо в форме непосредственного участия в распределении дохода данной кооперативно-колхозной организации на основе членства, в соответствии с количеством и качеством труда каждого ее члена. В результате приложения своего труда в социалистической системе хозяйства, в соответствии с установленными трудовыми правоотношениями, советские труженики приобретают право на вознаграждение за труд по его количеству и качеству на основе принципа социализма: «от каждого по его способностям, каждому по его труду».

Разнообразие правовых форм, в которых протекает процесс расширенного социалистического воспроизводства, выражается в различных правовых отношениях, устанавливаемых между государственными организациями, колхозно-кооперативными объединениями и отдельными гражданами на различных стадиях социалистического производственного цикла. Вне этих форм не может осуществиться процесс расширенного социалистического воспроизводства, а, следовательно, правовые отношения являются условием движения отношений социалистического производства. Поскольку же эти правовые отношения устанавливаются в соответствии с планом и во исполнение плана, то они являются средством реализации народнохозяйственного плана, средством, при помощи которого общее плановое задание, установленное для данного хозяйственного органа и для данного кооперативно-колхозного объединения, конкретизируется и закрепляется путем возложения обязанностей и предоставления прав участникам правоотношений сообразно с теми задачами, которые для них установлены планом в целом. Если выполнение народнохозяйственного плана в каждой отдельной отрасли производства государство возлагает на свои хозяйственные органы или на кооперативно-колхозные объединения, то они должны быть не только обозначены в плане в качестве адресатов общих плановых заданий, но и определены более конкретно как участники конкретных правовых отношений, закрепляющих их взаимные правовые позиции. Следовательно, правовые отношения являются также средством закрепления правовых позиций участников процесса социалистического воспроизводства в их хозяйственных и экономических взаимоотношениях, возникающих в связи с выполнением народнохозяйственного плана.

Отношения советского социалистического права опосредствуют движение социалистических производственных отношений. При этом правовая форма не только не обезличивает их социалистического содержания, а, напротив, придает последнему конкретизированное и закрепленное выражение, поскольку участники правовых отношений в самих этих отношениях выступают в качестве носителей прав и обязанностей, приобретенных ими в целях выполнения народнохозяйственного плана, в целях осуществления процесса расширенного социалистического воспроизводства. Объем конкретных прав и обязанностей социалистических организаций, как и характер и назначение устанавливаемых ими правовых отношений, не могут противоречить плану, в соответствии с которым протекает их хозяйственная деятельность. Социалистический характер регулируемых советским правом юридических отношений есть прямое выражение характера социалистических производственных отношений, условием движения, способом конкретизации и средством закрепления которых они являются.

2

Если трудовые правоотношения, а также отношения административного и гражданского права, по типу которых оформляются отношения производства и обращения, наиболее тесно связаны с экономической структурой общества, то целый ряд других правоотношений, составляющих предмет регулирования иных отраслей права, а также некоторые административные и гражданские правоотношения, прямо не связанные со сферой производства и обращения, лишь в конечном счете определяются экономически, а в своем ближайшем содержании они сохраняют известную относительную самостоятельность и не отражают на себе экономических условий жизни общества непосредственно. В этом случае экономическая структура общества обуславливает возникновение правовых отношений через ряд посредствующих звеньев, в качестве которых могут выступать как другие общественные отношения, так и известные элементы сознания отдельных людей. При этом некоторые общественные отношения вначале существуют сами по себе и лишь при определенных условиях преобразуются в правовые отношения или выступают в качестве одного из оснований их возникновения, тогда как другие общественные отношения только и могут существовать как отношения правовые, прекращая свое существование вместе и одновременно с тем, как они утрачивают юридический характер.

Примером общественных отношений первого вида могут служить родственные отношения. Как известно, родственные отношения не во всех случаях связаны с наличием правомочий и обязанностей на стороне их участников, а следовательно, не всегда являются правовыми отношениями. Но при известных условиях эти отношения могут приобрести правовой характер, придающий им иное очертание, каким они не обладали до того времени. Например, два лица мужского пола, связанные друг с другом прямым родством второй степени (дед и внук), в юридическом отношении ничем не обязаны друг перед другом, — их связь носит только общественный (или даже естественный), а не юридический характер. Но родство, юридически иррелевантное до известного момента, может породить и новую правовую связь между этими лицами, если к нему присоединяются иные предусмотренные законом обстоятельства. Так, по советскому семейному праву, внук не обязан доставлять содержание деду, но эта обязанность может быть на него возложена, если дед, не имеющий иных источников существования, не может получить необходимых средств от своих детей (ст. 55 КЗ о БСО РСФСР). Разумеется, правовые отношения, возникшие между дедом и внуком, не охватывают собою полностью того комплекса отношений, в которых они находятся как родственники. Но этот комплекс дополнился теперь новым видом отношений, обладающим правовым характером, причем самое возникновение этого отно-

шения было бы невозможно при отсутствии родственных отношений между его участниками. Следовательно, отношения родства должны быть признаны в этом случае, по крайней мере, предпосылкой возникновения правовых отношений, установление которых было обусловлено тем, что к родственным отношениям присоединился факт отсутствия тех лиц, которые в первую очередь должны алиментировать управомоченного субъекта рассматриваемого правоотношения. Отношения родства такой степени, как те, о которых идет речь, при прочих необходимых условиях предполагают, естественно, сами по себе моральную обязанность оказания материальной помощи. Но, превращаясь из морально-родственных в правовые отношения, они приобретают максимально возможную устойчивость и снабжаются необходимыми гарантиями их реального осуществления. Если бы по истечении некоторого времени у деда появилась возможность взыскивать алименты со своих детей, то соответствующая обязанность внука отпала бы, а вместе с тем прекратилось и ранее возникшее правоотношение. Внук мог бы, конечно, и впредь оказывать материальную помощь своему деду, но это отношение, основывающееся только на факте родства и вытекающих отсюда нравственных обязанностях, не имело бы юридической силы и не обладало бы той устойчивостью, какую обладают правовые отношения.

Таким образом, в приведенном примере имеет место не простое присоединение правового отношения к комплексу родственных отношений, а превращение одного из составных элементов отношений родства в правовое отношение.

Примером общественных отношений второго вида могут служить отношения, возникающие в связи с предоставлением пособий многодетным и одиноким матерям. Согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г., при наличии определенного числа детей матери назначается пособие по многодетности, а в связи с этим у нее возникает правоотношение с отделом по государственным пособиям многодетным и одиноким матерям, в силу которого первая приобретает право требовать, а на второй возлагается обязанность произвести выплату соответствующего пособия. Разумеется, право многодетной матери на получение государственного пособия по многодетности возникает на реальной общественной почве, поскольку такое право обеспечивается любой многодетной матери, являющейся гражданкой СССР. Следовательно, наряду с законом и обстоятельствами, обусловившими его применение, возникновение соответствующего правоотношения в качестве своей предпосылки имеет и тот комплекс общественных отношений, в которых находится мать как лицо, обладающее советским гражданством. Но в то же время совершенно очевидно, что до возникновения данного правоотношения у многодетной матери не было никаких конкретных отношений с отделом по государственным пособиям многодетным и одиноким матерям, преобразованных впоследствии в правовые отношения, и правоотношение, возникшее между ними, является, вообще, единственно возможным видом общественного отношения между отделом и многодетной матерью.

Таким образом, в приведенном примере имеет место не преобразование общественного отношения в отношение правовое, а возникновение нового общественного отношения, являющегося в то же время отношением правовым.

Если для первого вида общественных отношений правовые отношения служат способом их преобразования, то во втором случае они являются условием существования самого общественного отношения. Что же касается взаимосвязи между правовыми отношениями и структурными, экономическими отношениями общества, то, как мы уже видели, она выражается в том, что правовые отношения выступают в качестве условия движения последних, способа их конкретизации, средства закрепления общественных отношений, угодных и выгодных господствующему классу в эксплуататорских государствах, угодных и выгодных всему народу в советском социалистическом государстве. Правовые отношения могут, естественно, выступать и действительно выступают в качестве условия движения, способа

конкретизации и средства закрепления не только производственных, но и других общественных отношений. Всякое общественное отношение, принимая юридическую форму, конкретизируется в своем содержании и закрепляется нормами права, которыми оно регулируется. Всякое общественное отношение, становясь отношением правовым, обеспечивается также и новыми, юридически предопределенными условиями своего движения. Однако эти особенности правового отношения наиболее ярко проявляют себя в его связи с производственными отношениями, а, с другой стороны, именно в этих особенностях обнаруживается специфический характер обратного воздействия, которое правовые отношения, вырастая из экономических условий жизни общества, оказывают на его экономическую структуру, на общественно-производственные отношения.

Если же иметь в виду общий вопрос о взаимосвязи общественных отношений с отношениями юридическими как общественными отношениями особого рода, то для его полного разрешения должны быть учтены все и всякие формы, в которых эта связь проявляется.

Правовое отношение есть способ преобразования или условие существования общественного отношения. Если общественное отношение вначале существует само по себе, затем превращается в правовое отношение и, наконец, утратив юридический характер, сохраняется как отношение общественное, то в этом случае правовое отношение выступает в качестве способа преобразования общественного отношения. Если же общественное отношение периодически возникает и прекращается при наступлении известной совокупности внешних обстоятельств, но при этом всегда возникает как правовое отношение, прекращаясь одновременно с тем, как оно утрачивает юридический характер, то в этом случае правовое отношение выступает в качестве условия существования общественного отношения.

Правовое отношение есть условие движения и способ конкретизации общественных отношений. Общественные отношения, нуждающиеся в юридическом оформлении в различных стадиях их существования, предполагают различные виды правовых отношений в качестве условия своего движения. Опосредствуя движение общественных отношений, правовые отношения в то же время выступают и в качестве способа конкретизации как субъектного состава этих отношений, так и тех функций, которые их участники должны выполнять друг перед другом.

Правовое отношение есть средство закрепления общественных отношений, угодных и выгодных господствующему классу (всему советскому народу). Устанавливая на основании определенных экономических и социальных предпосылок отношение между конкретными лицами как представителями различных классов или одного и того же класса (или как представителями единого советского народа), правовое отношение закрепляет юридические позиции этих лиц в соответствии с тем положением, которое они занимают в обществе как его известная часть (или как часть единого советского народа), имеющая определенное отношение к средствам производства и потому объективно способная к выполнению в правовом отношении только определенной функции.

Таким образом, рассматриваемое под углом зрения взаимосвязи с общественными отношениями, особым видом которых оно является, правовое отношение есть не что иное, как условие существования или преобразования, способ движения и конкретизации, средство закрепления общественных отношений, угодных и выгодных господствующему классу (всему советскому народу).

3

Наряду с тем, что правовое отношение выступает в качестве условия движения, способ конкретизации и средства закрепления других общественных отношений, оно в то же время само по себе является отношением общественным, обладающим целым рядом осо-

бенностей, совокупностью специфических, только ему присущих признаков и свойств, благодаря которым оно становится способным к выполнению этих функций. Такими специфическими свойствами или признаками правовых отношений являются следующие.

1. *Всякое правовое отношение всегда существует как отношение между конкретными лицами.* Участники любого правового отношения всегда могут быть определены конкретно, поскольку ими всегда являются определенные лица, отношения между которыми, обусловленные в своем возникновении известными внешними обстоятельствами, получают юридическое выражение. Напротив, участники других общественных отношений не всегда могут быть определены конкретно, поскольку ими могут являться не только определенные лица, но и неопределенные группы людей, отношения между которыми, также обусловленные известными внешними обстоятельствами, не получают юридического выражения.

Например, в трудовом правоотношении право требовать выполнения определенной работы принадлежит организации, предоставившей работу, а обязанность ее выполнения возлагается на лиц, принявших на себя такое обязательство. Напротив, при проведении добровольных общественных работ (субботников) любой и каждый может обратиться с призывом об участии в этих работах, на который может откликнуться неопределенная группа лиц, желающих принять в них участие.

2. *Всякое правовое отношение юридически закрепляет взаимное поведение его участников.* В любом правовом отношении, если бы даже одного из его участников было невозможно определить до наступления определенного момента, субъекты этого отношения всегда выступают как лица, поведение которых не только взаимосвязано, но и юридически закреплено. Напротив, участники других общественных отношений, не обладающих правовым характером, могут быть нравственно обязанными друг перед другом или вынуждаемыми к совершению определенных действий экономически, но их поведение никогда не выражается в форме юридически закрепленной взаимозависимости. Поэтому функции субъектов юридического отношения всегда точно определены, тогда как функции участников других общественных отношений могут и не быть определенными в такой степени.

Например, юридическая обязанность детей по алиментированию своих родителей, возникающая при наступлении определенных предусмотренных законом обстоятельств, точно выражается в денежной сумме, которую дети должны выплачивать своим родителям. Напротив, при отсутствии предусмотренных законом обстоятельств, материальная помощь, которую дети фактически оказывали бы своим родителям, не могла получить такого точного выражения.

3. *Всякое правовое отношение регулируется нормами права, установленными или санкционированными государством.* Общественное отношение потому и становится правовым отношением, что оно регулируется государством установленными или санкционированными правовыми нормами, которыми определяется конкретная функция, возложенная на каждого из его участников. Напротив, общественное отношение, не регулируемое общей или конкретной юридической нормой, не становится правовым отношением, а конкретные функции его участников не всегда получают поэтому точное и определенное выражение.

Именно потому, что отношения по алиментированию родителей их детьми в одном случае регулируются нормами закона, а в другом случае остаются вне этого регулирования, именно поэтому в первом случае функции участников этих отношений получают точное и определенное выражение, тогда как во втором случае они определяются каждым субъектом самостоятельно.

4. *Всякое правовое отношение в своем осуществлении обеспечивается силой государственного принуждения.* Общественное отношение, принявшее вид правового отношения, с самого момента его возникновения обеспечивается гарантией его осуществления

при помощи принудительной силы государства, правовыми нормами которого это отношение регулируется. Напротив, общественное отношение, не принявшее вид правового отношения, если только оно соответствует интересам государства, может быть впоследствии осуществлено при помощи силы государственного принуждения; однако в момент его возникновения ему не обеспечивается такая гарантия его осуществления, которое, как правило, происходит помимо и вне государственного вмешательства.

Например, вопрос о поступлении на работу и о выборе места работы разрешается самостоятельно советскими гражданами, помимо и вне государственного принуждения, однако в условиях военного времени, когда обеспечение рабочей силой определенных отраслей народного хозяйства диктовалось потребностями, связанными с войной, государство применило метод принудительного направления на работу лиц, которые до этого времени либо вообще не работали, либо были заняты в менее важных для ведения войны отраслях народного хозяйства. Напротив, в отношении лиц, уже поступивших на работу и принявших на себя выполнение определенной трудовой функции, всегда может быть применено государственное принуждение, обеспечивающее осуществление установившегося правового отношения.

В совокупности всех этих четырех признаков, взятых в единстве, обнаруживается специфика юридического отношения как общественного отношения особого рода. Правовое отношение, рассматриваемое под углом зрения характеризующих его специфических признаков, в силу которых оно отличается от иных общественных отношений, есть не что иное, как регулируемое правом отношение между конкретными лицами, взаимное поведение субъектов которого закреплено юридически и осуществление которого обеспечивается силой государственного принуждения.

Всякое общественное отношение, как только оно становится правовым отношением, приобретает все присущие последнему признаки. Из отношения, участники которого не всегда определены конкретно, оно превращается в отношение между конкретными лицами. Неопределенность функций отдельных субъектов общественного отношения заменяется юридически закрепленной взаимозависимостью их поведения. Наконец, обеспеченное силой государственного принуждения с того момента, когда оно превращается в отношение, регулируемое исходящими от государства юридическими нормами, данное общественное отношение снабжается всеми условиями, необходимыми для его реального осуществления.

Но государство заинтересовано в осуществлении не только правовых, а и всех других общественных отношений, способствующих достижению и разрешению поставленных и выдвинутых им целей и задач. Не все эти отношения обязательно должны быть правовыми отношениями, а, следовательно, правовое отношение не является ни обязательным, ни единственно возможным способом реализации других общественных отношений. И если тем не менее многие общественные отношения для их осуществления обязательно должны быть юридически урегулированы, то это объясняется не только характером этих общественных отношений, но и спецификой самого правового отношения.

Специфика правовых отношений, как мы видели, состоит в том, что, существуя между конкретными лицами, взаимное поведение которых юридически закреплено, они регулируются исходящими от государства правовыми нормами, а их осуществление обеспечивается силой государственного принуждения. Юридический характер могут и должны принимать те общественные отношения, осуществление которых в соответствии с государственными интересами может быть обеспечено лишь в том случае, если они выражаются в виде отношений между конкретными лицами, если поведение их участников будет закреплено юридически и если реальность этого поведения будет обеспечена силой государственного принуждения. Вопрос же о том, какие именно общественные отношения нуждаются для своего

осуществления в правовом регулировании, нельзя решить абстрактно, в виде общей формулы, в равной степени объясняющей этот вопрос применительно ко всем видам общественных отношений. Отношения собственности принимают вид правовых отношений далеко не по тем же самым причинам, по которым правовыми становятся семейно-брачные отношения. Правоотношения, возникающие в связи с охраной личных неимущественных прав граждан, отнюдь не обусловлены теми же обстоятельствами, которыми обуславливается возникновение правоотношений, связанных с охраной имущественных прав. Причины преобразования определенных видов общественных отношений в отношения правовые могут быть выявлены только путем конкретного анализа каждого из них. Общим же образом все многообразие этих причин мы можем свести как к определяющей роли экономического базиса общества, так и к формам обратного воздействия, которое на него оказывают право и правовые отношения.

Но даже в тех случаях, когда общественное отношение по необходимости должно принять правовую форму, оно становится не вообще правоотношением, а отношением, регулируемым определенной отраслью права. Поэтому, наряду с общими признаками всякого правоотношения, последнее приобретает ряд специфических черт, предопределяемых характером той отрасли права, к сфере регулирования которой оно относится. Такими специфическими чертами обладает и гражданское правоотношение, которые и должны быть выявлены для того, чтобы из целой совокупности самых разнообразных правовых связей выделить отношения, регулируемые нормами гражданского права.

Глава II

Основные черты и структурные особенности гражданского правоотношения. Отношения административного и гражданского права

Определить структурные особенности гражданского правоотношения и выявить круг тех общественных отношений, которые обуславливают необходимость применения к ним метода гражданско-правового регулирования, – значит вместе с тем дать предметное определение гражданского права как одной из отраслей единой системы советского социалистического права.

Однако разработка такого определения наталкивается на серьезные методологические трудности, поскольку отношения, составляющие предмет регулирования гражданского права, в определенном объеме и в известном направлении подвергаются также административно-правовому регулированию, а иногда одни и те же общественные отношения могут оформляться как по типу гражданских, так и по типу административных правоотношений. Поскольку предметы регулирования гражданского и административного права не только соприкасаются, но и как будто бы совпадают в известной части, отграничение гражданского права от других отраслей советского социалистического права предполагает прежде всего его отграничение от советского административного права.

Поэтому, определяя основные черты и структурные особенности гражданских правоотношений, мы должны сопоставить их с характерными признаками и принципами построения отношений административного права для того, чтобы затем произвести разграничение между обеими тесно соприкасающимися и в то же время отличающимися друг от друга отраслями советского социалистического права – советским административным и советским гражданским правом.

Обращаясь к вопросу о разграничении советского административного и советского гражданского права, мы, естественно, ни в какой мере не приближаем эту проблему к вопросу о противопоставлении частного и публичного права в буржуазной юридической науке. Такое приближение невозможно как потому, что «мы ничего частного не признаем, для нас все в области хозяйства есть публично-правовое, а не частное»⁴³, а понятие административного гражданского права в СССР не имеет ничего общего с понятием публичного и частного права в буржуазных государствах, так и потому, что, разграничивая административное и гражданское право, советская юридическая наука исходит не из их противопоставления, а из того, что они являются отраслями единой системы советского социалистического права.

Задачи и цели советской юридической мысли, ищущей методологически правильные и научно обоснованные принципы определения отдельных отраслей советского социалистического права, не имеют ничего общего с классовыми задачами и целями буржуазной юриспруденции. Перед советской наукой права стоит вполне определенная и осознанная в ее теоретическом и практическом значении задача: исходя из единства советского социалистического права как выраженной в законе воли социалистического государства, определить круг общественных отношений, к которым применяются нормы его различных отраслей, в том числе и нормы советского гражданского и административного права.

Перед буржуазной юриспруденцией стоят задачи иного рода. Наталкиваясь на реальное противоречие в самой системе буржуазного права, она пытается дать этому противो-

⁴³ В. И. Ленин, Соч., т. XXIX, стр. 419.

речию такое истолкование, благодаря которому были бы устранены всякие следы его антагонистического характера, выражающего собою непримиримость основных противоречий капиталистического общества. Разнообразие этих попыток породило и разнообразие буржуазных концепций публичного и частного права, являющихся следствием не столько различных «теоретических убеждений» тех или иных авторов, сколько различных особенностей социально-исторической обстановки, в условиях которой определенные концепции создавались.

1

Разрешение вопроса о природе публичного и частного права обусловило образование двух основных направлений⁴⁴ в буржуазной юридической науке: одно из них опирается на известную формулу Ульниана (*Publicum jus est, quod ad statum rei romanae spectat, privatum quod ad singulorum utilitatem pertinet*) и исходит из различия целей или интересов, подлежащих правовой охране, тогда как второе опирается на выдвинутый римскими юристами принцип недопустимости изменения публично-правовых норм частными соглашениями (*publicum jus pactis privatorum mutari non potest*) и исходит из различия в характере норм или в субъекте воли, на которую совершается посягательство в результате нарушения частных и публичных прав.

К числу теорий первого рода относятся так называемая *целевая теория*, согласно которой целью публичного права является общество как целое, а целью частного права – отдельный человек⁴⁵, и *теория интереса*, согласно которой публичное право направлено на охрану общественных, а частное – на охрану личных интересов⁴⁶.

К теориям второго рода могут быть отнесены так называемая *волевая теория*, квалифицирующая правонарушение как частноправовое или публично-правовое, в зависимости от того, нарушает ли оно волю государства или волю отдельного лица⁴⁷, и *теория способа защиты и метода регулирования*, относящая к числу частных прав только такие права, установление и прекращение которых зависит от воли отдельного лица и нарушение которых порождает частное притязание в лице управомоченного⁴⁸.

С точки зрения путей обоснования деления прав на публичные и частные, теории эти тем отличаются друг от друга, что если первая группа теорий пытается из характера охраняемого и регулируемого предмета вывести специфику соответствующих правовых норм, то вторая группа теорий, напротив, исходя из специфики различных правовых норм, независимо от предмета их регулирования, производит их деление на нормы публичного и частного права.

Но между этими теориями имеется и известное социально-историческое различие.

⁴⁴ Некоторые буржуазные юристы, и среди них едва ли не одним из первых русский цивилист Кавелин (см. *К. Кавелин, Что есть гражданское право и где его пределы*, 1864), определяли частное право как правовую отрасль, регулирующую все имущественные отношения, в том числе и отношения, связанные с уплатой налогов, различными имущественными повинностями и т. д. Поскольку, однако, эта концепция, по признанию ее авторов, ставит вопрос только в теоретическом аспекте, отвлекаясь от действующего законодательства, которому она явно противоречила, против нее были выдвинуты серьезные возражения, и она не получила более или менее широкого распространения.

⁴⁵ См., например, *F. Savigny, System iks heutigen römischen Rechts*, т. I, 1840, стр. 23, и другие авторы.

⁴⁶ См., например, *R. Jhering, Geist des römischen Rechts*, т. III, 1906, стр. 339, а также *M. Planiol, Traité élémentaire du droit civil*, т. I, 1911, стр. 8–9, *P. Namur, Cours d'Encyclopédie du droit*, 1875, стр. 260, и другие авторы.

⁴⁷ См., например, *A. Brinz, Lehrbuch der Pandekten*, т. I, 1857, стр. 48, и другие авторы.

⁴⁸ См. *С. Муромцев, Определение и основное разделение права*, 1879, стр. 195 и сл.; *Гамбаров, Добровольная и безвозмездная деятельность в чужом интересе*, т. I, 1879, стр. 77 и сл.; *Л. Петражицкий, Теория права и государства в связи с теорией нравственности*, 1909, стр. 688 и сл.; *И. Покровский, Основные проблемы гражданского права*, 1914, стр. 12, а также *A. Thon, Rechtsnorm und subjectives Recht*, 1878, стр. 121 и сл., и другие авторы.

Противопоставление частных целей целям государственным явилось одной из форм противопоставления «гражданского общества» капитализма его политической организации, идеологическим отражением того факта, что в капиталистическом обществе, в котором «политическое государство достигло своего действительного развития, человек не только в мыслях, в сознании, а в действительности, в жизни ведет двоякую жизнь, небесную и земную, жизнь в политическом общезитии, в котором он выступает как общественное существо, и жизнь в гражданском обществе, в котором он действует как частное лицо, рассматривает других людей как средство, низводит самого себя до средства и становится игрушкой чужих сил»⁴⁹.

Объективно отражая на себе реальное непримиримое противоречие между интересами личности и интересами капиталистического государства⁵⁰, субъективно, с точки зрения целей их авторов, эти концепции должны были служить своеобразным теоретическим обоснованием принципа «свободного» развития частных хозяйственных отношений в «свободной» игре, стихийно действующих экономических сил, вне и независимо от государственного вмешательства, поскольку в условиях промышленного капитализма интересы капиталистических собственников могли получить наиболее полное удовлетворение только благодаря последовательному проведению этого принципа.

Однако по мере обострения капиталистических противоречий буржуазная юриспруденция, как и буржуазная наука в целом, начинает отказываться от теоретического противопоставления различных противоречивых целей и интересов и либо пытается доказать отсутствие противоположности между ними, либо, не касаясь этого вопроса вообще, сводит всю проблему публичных и частных прав к различию в способе их охраны и в методе правового регулирования. Противоположность между публичным и частным правом заменяется их условным разграничением, в котором «не заключается резкое противопоставление, так как благо отдельного лица и благо целого связаны самым тесным образом»⁵¹, а потому принципиально «одну и ту же норму в равной мере можно отнести как к публичному, так и к частному праву»⁵².

Но если различие между публичным и частным правом носит чисто условный характер и не включает в себе резкого противопоставления, то, по-видимому, деление буржуазного права на две его противоположные части вообще не имеет под собою реального основания и должно быть отвергнуто как противоречащее буржуазной действительности. Именно на этом и настаивают буржуазные юристы нового времени, пытающиеся доказать, что в эпоху новых «социальных сдвигов», — тех самых сдвигов, которые приносят с собою империализм, охарактеризованный Лениным «как переходный или, вернее, умирающий капитализм»⁵³, «публичное право не является больше совокупностью норм, применимых к субъектам прав различного ранга»⁵⁴, «нет больше иерархии воли»⁵⁵, «всякая воля есть индивидуальная воля»⁵⁶, а потому исчезает и всякое различие между частным и публичным правом.

Концепции этого рода, широкое распространение которых объясняется изменившимися социально-историческими обстоятельствами — все более усиливающимися процес-

⁴⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. I, стр. 376.

⁵⁰ См. И. В. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 10-е, стр. 602, 603.

⁵¹ Н. Dernburg, Pandekten, т. I, 1902, стр. 45.

⁵² Там же.

⁵³ В. И. Ленин, Соч., т. XIX, стр. 173.

⁵⁴ L. Duguit, Les transformations du droit public, 1913, стр. XVIII.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Там же, стр. XIX.

сами концентрации и централизации капитала на новой, монополистической основе и приобретающими все более широкие масштабы государственным вмешательством в сферу частной хозяйственной деятельности, – вполне соответствуют классовым интересам империалистской буржуазии, пытающейся замаскировать разъедающие капитализм антагонистические противоречия и подменить фактическую непримиримость сталкивающихся противоположных интересов «теоретическим» обоснованием их гармонии и единства. Однако, несмотря на это, потребность в сохранении деления буржуазного права на право частное и публичное все еще продолжает оставаться достаточно настоятельной, ибо главные материальные предпосылки этого деления – основные структурные закономерности капитализма, в частности и в особенности, капиталистическая конкуренция и анархия производства, в измененном и обостренном виде сохраняют свое действие и в эпоху империализма. Точно так же, как основной закон развития капитализма – закон стоимости не устраняется, а лишь видоизменяется в действии закона монопольных цен, так и главные юридические предпосылки и условия, в которых этот закон реализуется, – автономия сторон, договорная свобода, автономное распоряжение частными правами, – не уничтожаются, а лишь подвергаются изменениям и ограничениям, отражающим на себе общий процесс империалистического развития буржуазной социально-экономической формации.

Вопрос о теоретическом обосновании деления прав на публичные и частные продолжает поэтому во всей своей остроте стоять перед буржуазной наукой права, зашедшей при его разрешении в такой тупик, из которого ей едва ли когда-нибудь удастся выйти⁵⁷.

2

Поскольку советское социалистическое право не знает деления прав на публичные и частные, постольку перед советской юридической наукой не может стоять вопрос о теоретическом обосновании этого деления.

Однако разграничение отдельных правовых отраслей, образующих единую систему советского социалистического права, выделение предмета регулирования этих отраслей, в том числе выделение гражданских правоотношений как предмета регулирования гражданского права, не может не являться одной из центральных проблем, нуждающихся в правильном и теоретически обоснованном научном разрешении. Методологическое значение этой проблемы непосредственно связано с определением предмета науки советского гражданского права и отграничением его от предмета изучения других правовых дисциплин. Ее теоретическое и практическое значение связано с необходимостью в строго научном определении круга тех общественных отношений, которые регулируются нормами гражданско-правового законодательства, в отличие от общественных отношений, регулируемых другими отраслями советского права.

Вопрос этот, как известно, в течение весьма длительного времени с достаточной активностью обсуждается на страницах нашей юридической литературы, причем большинство авторов, отдавая известную дань методу регулирования как внешнему признаку отграничения гражданского права от иных отраслей советского социалистического права, сходятся на том, что метод регулирования есть чисто формальный момент и что для разрешения проблемы по существу необходимо установить круг общественных отношений, лежащих в основе гражданского права и определяющих границы его применения. Так, в частности, решает вопрос акад. А. Я. Вышинский, относящий к предмету регулирования гражданского

⁵⁷ Этого не отрицают и некоторые представители буржуазной юриспруденции (см. например, Л. Герваген, На чем основано разделение права на публичное и частное, гражданское, П. 1915, стр. 5, а также *W. Burkhardt, Methode und System des Rechts*, 1936, стр. 196), откровенно заявляющие о невозможности разрешения проблемы публичных и частных прав.

права все имущественные отношения между субъектами советского гражданского права, за исключением тех, которые «регулируются в порядке административного управления»⁵⁸.

Авторы учебника гражданского права для юридических вузов в основном воспроизводят формулу акад. А. Я. Вышинского, относя при этом к сфере гражданско-правового регулирования не только имущественные отношения, но также и отношения, связанные с личными неимущественными правами граждан⁵⁹. Но в их определении отсутствует отличительный признак отношений гражданского права, взамен которого приводится примерный перечень имущественных отношений, регулируемых в административно-правовом порядке и поэтому выходящих за пределы гражданского права. По существу же это определение исходит не из предмета, а из метода регулирования, поскольку применительно к обеим отраслям права речь идет об имущественных отношениях с тем лишь различием, что в одном случае они регулируются методом гражданского, а во втором – методом административного права. Роль отличительного признака гражданского права играет здесь метод гражданско-правового регулирования, и он будет играть эту роль до тех пор, пока не удастся обнаружить другой существенно решающий признак.

По мнению проф. Д. М. Генкина, таким признаком является понятие оборота, а имущественные отношения, связанные со сферой оборота, определяют собою границы применения норм гражданско-правового законодательства⁶⁰. Но понятие оборота само по себе нуждается в определении. Если под оборотом следует понимать любые способы перемещения имущества, то они опосредствуются не только гражданскими, но и административными правоотношениями. Если же оборот – это не что иное, как сфера обращения, то гражданское право далеко не ограничивается ею. И поэтому, когда проф. С. Ф. Кечекьян определяет гражданское право как право, регулирующее отношения, связанные со сферой обращения, включая в область административно-правового регулирования имущественные отношения, связанные со сферой производства⁶¹, то естественно возникает вопрос, продолжает ли при этом условии вещное право оставаться гражданско-правовым институтом и не относятся ли к сфере гражданского права такие акты, как, например, государственные акты по распределению фондов снабжения сырьем, оборудованием и топливом. Тот факт, что имущественные отношения, связанные со сферой производства и сферой обращения, регулируются как нормами гражданского, так и нормами административного права, свидетельствует, по-видимому, о том, что ни один из этих критериев не может быть использован для предметного определения советского гражданского и советского административного права.

Проф. Аржанов усматривает отличительный признак отношений гражданского права в специфике оснований их возникновения, поскольку они устанавливаются «не в порядке государственного управления, а преимущественно в порядке договоров, взаимных обязательств»⁶². Дело, таким образом, не в характере самих отношений, а в характере оснований их возникновения. Более того, решение вопроса определяется характером не всех, а лишь преимущественных оснований возникновения гражданских правоотношений – договоров, взаимных обязательств. При этом упускается из виду то обстоятельство, что проблема осложняется не этими преимущественными основаниями возникновения гражданских правоотношений, а как раз теми из них, которые являются общими как для гражданских,

⁵⁸ А. Я. Вышинский, XVIII съезд ВКП(б) и задачи науки социалистического права, Советское государство и право, № 3, 1939, стр. 22.

⁵⁹ См. «Гражданское право», Учебник для юридических вузов под ред. М. М. Агаркова и Д. М. Генкина, т. I, 1944, стр. 10–11.

⁶⁰ См. Д. М. Генкин, Предмет советского гражданского права, Советское государство и право, № 4, 1939.

⁶¹ См. С. Ф. Кечекьян, О системе советского социалистического права, Советское государство и право, № 2, 1946.

⁶² М. Аржанов, О принципах построения системы советского социалистического права, Советское государство и право, № 3, 1939, стр. 31.

так и для административных правоотношений. В чем выражается различие между гражданским и административным правоотношением в случае, когда оба они возникают из административного акта, – на этот вопрос определение проф. Аржанова ответа не дает. Не дает его и определение Г. И. Петрова, который считает, что «имущественные отношения, возникающие на почве движения общественной и личной собственности при взаимных обязательствах сторон данного отношения, относятся к гражданскому праву», а «имущественные отношения, возникающие на почве государственного управления, следует отнести к административному праву»⁶³. Ибо гражданские имущественные отношения могут носить не только взаимный, но и односторонний, характер, а на почве государственного управления могут возникать так же имущественные отношения гражданско-правового характера, как и, с другой стороны, движение общественной и личной собственности может быть осуществлено в административно-правовом порядке.

Настаивая на том, что при построении системы советского социалистического права следует исходить из предмета регулирования ее отдельных отраслей, проф. М. М. Агарков считает, что «разграничение гражданского и административного права должно идти по линии отграничения имущественных отношений от организационных отношений»⁶⁴. Что же касается промежуточных институтов, то их «следует отнести к административному или к гражданскому праву, в зависимости от того, какие отношения в них преобладают и являются наиболее характерными для данного института»⁶⁵. Таким образом, в отношении так называемых промежуточных институтов определение проф. Агаркова не содержит в себе общего решения вопроса. Но и для основных институтов это определение едва ли можно признать достаточным. В самом деле, чем отличается имущественное отношение как предмет гражданско-правового регулирования от «организационного отношения», составляющего предмет регулирования административного права? Организационные отношения, – пишет проф. Агарков, – представляют собою «отношения власти и подчинения»⁶⁶. Но разграничение правоотношений по признаку наличия или отсутствия в них элементов власти и подчинения основывается, по-видимому, на различии в правовом методе их регулирования, т. е. на критерии, который автором отвергается. Мы не считаем, что, определяя гражданское право по его предмету, необходимо вообще отвлекаться от специфики гражданско-правового метода регулирования, но в то же время едва ли возможно сводить к этому решение вопроса в целом, тем более, что в своих исходных установках проф. Агарков ориентируется не на метод, а на предмет регулирования гражданского права, т. е. на определенный круг общественных отношений.

Не останавливаясь специально на других точках зрения, отстаиваемых различными авторами, укажем лишь, что в нашей литературе еще не было предложено такое решение вопроса, которое не вызывало бы против себя возражений и могло бы быть безоговорочно принято. Вопрос этот продолжает оставаться дискуссионным и нуждается в дальнейшей разработке.

3

Дать научно-правильное определение – значит раскрыть предмет в его сущности. Определить предмет гражданского права – значит не только описать совокупность отно-

⁶³ Г. Петров, Предмет советского административного права, Советское государство и право, № 7, 1940, стр. 44.

⁶⁴ М. М. Агарков, Предмет и система советского гражданского права, Советское государство и право, № 8–9, 1940, стр. 61.

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ Там же, стр. 63.

шений, регулируемых нормами гражданско-правового законодательства, и перечислить те из них, которые выходят за пределы гражданского права, но и установить объективные факторы, обуславливающие необходимость включения данных общественных отношений в сферу регулирования данной правовой отрасли.

Для решения этого вопроса имеет значение не только изучение предмета, но и анализ метода гражданско-правового регулирования. Предмет является решающим фактором, поскольку он в конечном счете определяет и характер метода правового регулирования. Но и последний имеет весьма серьезное значение, ибо если бы методы регулирования различных правовых отраслей, в частности, методы регулирования гражданского и административного права, ничем не отличались друг от друга, то отпала бы необходимость в самостоятельном существовании обеих отраслей права.

Свое непосредственное выражение метод гражданско-правового регулирования получает как в специфике гражданско-правовых норм, так и в структурных особенностях гражданских правоотношений. Существует ряд внешних признаков, отличающих гражданское правоотношение от иных видов правовых отношений.

Первым признаком является *метод защиты гражданских прав*. Права эти в случае, если их реализации препятствует обязанная сторона, могут быть осуществлены помимо и против ее воли, в порядке гражданского иска.

Однако признак судебной защиты не является ни общим для всех гражданских прав, ни специфическим только для них одних. Некоторые гражданские права защищаются в административном порядке (например, споры о размере причитающегося изобретателю вознаграждения. – Ст. 23 Положения об изобретениях и технических усовершенствованиях от 5 марта 1941 г.), как и наоборот, права, возникающие из отношений административного права, могут защищаться в судебном порядке (например, в случаях, предусмотренных Постановлением ЦИК и СНК СССР от 11 апреля 1937 г. и Постановлением СНК СССР от 24 ноября 1942 г.).

Вторым признаком могут служить *основания возникновения гражданских правоотношений*. Отношения гражданского права, как правило, имеют своим основанием свободное волеизъявление их участников.

Но этот признак еще менее, чем предыдущий, может считаться общим и специфическим признаком для всех гражданских правоотношений. Отношения гражданского права могут возникать и при отсутствии волеизъявления сторон (например, обязательства из причинения вреда), они могут, далее, так же, как и отношения административного права, возникать из актов государственного управления (например, возникающее из административного акта обязательство заключить сделку), наконец, один и тот же административный акт может породить как гражданское, так и административное правоотношение (например, административный акт о распределении фондов устанавливает гражданское правоотношение между поставщиком и получателем и административное правоотношение между ними и органом, издавшим этот акт).

Третий признак обнаруживается в *специфике норм гражданского права*. Многие нормы гражданского права, по крайней мере те из них, которые регулируют отношения между гражданами, носят диспозитивный характер.

Однако условное и относительное значение этого признака едва ли может вызывать сомнение, ибо диспозитивными могут быть и некоторые нормы административного права, как и с другой стороны, многие нормы гражданского права, а для отношений между социалистическими организациями – подавляющее большинство норм обладает, как и нормы административного права, императивным характером.

Наконец, **четвертым признаком** могут явиться особые *способы прекращения гражданских правоотношений*. Такие способы прекращения правоотношений, как новация, зачет,

сложение долга, одностороннее волеизъявление и другие, известны только гражданскому праву, и их не знают другие отрасли права, за исключением, может быть, одностороннего волеизъявления органа власти в административном правоотношении.

Однако и этот признак не является достаточно точным, ибо не все гражданские правоотношения могут быть новиремы или прекращены путем зачета (нельзя, например, новировать или погасить путем зачета алиментное обязательство), не всегда допускается их прекращение посредством сложения долга (а для отношений между социалистическими организациями, как правило, не допускается), прекращение же правоотношения путем одностороннего волеизъявления даже в отношениях между гражданами допускается лишь в исключительных случаях (например, ст. 231 ГК РСФСР лишь при особых обстоятельствах допускает расторжение договора подряда по одностороннему волеизъявлению заказчика).

Таким образом, ни один из перечисленных нами признаков не является специфическим для всех гражданских правоотношений или только для них одних. И если, несмотря на это, гражданские правоотношения все же практически отграничиваются от других, и прежде всего, от административных правоотношений, то объясняется это тем, что отношения гражданского права обладают определенными типичными чертами, являясь *правоотношениями особого структурного типа* как по общему характеру их построения, так и по специфике их основных элементов⁶⁷.

Гражданское правоотношение, как и всякое общественное отношение вообще, есть взаимное отношение людей. Оно существует по крайней мере между двумя субъектами, каждый из которых является либо носителем прав, либо носителем обязанностей, либо, как это имеет место в двустороннем правоотношении, носителем прав и обязанностей одновременно. Юридическое различие между субъектами одностороннего гражданского правоотношения проявляется лишь в том, что один из них имеет только права, а второй – только обязанности. В двустороннем же правоотношении, в котором каждому субъекту принадлежат и права и обязанности, и это различие исчезает. С точки зрения их общего гражданско-правового статуса, субъекты гражданского правоотношения равны, независимо от функции, которая возлагается на них в конкретном правоотношении. Поскольку субъект, приобретающий право, не снабжается одновременно функцией веления, получая лишь возможность предъявления определенного материально-правового притязания, постольку субъект, на которого возложена обязанность, не подчинен управомоченному, а лишь функционально связан обращенным к нему материально-правовым притязанием. Поведение обязанного лица должно соответствовать характеру и содержанию права управомоченного, последний может требовать от первого определенного поведения, и осуществимость этого требования обеспечивается ему законом. Однако между ними не устанавливается отношение власти и подчинения. Управомоченный обладает лишь правом, а не *imperium*'ом, обязанный связан его притязанием, но не его велением.

Иначе обстоит дело с правовым статусом субъектов административного правоотношения. Один из субъектов административного правоотношения, независимо от того, выступает ли он в качестве носителя прав или в качестве носителя обязанностей, снабжен функцией веления в отношении второго субъекта. Последний, даже тогда, когда он является управомоченным, а не обязанным, подчинен велению первого. Их связывает отношение вла-

⁶⁷ В своей работе «Основные вопросы теории социалистического гражданского права» (докторская диссертация) проф. С. И. Аскназий детально рассматривает вопрос о гражданском правоотношении как отношении особого структурного типа, а также вопрос о его роли в воспроизводстве хозяйственной системы. Результатом его исследования явились выводы, которые вплотную подводят автора к разрешению проблемы разграничения гражданского и административного права (см. С. И. Аскназий, Основные вопросы теории социалистического гражданского права [докторская диссертация – автореферат], Вестник Ленинградского университета, № 12, 1947, стр. 95 и сл.). Ознакомление с работой проф. С. И. Аскназия позволило нам использовать ее основные положения для выводов, к которым мы приходим в настоящей главе.

сти и подчинения, причем вопрос о том, какому из этих субъектов принадлежит функция власти и кто из них находится в состоянии подчинения, решается независимо от того, является ли первый носителем прав, а второй – носителем обязанностей в конкретном правоотношении. Юридический статус субъектов административного правоотношения определяется не характером их правомочий и обязанностей, а тем общим положением, которое они занимают в сфере административного права и сообразно с которым между ними устанавливается конкретное юридическое отношение. И если ничего подобного мы не наблюдаем в гражданском правоотношении, то это объясняется различным, субъектным составом обоих видов правоотношений.

Одним из субъектов административного правоотношения всегда является орган, осуществляющий функцию управления. Но так как административное право исходит из того, что все другие лица в пределах устанавливаемой им функции управления подчинены органу, осуществляющему эту функцию, то элементы власти и подчинения оказываются необходимыми элементами и в конкретных административных правоотношениях. Напротив, отношения гражданского права, устанавливающиеся между отдельными гражданами или организациями, осуществляющими хозяйственную функцию, не предполагают участия в них органов, власти и управления. Поскольку же в сфере гражданского права отсутствует предположение о подчинении одних субъектов другим его субъектам, то элементы власти и подчинения не входят и в состав конкретных гражданских правоотношений.

Эти элементы не входят в состав гражданского правоотношения и тогда, когда его субъектами оказываются те же органы, что и субъекты административного правоотношения, ибо в отношениях различного рода эти органы выступают в своих различных качествах. В административном правоотношении они выступают в качестве органов, осуществляющих функцию организации и управления и подчиняющих себе тех лиц, в отношении которых эта функция осуществляется. В гражданском правоотношении они выступают в качестве органов, осуществляющих хозяйственную функцию и находящихся в равном юридическом положении с теми лицами, которые вступают с ними в правоотношения по поводу и в процессе осуществления этой функции.

Если бы орган, осуществляющий функцию организации и управления, являлся даже носителем обязанности в конкретном административном правоотношении, то поскольку эта обязанность, как и соответствующее ей право другой стороны, имеют своим объектом организационно-управленческую деятельность данного органа, постольку и в этом правоотношении носителем власти является данный орган, а не его управомоченный субъект. Напротив, если бы тот же самый орган являлся носителем обязанности в конкретном гражданском правоотношении, то поскольку эта обязанность, как и соответствующее ей право другой стороны, имеют своим объектом хозяйственную деятельность данного органа, постольку в этом правоотношении отсутствуют элементы власти и подчинения, и оно строится по принципу юридического равенства обоих контрагентов.

Различие в субъектном составе и в правовом положении субъектов правоотношений обоого рода, а также различие в их объектах обуславливает в свою очередь и различие в порядке их осуществления. В качестве управомоченного субъекта административного правоотношения орган власти или управления может, хотя и не во всех случаях, но по крайней мере, как правило, самостоятельно добиться осуществления обязанности, возложенной на вторую сторону этого правоотношения, поскольку он снабжен функцией веления по отношению к обязанному субъекту. Напротив, обладая правомочием в гражданском правоотношении, в котором ему не принадлежит одновременно функция веления, он может лишь в том случае самостоятельно добиться осуществления обязанности, возложенной на его контрагента, если она будет исполнена последним добровольно, а для ее принудительного осу-

ществления он нуждается в содействии тех органов, велению или власти которых подчинен его контрагент.

Таким образом, отношения гражданского права всеми своими элементами отличаются от административных правоотношений. Они отличаются друг от друга: а) *по общему характеру построения* (отношения равенства; отношения власти и подчинения), б) *по субъектному составу* (отношения с органом, осуществляющим хозяйственную функцию; отношения с органом, осуществляющим функцию организации и управления), в) *по объекту* (правоотношения, связанные с хозяйственной деятельностью данного органа; правоотношения, связанные с его организационно-управленческой деятельностью), г) *по объему правомочий и обязанностей* (обязанность, соответствующая правомочию как притязанию; обязанность, соответствующая правомочию как велению).

Но если гражданские и административные правоотношения являются отношениями различного структурного типа и если в то же время различные общественные, в частности, имущественные отношения могут регулироваться как в гражданско-правовом, так и в административно-правовом порядке, то для проведения разграничения между ними в каждом конкретном случае необходимо установить, соответствует ли данное правовое отношение структурным признакам гражданско-правового или административно-правового типа отношений. Для практического разграничения гражданских и административных правоотношений этот эмпирический вывод оказывается вполне достаточным.

Однако теоретическая проблема разграничения гражданского и административного права этим не исчерпывается.

Как указывает проф. Аскназий, «воспроизводство хозяйственного цикла как в антагонистическом, так и в социалистическом обществе опосредствуется различными правовыми формами; государство оказывает различное по своему характеру воздействие на поведение участников производственных и иных процессов. Это воздействие на различных звеньях воспроизводственного процесса одной и той же формации принимает две основные формы – гражданско-правовую и административно-правовую. Для научного познания этих двух форм правового регулирования не представляется возможным ограничиться нахождением лишь их правовых особенностей (что характерно для догматической юриспруденции); должна быть выявлена некоторая лежащая вне правовой сферы основа, необходимо предопределяющая на определенных участках системы ту или иную форму правового регулирования»⁶⁸. Задача состоит не только в том, чтобы описать структурные признаки гражданского правоотношения, но и, прежде всего, в том, чтобы установить объективные причины и факторы, в силу которых одни общественные отношения строятся по гражданско-правовому, тогда как другие виды таких же отношений (а на различных исторических этапах – одни и те же общественные отношения) строятся по административно-правовому типу. Какими объективно действующими закономерностями это обуславливается, какие реально существующие обстоятельства и факторы здесь являются решающими?

4

Согласно господствующей в нашей литературе точке зрения, решающим является характер и содержание той отрасли общественных отношений, которая составляет предмет гражданско-правового регулирования и которой определяется специфика его метода. Поэтому, казалось бы, достаточно установить круг общественных отношений, которые по своей природе объективно нуждаются в применении к ним метода гражданско-правового

⁶⁸ С. И. Аскназий, цит. соч., стр. 97.

регулирования, как тем самым определяются общие границы действия гражданско-правовых норм, и мы получим, таким образом, предметное определение гражданского права.

Однако, несмотря на предельную ясность, с которой намечены методологические пути разрешения этой проблемы, до сих пор никому еще не удалось предложить ее правильное разрешение и разработать понятие гражданского права по предмету его регулирования. Когда говорят, что советское гражданское право есть отрасль советского социалистического права, регулирующая имущественные отношения социалистического общества, то такое определение не является адекватным в логическом смысле этого слова, поскольку имущественные отношения регулируются также и нормами советского административного права. Когда же для того, чтобы это определение соответствовало совокупности общественных отношений, действительно охватываемых нормами гражданского права, к нему добавляют логическое *differentia specifica* в виде указания на то, что к гражданскому праву относятся имущественные отношения, не регулируемые в порядке государственного управления, то такое определение, если бы оно даже было достаточным с формальнологической точки зрения, не решает вопроса по существу, ибо оно лишь по видимости является предметным определением, тогда как в действительности сам предмет регулирования продолжает в нем оставаться не определенным и поэтому, естественно, не может определять собою понятие гражданского права.

Предмет регулирования лишь тогда действительно определял бы собою границы действия соответствующей правовой отрасли, если бы из его характера с неизбежной необходимостью вытекала потребность в применении к нему только тех правовых норм, которые к данной отрасли права относятся. Имущественные отношения лишь в том случае действительно определяли бы собою сферу действия гражданского права, если бы в силу их характера они по необходимости должны были бы регулироваться нормами гражданского права и только этими нормами. Но именно многие из имущественных отношений таковы по своей природе, что сами по себе они могут регулироваться как в гражданско-правовом, так и в административно-правовом порядке, и то обстоятельство, что данное имущественное отношение включается в одну, а другое – в иную правовую отрасль, или что одно и то же имущественное отношение в определенное время подвергается гражданско-правовому, а в другое время – административно-правовому регулированию, не может быть, по-видимому, объяснено одним только характером самих имущественных отношений⁶⁹. Следовательно, на основании анализа только регулируемых отношений нельзя ответить на вопрос о том, что собою представляет гражданское право как одна из отраслей единой системы советского социалистического права.

Единственный вопрос, ответ на который может быть получен в результате анализа регулируемых отношений, есть вопрос о том, к регулированию какими правовыми методами из числа объективно существующих и реально возможных по их общему характеру и внутренней природе эти отношения способны. Так, анализ налоговых отношений показывает, что они могут быть урегулированы только в административно-правовом порядке. Напротив, характер и специфика имущественных отношений между гражданами таковы, что к этим отношениям может быть применен только метод гражданско-правового регулирования. Наконец, такие имущественные отношения, как отношения по хлебопоставкам или по снабжению социалистических организаций сырьем, оборудованием и топливом,

⁶⁹ Во избежание недоразумений следует специально указать, что мы относим к области гражданского права не только имущественные отношения, но также и отношения, связанные с личными неимущественными правами граждан. Но поскольку разработка понятия гражданского права осложняется прежде всего и главным образом вопросом о круге имущественных отношений, составляющих предмет гражданско-правового регулирования, мы считаем целесообразным ограничиться здесь только анализом этих отношений.

абстрактно рассуждая, могут быть урегулированы и в административном и в гражданско-правовом порядке.

Таким образом, нуждающиеся в правовом урегулировании имущественные отношения в одних случаях предполагают только *единственно возможный метод* их правового регулирования, а в других случаях устанавливают *границы выбора* между несколькими объективно применимыми к ним правовыми методами. Если природа имущественных отношений определенного вида такова, что они допускают возможность применения к ним только единственного правового метода, то этот правовой метод и получает свое законодательное закрепление применительно к данным имущественным отношениям. Если же имущественные отношения допускают по своему характеру возможность применения к ним различных правовых методов, то, поскольку границы выбора обозначены самим предметом, вопрос о том, какой правовой метод будет к ним действительно применен, в своем законодательном решении определяется не только самим предметом регулирования, но также обстоятельствами и факторами, лежащими вне этого предмета.

«Все, что побуждает к деятельности отдельного человека, — пишет Энгельс, — неизбежно проходит через его голову, воздействуя на его волю. Точно так же и все потребности гражданского общества, — независимо от того, какой класс господствует в данное время, — необходимо должны пройти через волю государства, чтобы добиться законодательного признания. Это — формальная сторона дела, которая сама собою разумеется. Но, спрашивается, каково же содержание формальной воли, — все равно, отдельного лица или целого государства, — откуда оно берется, и почему воля направляется именно в ту, а не в другую сторону? Ища ответа на этот вопрос, мы находим, что в новейшей истории государственная воля определялась изменяющимися потребностями гражданского общества, преобладанием того или другого класса, а в конечном счете — развитием производительных сил и условий обмена»⁷⁰.

Итак, воля государства, дающая законодательное признание потребностям гражданского общества, — это «формальная сторона дела». Следовательно, и тот специфический метод правового регулирования определенной совокупности общественных отношений, который устанавливается для них государством, также является формальным моментом. Материальными являются «потребности гражданского общества», специфика которых обусловливает необходимость выбора и законодательного закрепления определенного правового метода для правового регулирования определенного вида общественных отношений.

Если бы эти потребности возникали только из данных общественных отношений, регулируемых данной отраслью права, тогда решение проблемы в целом не вызывало бы никаких затруднений: границы данной отрасли права обозначены ее предметом, теми конкретными общественными отношениями, которые ею регулируются. Но «потребности гражданского общества» вырастают не только из данных общественных отношений, регулируемых данной отраслью права, а определяются совокупностью всех материальных условий жизни, общества, «в конечном счете — развитием производительных сил и условий обмена». Поэтому, если, например, по действующему законодательству снабжение материалами и оборудованием производится в порядке распределения фондов, то выбор такого метода правового регулирования обусловливается не одними только потребностями, возникающими из самих отношений по снабжению материалами и оборудованием, но и условиями, в которых эти предметы производятся, а также потребностями социалистического хозяйства в отношении этих предметов. Само по себе, по своей собственной природе снабжение материалами и оборудованием могло бы протекать как в форме прямого административно-правового распределения, так и в договорной форме, на основании и в соответствии с административным актом,

⁷⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XIV, стр. 671.

или даже в так называемом свободном договорном порядке. Однако совокупность потребностей нашего общества, материальные условия социалистического производства в целом приводят к тому, что из числа всех абстрактно возможных применительно к этим отношениям методов правового регулирования избирается и закрепляется только тот метод, который является единственно возможным и целесообразным при данных исторических условиях.

И так происходит с любыми общественными отношениями, допускающими известную альтернативу при определении правового метода их регулирования. Пока они рассматриваются сами по себе, изолированно от других общественных отношений и вырастающих из них материальных потребностей общества, они предполагают как будто абстрактную возможность применения к ним различных правовых методов. Когда же эти отношения рассматриваются под углом зрения конкретных материальных потребностей, вырастающих не только из них одних, но из совокупности всех материальных условий жизни общества, то оказывается, что при определенных исторических условиях они могут и должны регулироваться только данным конкретным правовым методом.

Таким образом, правовой метод, устанавливаемый государством для регулирования определенной совокупности общественных отношений, предопределяется не только предметом регулирования, но и совокупностью всех материальных потребностей общества, вырастающих из материальных условий его жизни. Предмет регулирования определяет границы выбора между объективно и абстрактно применимыми к нему правовыми методами. В зависимости от характера предмета, эти границы могут быть и более широкими и более узкими, включая в себе несколько возможных или единственно возможный правовой метод. Совокупность всех материальных потребностей общества, вырастающих из материальных условий его жизни, определяет выбор и закрепление конкретного метода правового регулирования из числа тех правовых методов, возможность применения которых к данным общественным отношениям допускается в силу характера самих этих отношений.

Материальные интересы и потребности социалистического общества формируют общую волю советского государства, которая получает свое выражение в законе. Являясь юридическим способом обеспечения определенного поведения членов социалистического общества, закон выступает в качестве одного из средств для достижения целей и разрешения задач, сознательно поставленных и выдвинутых социалистическим государством. Но, как отмечает проф. С. И. Аскназий⁷¹, обеспечивая поведение советских граждан, необходимое для достижения целей и разрешения задач, сознательно поставленных и выдвинутых социалистическим государством, закон может применить и метод прямого предписания, и метод административно-правового запрета, и метод гражданско-правового регулирования. Закрепляя конкретный метод для правового регулирования известной отрасли общественных отношений, советское государство исходит из совокупности материальных условий жизни нашего общества и внутренних законов его развития, из возникающих на этой основе общественных потребностей и интересов, сообразно с которыми оно выдвигает определенные цели и задачи, а также из того характера общественного поведения советских граждан, которое должно быть обеспечено для максимально быстрого и наиболее эффективного достижения поставленных им целей и разрешения выдвинутых им задач. Если метод гражданского права наиболее способствует удовлетворению назревших материальных потребностей и обеспечению необходимого поведения советских граждан, то на нем государство и останавливает свой выбор, закрепляя его в качестве метода правового регулирования данной отрасли общественных отношений.

⁷¹ См. С. И. Аскназий, *цит. соч.*, стр. 100.

Таким образом, для определения сферы применения норм гражданско-правового законодательства существенными являются следующие обстоятельства: специфика метода гражданско-правового регулирования, в силу которого гражданское правоотношение выступает в качестве отношения особого структурного типа; объективная природа общественных отношений, обуславливающая *возможность* применения к ним метода гражданско-правового регулирования; характер материально-обусловленных и сознательно социалистическим государством выдвинутых целей и задач, предопределяющих *необходимость* применения метода гражданско-правового регулирования к данным общественным отношениям.

Как известно, только определенная совокупность имущественных отношений, а также отношений, связанных с личными неимущественными правами граждан, объективно допускает возможность применения к ним метода гражданско-правового регулирования. Эти отношения могут строиться по типу гражданского правоотношения. Они должны строиться по его типу, если по своей природе допускают возможность применения к ним только гражданско-правового метода или если, при наличии объективной возможности применения к ним различных правовых методов, государство, в соответствии с выдвинутыми им целями и задачами, останавливает свой выбор на методе гражданско-правового регулирования.

Только все эти обстоятельства в их совокупности, думается нам, создают достаточные предпосылки для разработки общего определения понятия гражданского правоотношения, в отличие от иных видов правовых отношений, а на этой основе – и для разработки определения гражданского права как одной из отраслей единой системы советского социалистического права.

Отношение советского социалистического гражданского права есть правоотношение особого структурного типа. Его структурные особенности проявляются как в общем характере построения, так и в субъектном составе, а также в характере и в объекте правомочий и обязанностей его участников. По принципу гражданского правоотношения строятся *социалистические имущественные отношения*, а также отношения, связанные с *личными неимущественными правами* советских граждан. Эти отношения должны строиться по типу гражданского правоотношения, если по своей объективной природе они допускают возможность применения к ним только метода гражданско-правового регулирования. Если же по своей объективной природе они допускают возможность применения к ним не только гражданско-правового, но и административно-правового метода, то они будут строиться по типу гражданского правоотношения, если структурные особенности последнего обеспечивают такое поведение его участников, которое необходимо для разрешения задач, сознательно поставленных социалистическим государством в целях удовлетворения материальных потребностей и интересов советских граждан и всего советского народа.

Этот тип правовых отношений и будет составлять предмет дальнейшего анализа.

Глава III

Содержание гражданского правоотношения. Воля и интерес в отношениях гражданского права

Наука гражданского права рассматривает гражданское правоотношение как отношение между определенными *субъектами*, установленное в связи с определенным *объектом*, по поводу которого у его участников возникают определенные *права* и *обязанности*. Субъекты и объект, правомочие и обязанность – таковы основные элементы всякого, в том числе и гражданского правоотношения. Анализ гражданского правоотношения есть не что иное, как анализ его основных элементов. Сообразно с этим и должен быть построен план дальнейшего исследования.

Мы начнем с правомочия и обязанности для того, чтобы затем перейти к объекту и субъектному составу отношений гражданского права, а впоследствии рассмотреть гражданское правоотношение в единстве всех его элементов, в его возникновении, изменении и прекращении, осуществляющихся под влиянием юридических фактов как внешних обстоятельств, которым закон придает юридическое значение.

Обращаясь к анализу правомочий и обязанностей в первую очередь, мы исходим из того, что как элементы, специфические только для правового отношения и не известные другим общественным отношениям, они являются его главными и ведущими элементами. Правовое отношение как общественное отношение особого рода обнаруживает себя прежде всего в том, что его участники выступают в качестве носителей прав и обязанностей. Но если в этом состоит специфика правового отношения, то, по-видимому, и его содержание находится в непосредственной связи с характером и содержанием правомочий и обязанностей его участников. Следовательно, анализ гражданских правомочий и гражданско-правовых обязанностей составляет также необходимую теоретическую предпосылку для последующего выявления непосредственного относительно самостоятельного содержания гражданского правоотношения.

1

Буржуазная правовая наука, подходившая с различными критериями к оценке одних и тех же юридических категорий на различных этапах развития капитализма, не выработала, да и не могла выработать единого понятия субъективного права и правовой обязанности.

В эпоху становления капитализма, когда буржуазия, идя к власти под лозунгом всеобщей свободы и всеобщего равенства, вела за собою народные массы на борьбу с феодально-крепостническим строем, ее идеологи мало интересовались понятием правовой обязанности и сосредоточивали свое внимание прежде всего на понятии субъективных прав, определяя их как естественные и прирожденные свойства личности, которые не создаются, а лишь признаются и подтверждаются нормами положительного законодательства. Но эта концепция, которая могла бы впоследствии обернуться против самой буржуазии, была ею решительно отвергнута после того, как она пришла к власти и тем самым политически утвердила свое экономическое господство. Различные концепции субъективных прав, созданные буржуазной юриспруденцией в противовес теориям естественно-правовой школы, все более удаляются от идеи их неотъемлемости и прирожденности и все более приближаются к откровенно реакционным концепциям нового времени, которые широко проповедуются на страницах современной буржуазной юридической литературы. Отвергая категорию субъективных прав и сосредоточивая свои псевдонаучные изыскания всецело

и исключительно на понятии юридической обязанности, буржуазные юристы эпохи империализма стремятся доказать всеобщее значение обязанности для современного устройства буржуазного государства, которое зиждется якобы на взаимной связанности личности и общества, выполняющих друг перед другом заранее predetermined и юридически закрепленные социальные функции, возлагаемые на личность сообразно с тем, какое положение она занимает в обществе.

Общая эволюция в сторону реакции и мракобесия, проделанная буржуазной юриспруденцией, начиная от момента ее возникновения до ее современного состояния, наиболее ярко обнаруживает себя в той эволюции, которой подверглись ее взгляды на понятие субъективных прав и которая может быть прослежена уже при самом беглом обзоре ее основных концепций.

Первой такой концепцией является волевая теория субъективных прав, которая была создана в борьбе с естественно-правовой доктриной, провозгласившей накануне захвата буржуазией власти прирожденность и неотчуждаемость прав личности, обеспечение и охрана которых вручается созданному на основе общественного договора государству⁷². Берущая свое начало в идеалистической философии Гегеля⁷³ и настойчиво проводимая в первой половине XIX в.⁷⁴, волевая теория определяет субъективное право как своеобразный приказ, который издается объективным правопорядком и вручается отдельной личности в ее свободное распоряжение, как пожалованную государством власть или господство, свободу или дозволенность воли в пределах, установленных законом⁷⁵.

Но если субъективное право есть пожалованная государством дозволенность индивидуальной воли, то из этого следует, что государство не признает, а создает права личности, наделяя ими отдельных граждан и определяя тем самым объем правоспособности каждого из них, который может быть и увеличен и сокращен по усмотрению самого государства.

Принцип прирожденности прав, выдвинутый представителями школы естественного права, заменяется, таким образом, принципом их государственного пожалования, а поэтому и принципу неотъемлемости и неотчуждаемости прав должна быть противопоставлена принципиальная возможность их ограничения и упразднения по воле государства как органа, которым эти права создаются. Таковы выводы, к которым неизбежно приводит волевая теория в ее логической последовательности.

Однако, определяя субъективное право как предоставленную государством дозволенность воли отдельной личности, волевая теория формально утверждала свободу индивидуума, его известную независимость по отношению к государству, по крайней мере в пределах, в которых свобода личного усмотрения санкционируется самим государством. Если она и представляла собою значительное отступление вправо, по сравнению со взглядами наиболее прогрессивных представителей естественно-правовой доктрины, то в эпоху промышленного капитализма утверждаемый ею принцип свободы индивидуальных действий в известных законом установленных пределах был вполне приемлемым для господствующего класса уже постольку, поскольку он соответствовал экономическому принципу развития капиталистического общества в этот период.

⁷² См., например, *J.-J. Rousseau, Du contra social*, 1896, стр. 16 и сл.

⁷³ «Почвой права, — писал Гегель, — является вообще духовное, и его ближайшим местом и исходным пунктом — воля, которая свободна, так что свобода составляет ее субстанцию и определение, и система права есть царство реализованной свободы, мир духа, порожденный им самим как некая вторая природа» (*Гегель, Соч.*, т. VII, стр. 31).

⁷⁴ Но и в более позднее время, когда волевой теории был нанесен решительный удар ее противниками, она не утратила окончательно своего значения и продолжала отстаиваться различными авторами. Так, в своих «Лекциях по энциклопедии права», изданных в 1913 г., Е. Трубецкой писал: «...право есть совокупность норм, с одной стороны, предоставляющих, а с другой стороны, ограничивающих свободу лиц в их известных отношениях» (стр. 11). Сообразно с этим и субъективное право определяется Е. Трубецким как «сфера предоставленной личности свободы» (стр. 85).

⁷⁵ См. *B. Windscheid, Lehrbuch des Pandektenrechts*, т. I, 1887, стр. 99.

Когда же с обострением классовых противоречий капитализма государственное вмешательство во внутреннюю сферу индивидуальной деятельности начинает приобретать все более широкое распространение, появилась потребность в ином теоретическом объяснении понятия субъективных прав, которое не только оправдало бы целесообразность этого вмешательства, но и обосновало его необходимость, придавая ему внешне легальную и потому юридически безупречную видимость. На смену волевой теории приходит теория интереса.

Воспользовавшись известными догматическими пороками волевой теории, сторонники нового воззрения на понятие субъективного права нанесли ей такой удар, от которого она никогда уже не могла оправиться. Волеспособность, – утверждают они, – не является необходимой предпосылкой права, поскольку в качестве носителей прав могут выступать лица, лишённые воли. Воля может быть перенесена на другое лицо, и это тем не менее не повлечет за собою одновременного перенесения права, поскольку управомоченный сохранит за собою удовлетворение интереса, которое право ему обеспечивает. Напротив, уступка пользования, интереса всегда является вместе с тем и уступкой самого права. «Право существует не для того, чтобы осуществить идею абстрактной “правовой воли”, а для того, чтобы служить интересам, потребностям, целям оборота»⁷⁶. Интересы, получающие юридическую защиту, образуют субстанцию прав. «Права суть юридически защищенные интересы»⁷⁷.

Но интересы личности, даже тогда, когда им предоставляется юридическая защита, могут прийти в столкновение с интересами других лиц и с интересами буржуазного государства в целом. В разрешении этой коллизии теория интереса исходит из преимущества «власти, служащей интересам всех, над объемом власти, предоставленной в распоряжение отдельных лиц для защиты их интересов»⁷⁸. Речь идет, таким образом, не об ограничении воли государства свободой, предоставленной им индивидууму, как об этом говорили сторонники волевой теории, а о поглощении интересов личности интересами государства и о вытекающей отсюда возможности широкого государственного вмешательства в личную, ранее автономную сферу, поскольку это вмешательство осуществляется в целях охраны «общих» интересов, приходящих в столкновение с интересами отдельных лиц.

Известно, что такая теория, выдвинутая в последней четверти XIX в., вполне совпадает с практикой буржуазных государств этого периода. Но известно также, что и она перестала удовлетворять требованиям господствующего класса, когда капитализм вступил в последнюю стадию своего развития – стадию империализма.

Этим требованиям не удовлетворяли и созданные на базе волевой теории и теории интереса такие их разновидности, как теория власти⁷⁹, теория власти и интереса⁸⁰, воли и интереса⁸¹, силы и интереса⁸², теория блага⁸³ и т. д. и т. п. Теоретический разброд, который эти концепции внесли в буржуазную юридическую науку, поставил перед нею вопрос о том, возможно ли вообще научно правильное объяснение понятия субъективного права,

⁷⁶ R. Jhering, Geist des römischen Rechts, т. III, 1906, стр. 338.

⁷⁷ Там же, стр. 351.

⁷⁸ R. Jhering, Der Zweck im Recht, т. I, 1904, стр. 229.

⁷⁹ См., например, С. Муромцев, Определение и основное разделение права, М. 1879, стр. 73; Г. Шершеневич, Общая теория права, М. 1912, стр. 605, а также R. Saleille. De la personnalité juridique, 1910, стр. 373, 374; F. Endemann, Lehrbuch des bürgerlichen Rechts, т. I, 1903, стр. 58, и другие авторы.

⁸⁰ См., например, F. Regelsberger, Pandekten, т. I, 1893, стр. 75; J. Binder. Das Problem der juristischen Persönlichkeit, 1907, стр. 40, и другие авторы.

⁸¹ См., например, R. Demogue, Des notions fondamentales du droit privé, 1911, стр. 365; G. Jellinek, System des subjectiven öffentlichen Rechts. 1919, стр. 365.

⁸² См., например, А. Меркель, Юридическая энциклопедия, П. 1902, стр. 53.

⁸³ См., например, H. Dernburg, Pandekten, т. I, 1902, стр. 85.

а изменившиеся социально-исторические обстоятельства привели к тому, что самая категория субъективных прав подверглась вначале сомнению, а затем и прямому отрицанию.

На этом пути, собственно, стоит Л. И. Петражицкий с его реакционной психологической теорией права. Отрицая реальность правовых явлений и рассматривая их как особый класс «сложных, эмоционально-интеллектуальных психических процессов»⁸⁴, Петражицкий и субъективное право определяет как своеобразное психическое переживание, порождающее императивно-атрибутивные эмоции на стороне обязанных лиц⁸⁵. Перенесение категории субъективных прав из реального мира в сферу психических переживаний есть уже значительный шаг на пути к их отрицанию вообще.

Последний шаг в этом направлении сделал французский юрист Л. Дюги. Исходя из своей «знаменитой» системы взаимной социальной зависимости (*interdépendence sociale*), Дюги умозаключает, что государство в его прежнем понимании перестало существовать (*l'état est mort*), уступив место новой общественной организации, каждый из членов которой выполняет определенную обязанность, функцию, в интересах общественного целого и тем самым в своих собственных интересах. Эта новая общественная организация «покоится на двух элементах – с одной стороны, на концепции объективного права как социальной нормы, основанной на факте взаимной зависимости. Вторым элементом является децентрализация, или синдикальный федерализм»⁸⁶, т. е., по существу, солидарность интересов антагонистических классов и их различных представителей.

У ее членов «нет прав, как нет их и у коллективности, но все индивиды обязаны повиноваться социальной норме, так как они суть существа социальные»⁸⁷.

Таков окончательный вывод, к которому приходит Дюги, а вместе с ним и буржуазная юриспруденция в целом. Начав с определения прав как естественных и прирожденных свойств личности, буржуазная юридическая наука пришла к отрицанию субъективных прав вообще, к замене их понятием «социальных функций» и к превращению носителей прав в субъектов «социальных обязанностей».

2

В нашей стране, где охрана прав и интересов личности гарантируется основным законом нашего государства – Сталинской Конституцией, вопрос о субъективных правах вообще, о субъективных гражданских правах в том числе, имеет не только абстрактно-теоретическое, но и прежде всего большое практическое значение. Научная разработка этой проблемы должна сыграть большую роль в уяснении сущности прав, признаваемых нашим законом за советскими гражданами, но она имеет также большое значение для разрешения других специальных вопросов науки советского социалистического права. Не удивительно поэтому, что некоторые авторы, имея в качестве специального предмета своего исследования другие цивилистические проблемы, предпосылают их анализу изложение своих взглядов на понятие субъективных прав.

Так, в частности, в недавно опубликованной книге проф. С. Н. Братуся «Юридические лица в советском гражданском праве» специальная глава посвящается вопросу о значении воли в праве, а также понятию субъекта права и субъективных прав⁸⁸. Определяя субъек-

⁸⁴ Л. Петражицкий, Теория права и государства в связи с теорией нравственности, П. 1909, стр. 86.

⁸⁵ Там же, стр. 50, 51.

⁸⁶ Л. Дюги, Социальное право. Индивидуальное право. Преобразованное право, П. 1909, стр. 23.

⁸⁷ Там же, стр. 5.

⁸⁸ См. С. Н. Братусь, Юридические лица в советском гражданском праве, Ученые труды ВИАЮ Министерства юстиции СССР, 1947, вып. XII, стр. 10–33.

тивное право как сферу власти, признаваемой объективным правом за управомоченным⁸⁹, проф. Братусь указывает, наряду с этим, что «содержание субъективного права заключается не только в том, что запрещено делать обязанному лицу, но и в поведении, дозволенном субъекту»⁹⁰. Что же касается интереса, защищенного правом, то проф. Братусь исключает его из содержания субъективного права и считает вместе с критиками Иеринга, «что интерес — это только цель, а не сущность права, что право — лишь средство обеспечения или охраны интересов»⁹¹.

С таким пониманием сущности субъективного права мы не можем согласиться. Как материально-правовое притязание, обращенное к обязанному лицу, субъективное право направляется в первую очередь на обеспечение поведения обязанного лица. Следовательно, содержание субъективного права действительно заключается в том, что предписано или запрещено делать обязанному лицу. Однако специфика этого содержания отнюдь не заключается в дозволенности действий самого управомоченного, ибо все, не запрещенное законом, является в то же время дозволенным, независимо от наличия или отсутствия специального правомочия на совершение этих действий. Но закон действует по-разному тогда, когда, не запрещая, он тем самым дозволяет, и тогда, когда, регулируя поведение конкретных обязанных лиц, он не только дозволяет совершение известных действий управомоченным, но и обеспечивает *возможность* их совершения. Только в этом последнем случае и происходит признание объективным правом специального правомочия за индивидом или юридическим лицом. Следовательно, специфика содержания субъективного права состоит не в дозволенности действий, не в праве на свои собственные действия, а в возможности этих действий, возникающей вследствие обеспечения определенного поведения обязанных лиц.

Не прав, конечно, Шершеневич, когда, определяя понятие субъективного права, он говорит: «Важно не то, что может субъект права, а чего не смеют субъекты обязанностей»⁹². Важно и то, и другое. Но первое важно именно как возможность, а не как дозволенность. Не в одной только дозволенности действий управомоченного, а в юридической обеспеченности возможности этих действий заключается содержание субъективного права.

Разумеется, признавая субъективное право за управомоченным, государство исходит не только из характера действий управомоченного, возможность которых им обеспечивается, но и из характера защищаемого им интереса. Юридическую защиту может получить лишь такой интерес управомоченного, который совпадает с интересами государства или не противоречит им.

Классовая природа всякого права вообще, в том числе и субъективных гражданских прав, обнаруживает себя прежде всего в характере интереса, охраняемого правом. С другой стороны, для управомоченного основной смысл признанного за ним права заключается не только в том поведении обязанных лиц, которое обеспечивается юридически, но, и главным образом, в том интересе, для удовлетворения которого он нуждается в поведении обязанных лиц. Исключение интереса из содержания субъективного права привело бы к тому, что последнее оказалось бессодержательным как с точки зрения его носителя, так и с точки зрения его классовой природы. Но если субъективное право есть категория общественная вообще, то объясняется это прежде всего тем, что в индивидуальном интересе, проявляющем в себе определенный общественный или классовый интерес, заключается сущность субъективного права. Следовательно, содержание субъективного права сводится не только к обеспечению определенного поведения обязанных лиц и возможности совершения извест-

⁸⁹ См. там же, стр. 27, 28.

⁹⁰ Там же, стр. 33.

⁹¹ Там же, стр. 24.

⁹² Г. Шершеневич, Общая теория права, вып. III, 1912, стр. 574.

ных действий управомоченным, но и к интересу, удовлетворение которого обуславливается его осуществлением.

Значение интереса как одного из элементов содержания субъективного права едва ли можно переоценить в связи с той ролью, которую правильное определение понятия субъективного права играет в разрешении других проблем науки гражданского права. На юридически защищенный интерес опирается определение права собственности, разработанное проф. А. В. Венедиктовым⁹³. Этим понятием пользуется и проф. Братусь при исследовании проблемы юридического лица⁹⁴, несмотря на то, что он исключает интерес из содержания субъективного права. Момент интереса имеет также большое значение и для разработки проблемы гражданского правоотношения, с которой проблема субъективных прав связана наиболее непосредственным образом.

3

Когда говорят об объективном праве, то имеют в виду право как «совокупность правил поведения, выражающих волю господствующего класса, установленных в законодательном порядке, а также обычаев и правил общежития, санкционированных государственной властью, применение которых обеспечивается принудительной силой государства в целях охраны, закрепления и развития общественных отношений и порядков, выгодных и удобных господствующему классу⁹⁵. Объективное право создается в целях закрепления и развития господствующих общественных отношений и осуществляет эти задачи путем определенного регулирования поведения людей при помощи правовых норм, совокупность которых и образует право в объективном смысле.

Всякая правовая норма носит одновременно и обязывающий и запретительный характер: обязывая к совершению какого-либо действия, норма запрещает воздержание от его совершения, как и наоборот, запрещая совершение определенного действия, она обязывает к его совершению. В то же время всякая правовая норма носит и уполномочивающий характер: норма, обязывающая к совершению того или иного действия и запрещающая его совершение, как и наоборот, норма, запрещающая совершение данного действия и обязывающая к его совершению, уполномочивает кого-либо требовать соответственно совершения или несвершения данного действия.

Если своей уполномочивающей стороной юридическая норма обращается только к государству, то управомоченным по этой норме является само государство. Но установленная государством правовая норма может уполномочивать (непосредственно или при наступлении предусмотренных в ней фактических обстоятельств) и отдельных граждан или различных юридических лиц, которые в этом случае и будут выступать в качестве управомоченных. При этом условии и возникает субъективное право⁹⁶. Поведение обязанных лиц регулируется теперь уже не одним только объективным правом, за нормами которого стоит сила государственного принуждения, но также при помощи субъективного права, осу-

⁹³ См. Советское государство и право, № 4, 1941, стр. 136 и сл. – Сообщение о докладе А. В. Венедиктова на тему «Государственная социалистическая собственность и органы управления ею». См. *его же*: «Право государственной социалистической собственности» в сб. «Вопросы гражданского права», 1945, стр. 76 и сл.; *его же*: «Право собственности», – Научная сессия ЛГУ 1946 г. – Тезисы докладов секции экономических, философских и юридических наук, стр. 7.

⁹⁴ См. С. Н. Братусь, *цит. соч.*, стр. 58.

⁹⁵ А. Я. Вышинский, Основные задачи науки советского социалистического права, Материалы 1-го совещания научных работников права, М. 1938, стр. 183.

⁹⁶ Разумеется, субъективное право, возникшее при этом условии, может относиться как к области гражданского, так и к области административного права. Однако в дальнейшем мы будем говорить только о субъективных гражданских правах.

ществование которого обеспечивается объективными правовыми нормами и силой государства, которым эти нормы устанавливаются или санкционируются.

Из этого следует, что субъективное право есть прежде всего средство регулирования поведения людей, осуществляемого нормами объективного права.

Когда государство регулирует поведение граждан непосредственно, при помощи норм объективного права, путем прямого возложения на них определенных, законом установленных обязанностей, то эти обязанности должны быть выполнены перед самим государством; само государство как сила, стоящая за правовыми нормами и обеспечивающая их соблюдение, требует от граждан выполнения возложенных на них обязанностей. Когда же регулирование поведения людей осуществляется не правовыми нормами непосредственно, а этими последними при помощи субъективных прав, то право требования определенного поведения от обязанных лиц принадлежит в первую очередь не государству непосредственно, а лицам, наделенным субъективными правами. Государство в этом случае не предъявляет непосредственных требований обязанным лицам, а обеспечивает осуществимость требований, заявленных управомоченными.

Для государства предоставление прав различным субъектам имеет значение постольку, поскольку оно обеспечивает такое поведение обязанных лиц, которое установлено государством в качестве обязательного при данных обстоятельствах. Для управомоченного наделение его субъективными правами имеет значение постольку, поскольку оно обеспечивает такое поведение других лиц, которое необходимо управомоченному при данных условиях.

Из этого, далее, следует, что субъективное право есть юридическое средство обеспечения такого поведения других лиц, в котором нуждается управомоченный и которое государство признает обязательным.

Управомоченный нуждается в юридическом обеспечении не своего собственного поведения, а поведения других, обязанных лиц. Следовательно, право всегда является правом не на свои собственные, а на чужие действия⁹⁷, ибо право не призвано к регулированию отношения человека к вещи, отношения человека к самому себе или к своим собственным действиям. Право регулирует отношения между людьми. Необходимость в субъективном праве для совершения своих собственных действий, не запрещенных и потому общим образом дозволенных законом, возникает лишь тогда, когда совершение этих действий оказывается невозможным без обеспечения содействия или устранения противодействия (реального или возможного) других лиц. Субъективное право сводится не к дозволенности собственных действий управомоченного, а к обеспечению возможности совершения этих действий. Но превратится ли возможность в действительность, будут ли фактически совершены действия, возможность которых обеспечивается субъективным правом, это зависит не только от одного субъективного права, но и от материальных гарантий его реального осуществления. Реальность прав, предоставленных советским гражданам, обеспечивается не одним только фактом их законодательного провозглашения, но и материальными условиями жизни нашего общества, выраженными и закрепленными в советском законе, который «не ограничивается фиксированием формальных прав граждан, а переносит центр тяжести на вопрос о гарантиях этих прав, на вопрос о средствах осуществления этих прав»⁹⁸.

Из этого, далее, следует, что субъективное право есть юридическое средство обеспечения определенного поведения обязанных лиц, обуславливающее для управомоченного

⁹⁷ С особой настойчивостью и последовательностью эту мысль проводит проф. Я. М. Магазинер, который считает, что «понятие права на свои собственные действия, т. е. право на свое собственное делание» — это «научно несовершенные, лишь практически достаточные обозначения», которые фактически всегда имеют в виду право на чужие действия, на действия других, обязанных лиц (см. *Я. М. Магазинер*, Заметки о праве, Вестник юстиции Узбекистана, № IV–V, 1925, стр. 40 и сл.).

⁹⁸ *И. В. Сталин*, Вопросы ленинизма, изд 11-е, стр. 518.

реальную, гарантированную материальными условиями жизни социалистического общества возможность совершения его собственных действий.

Но если для совершения своих собственных действий управомоченный нуждается в обеспечении определенного поведения других лиц и в создании необходимых для этого материально-общественных предпосылок, то для достижения какой цели он совершает свои собственные действия? Для чего человек вообще совершает те или иные действия?

«Каков бы ни был ход истории, люди делают ее так: каждый преследует свои собственные цели»⁹⁹. Для достижения этих целей и совершаются определенные действия, в результате которых осуществляется удовлетворение известных интересов действующего. Следовательно, действие в конечном счете приводит к удовлетворению определенного интереса и, рассматриваемое с точки зрения интереса, оно представляет собою не что иное, как средство его удовлетворения. Поэтому, если управомоченному предоставляется субъективное право, обеспечивающее определенное поведение обязанных лиц и обуславливающее тем самым возможность совершения его собственных действий, то благодаря этому создаются необходимые правовые предпосылки для удовлетворения известных интересов управомоченного. Само собою разумеется, что государство может предоставить гражданам лишь такие субъективные права, которые приводят к удовлетворению интересов, совпадающих с интересами государства или не противоречащих им.

В социалистическом государстве, не знающем деления общества на враждебные, антагонистические классы, «непримиримого контраста между индивидом и коллективом, между интересами отдельной личности и интересами коллектива не имеется и не должно быть. Его не должно быть, так как коллективизм, социализм не отрицает, а совмещает индивидуальные интересы с интересами коллектива. Социализм не может отвлекаться от индивидуальных интересов. Дать наиболее полное удовлетворение этим личным интересам может только социалистическое общество»¹⁰⁰. Гармоническое сочетание и единство интересов индивида и интересов коллектива в социалистическом обществе лежит в основе такого же сочетания и единства субъективных прав, индивидуальных правомочий и советского закона, советского социалистического права в целом. Субъективное право является одним из юридических способов удовлетворения личных и общественных интересов в их единстве и гармоническом сочетании. Личность наделяется субъективными правами или субъективные права признаются за личностью для удовлетворения интересов, в которых личное и общественное, индивидуальное и общегосударственное связаны неразрывно друг с другом и находятся во взаимном переплетении и единстве.

Из этого, далее, следует, что субъективное право есть юридическое средство удовлетворения интересов советских граждан, совпадающих с интересами социалистического государства или не противоречащих им.

Так, если плановый акт возлагает на хозорган обязанность поставить другому хозоргану определенное количество сырья или топлива, то это означает, что хозорган-поставщик оказывается связанным не только общим для них плановым актом, но и правомочием, предоставленным его контрагенту – хозоргану-получателю. Последний вправе требовать предоставления ему того количества сырья или топлива, которое предусмотрено плановым актом. Поскольку поведение поставщика обеспечивается не только юридически, не только возложением на него определенной обязанности, но и экономически, предоставлением ему всех необходимых средств для реализации плана и для точного выполнения принятых на себя обязательств, постольку тем самым обеспечивается возможность совершения определенных действий управомоченным, который, получив необходимое количество сырья и топлива,

⁹⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XIV, стр. 631.

¹⁰⁰ И. В. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 10-е, стр. 602.

может бесперебойно осуществлять производственный процесс, в целях выполнения плана, в интересах советского государства, в интересах всего советского народа.

Итак, субъективное право выступает прежде всего в качестве средства регулирования поведения граждан, которое осуществляется нормами объективного права. Эту свою функцию субъективное право выполняет благодаря тому, что оно обеспечивает своему носителю определенное поведение на стороне обязанных лиц, обуславливающее для управомоченного возможность совершения его собственных действий, которые являются средством, способом удовлетворения интересов управомоченного. Личные интересы, к удовлетворению которых приводит осуществление субъективных прав, находятся в гармоническом сочтении и единстве с общественными интересами и получают юридическую защиту лишь постольку, поскольку они совпадают с интересами государства или не противоречат им.

Из этого следует, что субъективное гражданское право есть средство регулирования поведения советских граждан, осуществляемого нормами советского социалистического гражданского права, путем обеспечения определенного поведения других лиц, в целях удовлетворения интересов управомоченного, совпадающих с интересами социалистического государства или не противоречащих им.

4

Противоположность субъективному гражданскому праву составляет гражданско-правовая обязанность. Являясь, как и субъективное право, средством регулирования поведения граждан, осуществляемого нормами объективного права, она выступает не только в качестве функции правовых норм, но и в качестве необходимого коррелята субъективного права. Реальность субъективного права выражается прежде всего в том, что ему соответствует обязанность, возлагаемая на других, противостоящих управомоченному лицу. Поскольку эти лица обязаны к тому же самому, на что имеет право управомоченный, постольку содержание обязанности полностью соответствует содержанию субъективного права. Но поскольку, с другой стороны, то, что может требовать управомоченный, должны исполнить обязанные лица, постольку содержание обязанности диаметрально противоположно содержанию субъективного права. Поэтому сущность гражданско-правовой обязанности при помощи противопоставления может быть непосредственно выведена из сущности субъективного гражданского права.

Субъективное право обеспечивает его носителю такое поведение на стороне других лиц, в котором нуждается управомоченный и которое при данных обстоятельствах государство признает обязательным. Ту же функцию выполняет и правовая обязанность с тем, однако, существенным отличием, что в то время, как субъективное право предоставляется тому, кто нуждается в известном урегулировании чужого поведения, обязанность возлагается на того, чье поведение должно быть таким образом урегулировано. В этом проявляется противоположность между содержанием права и содержанием обязанности. Тот, кому предоставлено субъективное право, может требовать определенного поведения от других лиц; напротив, тот, на кого возложена обязанность, должен исполнить чужое требование, требование управомоченного. Субъективное право обеспечивает определенное поведение других лиц его носителю; правовая обязанность обеспечивает определенное поведение ее носителя другим лицам. Субъективное право направлено на урегулирование поведения других лиц; правовая обязанность направлена на урегулирование поведения тех лиц, на которых она возлагается. При этом социалистическое государство, признавая в конкретных отношениях права и обязанности за его участниками, учитывает как общие потребности и интересы социалистического общества, так и требующие правовой охраны интересы отдельных

граждан, для удовлетворения которых должно быть обеспечено соответствующее поведение обязанных лиц.

Из этого следует, что правовая обязанность есть юридическое средство обеспечения такого поведения ее носителя, в котором нуждается управомоченный и которое государство признает обязательным.

Обеспечивая определенное поведение других лиц его носителю, субъективное право создает тем самым для управомоченного возможность совершения его собственных действий. Ту же функцию выполняет и правовая обязанность с тем, однако, существенным отличием, что в то время, как благодаря субъективному праву создается возможность совершения собственных действий для тех лиц, которым оно предоставлено, обязанность, если она даже обуславливает активную деятельность ее носителя, в конце концов приводит к возможности совершения определенных действий другими лицами. В этом также проявляется противоположность между содержанием права и содержанием обязанности. Тот, кому предоставлено субъективное право, может совершить определенное действие в результате совершения соответствующих действий другими лицами. Напротив, тот, на кого возложена обязанность, должен совершить определенные действия для того, чтобы соответствующие действия могли быть совершены другими лицами. При этом социалистическое государство создает необходимые предпосылки для совершения определенных действий управомоченным не только благодаря тому, что оно возлагает обязанности на других лиц, но и прежде всего благодаря тому, что «уничтожение эксплуатации и укрепление социалистической системы в народном хозяйстве, отсутствие безработицы и связанной с ней нищеты в городе и деревне, громадное расширение промышленности и непрерывный рост численности рабочих, рост производительности труда рабочих и колхозников»¹⁰¹ обеспечивают реальные возможности как для выполнения обязанностей, принятых на себя социалистическими организациями и отдельными гражданами, так и для осуществления принадлежащих им субъективных прав.

Из этого, далее, следует, что правовая обязанность есть юридическое средство обеспечения определенного поведения ее носителя, обуславливающее возможность совершения соответствующих действий управомоченным.

С точки зрения цели, достижение которой связано с его осуществлением, субъективное право является юридическим средством удовлетворения интересов управомоченного, совпадающих с интересами социалистического государства или не противоречащих им. Ту же функцию выполняет и правовая обязанность с тем, однако, существенным отличием, что в то время, как осуществление субъективного права приводит к удовлетворению интересов самого управомоченного, исполнение обязанности, если бы даже она была принята на себя ее носителем соответственно его интересам, приводит непосредственно к удовлетворению не его собственных интересов, а интересов других лиц. В этом также проявляется противоположность между содержанием права и содержанием обязанности. Тот, кому предоставлено субъективное право, в результате его осуществления непосредственно достигает удовлетворения своих собственных интересов. Напротив, тот, на кого возложена обязанность, в результате ее исполнения непосредственно обуславливает удовлетворение интересов других лиц. Но это – своеобразная противоположность, ибо если правомочие и обязанность являются элементами двустороннего гражданского правоотношения, каждый из участников которого является носителем прав и обязанностей одновременно (например, в договоре купли-продажи), то выполнение обязанности одним из его субъектов, обуславливающее удовлетворение интересов его контрагента, непосредственно связано с осуществлением права обязанного лица, приводящим к удовлетворению его собственных интересов.

¹⁰¹ И. В. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 585.

Если же правомочие и обязанность являются элементами одностороннего правоотношения, участники которого выступают либо в качестве носителей прав, либо в качестве носителей обязанностей, то в том случае, когда правоотношение устанавливается вследствие двустороннего волеизъявления (например, договор дарения), носитель обязанности самостоятельно принимает на себя определенную функцию в целях удовлетворения интересов управомоченного. Когда же при наличии известных обстоятельств правоотношение устанавливается по прямому предписанию закона (например, обязательство из причинения вреда), выполнение определенной функции возлагается на обязанное лицо потому, что это приводит к удовлетворению таких интересов управомоченного, которые, с точки зрения социалистического права, нуждаются в юридической защите в первую очередь. При этом во всех случаях удовлетворению подлежат лишь такие интересы, которые совпадают с интересами социалистического государства или не противоречат им. Для понимания сущности правовой обязанности, так же как и для понимания сущности субъективного права, необходимо, следовательно, исходить из того гармонического сочетания личных и общественных интересов, которое присуще природе советского социалистического строя.

Из этого, далее, следует, что правовая обязанность есть юридическое средство удовлетворения интересов советских граждан, совпадающих с интересами социалистического государства или не противоречащих им.

Так, если плановый акт признает за хозорганом право требовать от другого хозоргана предоставления ему определенного количества сырья или топлива, то это означает, что хозорган-получатель нуждается в продукции хозоргана-поставщика, что без предоставления ему этой продукции он не сможет нормально осуществлять свою производственную деятельность, что точное и неуклонное выполнение поставщиком своей обязанности перед получателем необходимо для того, чтобы получатель имел все возможности для выполнения своего плана как части единого народнохозяйственного плана, которым определяется и направляется хозяйственная жизнь в СССР «в интересах увеличения общественного богатства, неуклонного подъема материального и культурного уровня трудящихся, укрепления независимости СССР и усиления его обороноспособности» (ст. 11 Сталинской Конституции).

Итак, правовая обязанность выступает прежде всего в качестве средства регулирования поведения граждан, которое осуществляется нормами объективного права. Эту свою функцию правовая обязанность выполняет благодаря тому, что она обеспечивает такое поведение ее носителя, которое обуславливает для управомоченного возможность совершения его собственных действий, являющихся средством или способом удовлетворения его интересов. Личные интересы, к удовлетворению которых приводит исполнение правовых обязанностей, находятся в гармоническом сочетании и единстве с общественными интересами и получают правовое обеспечение в виде возложения соответствующих обязанностей на определенных лиц лишь постольку, поскольку они совпадают с интересами государства или не противоречат им.

Из этого следует, что гражданско-правовая обязанность есть средство регулирования поведения советских граждан, осуществляемого нормами советского социалистического гражданского права путем обеспечения определенного поведения ее носителя в целях удовлетворения интересов управомоченного, совпадающих с интересами социалистического государства или не противоречащих им.

5

Определив понятие субъективного гражданского права и гражданско-правовой обязанности, мы можем перейти непосредственно к вопросу о содержании гражданского правоотношения.

Как ставится и разрешается этот вопрос в нашей цивилистической литературе?

В своей работе «Обязательство по советскому гражданскому праву» проф. Агарков предлагает «во избежание путаницы» и для того, чтобы «рационализировать терминологию», объектом права считать то, на что направленно поведение обязанного лица, а содержанием правоотношения – само это поведение¹⁰².

В противовес этому мы полагаем, что проблема содержания гражданского правоотношения не есть чисто терминологический вопрос и что ее разрешение должно определяться существом рассматриваемого явления, а не одной только идеей терминологической целесообразности.

Философия диалектического материализма устанавливает, что «содержание без формы невозможно»¹⁰³, как и наоборот, форма немыслима без содержания, поскольку формы должны быть «содержательными формами», «формами живого, реального содержания, связанными неразрывно с содержанием»¹⁰⁴. Форма и содержание находятся в неразрывном диалектическом единстве, и если можно говорить об определяющей роли содержания внутри этого единства, то форма ни по своему общему значению, ни тем более хронологически не может претендовать на такую роль.

В свете этих философских положений марксизма-ленинизма ни за поведением обязанного лица, о котором говорит проф. Агарков, ни за внешней формой его обнаружения, действием, о котором говорят авторы учебника по гражданскому праву¹⁰⁵, нельзя признать значения содержания гражданского правоотношения. Как правило, предписанное ему действие обязанный совершает не в момент возникновения правоотношения, а в силу его возникновения, т. е. после его установления. В момент установления правоотношения поведение или действие, предписанное обязанному лицу, только обусловливается. Реально же оно наступит или будет совершено лишь по истечении известного, иногда очень короткого, а иногда и весьма продолжительного времени.

Может ли фактически существующее правоотношение как известное реальное явление обладать лишь номинальным, только впоследствии приобретающим реальность содержанием? Не превращается ли правоотношение, при таком определении его содержания, в некую *causa efficiens*, самостоятельно порождающую свое собственное содержание?

Если не существуют бессодержательные формы, то содержание правоотношения уже потому нельзя сводить к действиям обязанного лица, что моменты реального совершения этих действий и возникновения самого правоотношения во времени не совпадают. Более того, в тот самый момент, когда обязанное лицо совершит предписанное ему действие, прекратится существование самого правоотношения. Поэтому, если бы поведение обязанного лица являлось содержанием правоотношения, то следовало бы признать, что правоотношение существует лишь постольку, поскольку оно не приобретает реального содержания. Сле-

¹⁰² См. М. М. Агарков, Обязательства по советскому гражданскому праву, Ученые труды ВЮИОН НКДО СССР, вып. III, 1940, стр. 22, 23.

¹⁰³ И. В. Сталин, Соч., т. I, стр. 317.

¹⁰⁴ В. И. Ленин, Философские тетради, М. 1934, стр. 93.

¹⁰⁵ См. «Гражданское право», Учебник для юридических вузов, под ред. М. Агаркова и Д. Генкина, т. I, М. 1944, стр. 71.

довательно, объявить поведение обязанных лиц содержанием правоотношения – значит, считать правоотношение явлением бессодержательным.

Одновременно с правоотношением возникает не самое поведение обязанного лица, а лишь юридическое средство обеспечения такого поведения – субъективное право и правовая обязанность. И не только возникновение, но и изменение и прекращение субъективных прав и правовых обязанностей происходят одновременно с изменением и прекращением правоотношения.

То, что вовне выступает как правоотношение, возникшее, например, из договора купли-продажи, по существу, есть не что иное, как предоставление соответствующих субъективных прав его участникам: продавцу – права требовать уплаты покупной цены, покупателю – права требовать передачи купленной вещи (ст. 180 ГК РСФСР). Но так как право продавца – ничто без соответствующей обязанности покупателя, как и наоборот, право покупателя должно быть дополнено возложением соответствующей обязанности на продавца, то это по необходимости обуславливает установление правового отношения между обоими контрагентами.

Далее, изменение правоотношения может в то же время рассматриваться как изменение правомочий и обязанностей его субъектов. Например, превращение отношений по имущественному найму в отношения по возмещению неосновательного обогащения есть не что иное, как замена права наймодателя требовать от нанимателя возвращения в обусловленный срок предмета найма (ст. 174 ГК РСФСР) правом на взыскание с нанимателя неосновательного обогащения (ст. 399 ГК РСФСР), если предмет имущественного найма был отчужден нанимателем не подверженному виндикации приобретателю (ст. 60 ГК РСФСР).

Наконец, прекращение правоотношения есть в то же время прекращение правомочий и обязанностей его участников. Так, отношение по страхованию сохраняется до тех пор, пока не наступает обстоятельство, в силу которого выгодоприобретатель может требовать от страховщика удовлетворения его права на выплату страхового возмещения. После того как наступил страховой случай и страховщик выплатил страховое возмещение выгодоприобретателю (ст. 367 ГК РСФСР), прекращаются права и обязанности контрагентов, а вместе с тем прекращается и данное правоотношение.

Различные виды правовых отношений отграничиваются друг от друга не по характеру самого поведения обязанных лиц, а по характеру юридических средств, обеспечивающих это поведение, т. е. по характеру правомочий и обязанностей субъектов правоотношения.

В подтверждение этого достаточно сослаться хотя бы на разграничение договора купли-продажи и договора подряда, проведенное в учебнике по гражданскому праву. Несмотря на то, что содержанием правоотношения авторы учебника считают действия обязанных лиц или их поведение, соответствующие договоры разграничиваются ими не по этому признаку, а по характеру правомочий и обязанностей сторон в названных договорах. «В договоре купли-продажи, – говорится в учебнике, – основные права и обязанности сторон определяются обязанностью поставщика передать вещь в собственность покупателя. В договоре подряда основные права и обязанности сторон определяются обязанностью подрядчика изготовить вещи, выполнить обусловленную в договоре работу»¹⁰⁶. Нельзя, разумеется, разграничить эти договоры соответственно тому, что договор купли-продажи по своему содержанию является передачей вещи в собственность покупателя (поведение продавца как обязанного лица), а договор подряда – изготовлением вещи или выполнением определенной работы (поведение подрядчика как обязанного лица), поскольку содержание договора сводится не к самому поведению обязанных лиц, а к обеспечению этого поведения, путем предоставления прав одному и возложения обязанностей на другого из его контрагентов.

¹⁰⁶ «Гражданское право», Учебник для юридических вузов. Под ред. М. Агаркова и Д. Генкина, т. II, М. 1944, стр. 77.

Самая необходимость в установлении правоотношения обуславливается той неразрывной связью, которая существует между субъективным правом и правовой обязанностью.

Правовая обязанность является необходимым коррелятом субъективного права, ибо только благодаря возложению обязанности на других лиц может быть создано такое поведение, которое обеспечивается субъективным правом его носителю. Субъективное право является не только категорией, которая определяет правовое положение одного лица, его носителя, но и притязанием, которое управомоченный адресует другому лицу, обязанному. Оно с неизбежностью влечет за собой возникновение своей противоположности, правовой обязанности, без которой не может существовать и самое субъективное право.

Будучи противоположными по своему содержанию, субъективное право и правовая обязанность находятся в неразрывном диалектическом единстве, получающем свое выражение в реальных общественных отношениях по крайней мере между двумя лицами. Одно и то же лицо не может быть одновременно и носителем прав и носителем соответствующих этим правам обязанностей. Право одного лица приобретает смысл лишь в том случае, если соответствующая обязанность будет возложена на другое лицо. Но между этими лицами должно быть установлено и конкретное общественное отношение, ибо только в единстве правомочия и обязанности создаются условия для их реального осуществления.

Таким общественным отношением может быть только правовое отношение, так как только в нем правомочие и обязанность находятся в полярном единстве, будучи разделенными между его субъектами в виде противоположных функций, которые возлагаются на каждого из них. Правоотношение выступает в качестве внешнего способа выражения правомочий и обязанностей в их единстве и в их противоположности, и достаточно исчезновения хотя бы одного из этих полюсов, как одновременно исчезнет и второй полюс, а вместе с тем прекратится и самое правоотношение.

Таким образом, взаимосвязь, существующая между правоотношением, с одной, и правомочиями и обязанностями, с другой стороны, обладает всеми признаками, которые характеризуют взаимную связь между определенным явлением и содержанием этого явления. Подобно тому, как всякое содержание вообще не может существовать вне определенной формы, а форма является всегда формой определенного содержания, – подобно этому правомочие и обязанность также не могут существовать вне правоотношения, а правоотношение, в свою очередь, существует лишь постольку, поскольку оно выражает собою правомочия и обязанности его участников. Подобно тому, как возникновение, изменение или прекращение определенного содержания обуславливает возникновение, изменение или прекращение выражающей его формы, подобно этому и возникновение, изменение и прекращение правомочий и обязанностей выражается в возникновении, изменении и прекращении соответствующих правовых отношений. Подобно тому, как различные явления внешнего мира отграничиваются друг от друга прежде всего по их содержанию, так и различные виды правовых отношений отграничиваются друг от друга, прежде всего, по характеру правомочий и обязанностей их субъектов.

Следовательно, гражданское субъективное право в единстве с соответствующей ему гражданско-правовой обязанностью и составляют содержание гражданского правоотношения. Определяемое в соответствии с его непосредственным содержанием отношение советского социалистического гражданского права есть способ выражения субъективных гражданских прав и гражданско-правовых обязанностей в их единстве и противоположности как юридических средств регулирования поведения советских граждан, осуществляемого нормами советского социалистического гражданского права, в целях удовлетворения интересов, совпадающих с интересами советского государства или не противоречащих им.

Субъективные гражданские права и гражданско-правовые обязанности составляют непосредственное содержание гражданского правоотношения, которое, в конечном счете,

определяется материальными условиями жизни общества, общественными отношениями, составляющими реальную экономическую основу каждого данного социального строя. Последние получают соответствующее выражение в правовых отношениях, ибо если субъективные гражданские права и гражданско-правовые обязанности, обеспечивая определенное поведение граждан, приводят к удовлетворению их интересов, совпадающих с интересами социалистического государства или не противоречащих им, то это означает, что в самом правоотношении, в выраженном в нем индивидуальном интересе, преломляется также и социалистический общественный интерес, вырастающий из материальных условий жизни социалистического общества и тех задач и целей, которые социалистическое государство выдвигает. В правоотношении, как в фокусе, сконцентрированы и права и обязанности его субъектов как юридическое средство обеспечения определенного поведения последних, и индивидуальный интерес, к удовлетворению которого осуществление прав и обязанностей приводит, и социалистический общественный интерес, который в этом индивидуальном интересе проявляется. Именно поэтому социалистические гражданские правоотношения и по форме и по содержанию являются прямым выражением социалистических общественных отношений, одним из видов которых они являются и в качестве способа закрепления и развития которых они выступают. Признавая субъективные гражданские права и гражданско-правовые обязанности непосредственным содержанием гражданского правоотношения и определяя их как юридическое средство регулирования поведения советских граждан в целях удовлетворения личных и общественных интересов в их гармоническом сочетании, мы тем самым можем в самих правоотношениях обнаружить ту реальную общественную основу, на которой они вырастают и в целях дальнейшего укрепления и развития которой они устанавливаются.

6

Как предмет регулирования гражданско-правовых норм, отношения гражданского права не могут по своему содержанию не соответствовать выраженной в этих нормах воле социалистического государства. Объективная воля, воля социалистического государства уже потому должна получить свое отражение в конкретных правоотношениях, что только в силу признания со стороны государства, придающего им юридически обязательную силу, общественные отношения становятся правовыми отношениями. В этом смысле всякое гражданское правоотношение может рассматриваться как отношение волевое. Но гражданское правоотношение есть общественное отношение между конкретными лицами, личная, субъективная воля которых, определяемая в своем содержании их общественным бытием, также непосредственно связана с динамикой и осуществлением этого отношения в реальной общественной жизни. Правовые отношения составляют одну из разновидностей идеологических отношений. Как идеологические отношения, они должны так или иначе пройти через сознание людей и выступить в конце концов как осознанные, а следовательно, и как волевые отношения. Но, выступая как осознанные отношения, в конечном счете, являются ли они волевыми отношениями с точки зрения обязательного наличия в них элементов субъективной воли их участников?

Отстаивая тезис о волевом характере всякого правоотношения, проф. С. Н. Братусь и на этот вопрос отвечает утвердительно, подразумевая под волей субъектов правоотношения не волю как психологический акт, а волю как власть или волю в социальном смысле этого слова¹⁰⁷. Однако с этой точкой зрения едва ли можно согласиться. Не отвлекаясь от социального содержания воли личности как общественного индивида, нельзя также забы-

¹⁰⁷ См. С. Н. Братусь, *цит. соч.*, стр. 28, 29, 31.

вать и о том, что вне психологических волевых актов нет и не может быть вообще никакой воли. Волевой акт является единым актом, и лишь при известной степени теоретической абстракции можно говорить раздельно о воле в психологическом и воле в социальном смысле. В действительности же там, где протекает волевой процесс, воля всегда в своем социальном содержании выступает в то же время и как определенный психологический акт. Поэтому для того, чтобы обосновать тезис о волевом характере правоотношений под углом зрения субъективной воли их участников, необходимо доказать, что «воля как психологический акт составляет необходимую предпосылку возникновения и в конечном счете осуществления прав»¹⁰⁸. Но именно это положение, правильное постольку, поскольку речь идет об осуществлении прав, не находит своего обоснования во всех случаях их возникновения. Достаточно указать хотя бы на отношения по наследованию недееспособным после недееспособного или на деликтные обязательства. Эти отношения возникают помимо воли их участников, они могут также прекратиться помимо их воли до осуществления заключенных в них прав, например, в связи со смертью управомоченного, и тогда ни одна из стадий их движения не будет связана с актами психологической воли их субъектов.

Конечно, гражданские правоотношения этого рода численно весьма незначительны, но так как они тем не менее возможны, то нельзя поэтому утверждать, что «всякое правоотношение (юридическое отношение) есть волевое отношение»¹⁰⁹, «т. е. отношение, в которое люди вступают по своей воле и в котором они проявляют свою волю»¹¹⁰. Мы полагаем, что это утверждение, опровергаемое фактами, отнюдь не вытекает из тех высказываний Маркса, которые обычно приводятся для его обоснования.

«Чтобы данные вещи могли относиться друг к другу как товары, — писал Маркс, — товаровладельцы должны относиться друг к другу как лица, воля которых обитает в вещах. Таким образом, один товаровладелец лишь по воле другого, следовательно, каждый из них лишь посредством одного общего для них волевого акта, может присвоить себе чужой товар, отчуждая свой собственный. Следовательно, они должны признавать друг в друге частных собственников. Это *юридическое отношение, формой которого является договор*, — все равно, выражен ли он законно или нет, — есть волевое отношение, в котором выражается экономическое отношение»¹¹¹. Из подчеркнутых нами слов видно, что волевым Маркс признает здесь не всякое правоотношение, а только отношение по поводу обмена товаров, оформленное договором, т. е. только договорное отношение. Но так как не всякое правоотношение является отношением договорным, то из этого высказывания Маркса не следует, что всякое правоотношение является отношением волевым.

Возникновение гражданского правоотношения происходит вместе и одновременно с возникновением заключенных в нем гражданских прав и обязанностей. Что же касается прекращения гражданского правоотношения, то оно может выражать собою не только осуществление прав и обязанностей, но и их собственно прекращение, наступающее вследствие обстоятельств (например, истечение давности), в силу которых они не могут быть осуществлены. Так, если поверенный выполнил порученные ему доверителем действия, то правоотношение между ними прекращается вследствие осуществления прав и обязанностей сторон. Но если смерть поверенного воспрепятствовала выполнению действий, порученных ему доверителем, то правоотношение между ними прекращается независимо от осуществления прав и обязанностей сторон. Сообразно этим двум различным способам прекращения их действия, гражданские правоотношения могут быть разделены на отношения прекращенные

¹⁰⁸ Там же, стр. 31.

¹⁰⁹ С. Голунский и М. Строгович, Теория государства и права, М. 1940, стр. 271.

¹¹⁰ Там же, стр. 273.

¹¹¹ К. Маркс, Капитал, т. I, М. 1931, стр. 41.

(отношения, прекращение которых выражает собою прекращение действия заключенных в них прав и обязанностей до их осуществления) и осуществленные (отношения, прекращение которых выражает собою осуществление заключенных в них прав и обязанностей).

Поскольку акты субъективной воли не являются во всех случаях необходимой предпосылкой возникновения гражданских прав и установления гражданских правоотношений, прекращенные правоотношения могут пройти через все стадии своего движения, в силу одних лишь внешних событий, обуславливающих применение к ним гражданско-правовых норм, независимо от волевых действий их участников, и только тогда, когда правоотношения возникают из гражданско-правовых сделок, они являются волевыми отношениями, каков бы ни был способ их прекращения. Напротив, поскольку осуществление гражданских прав имеет во всех случаях акты субъективной воли их носителей или представляющих их лиц в качестве своей необходимой предпосылки, осуществленные правоотношения всегда являются волевыми отношениями, независимо от способов их установления.

Рассматривая гражданские правоотношения как предмет регулирования гражданско-правовых норм, выражающих волю социалистического государства, мы можем считать их волевыми отношениями, поскольку они отражают на себе объективную волю, волю социалистического государства. Рассматривая эти же отношения как отношения между конкретными лицами, выражающими в них свою собственную волю, мы должны признать, что они могут быть как волевыми, так и неволевыми отношениями, поскольку они не всегда отражают на себе субъективную волю, волю их участников. Отправляясь от объективной воли, воли социалистического государства, мы называем всякое гражданское правоотношение волевым отношением. Отправляясь от субъективной воли, воли их участников, мы подразделяем отношения гражданского права на две группы: гражданские правоотношения, возникающие из гражданско-правовых сделок, а также осуществленные гражданские правоотношения являются отношениями волевыми; прекращенные гражданские правоотношения, возникающие не из гражданско-правовых сделок, а из других законом предусмотренных оснований, могут быть как волевыми, так и неволевыми отношениями.

Деление гражданских правоотношений на осуществленные и прекращенные позволяет нам, таким образом, провести внешнее разграничение этих правоотношений под углом зрения наличия или отсутствия в них субъективной воли их участников. Но какова внутренняя причина этого явления? Почему одна группа гражданских правоотношений предполагает волевою деятельность их субъектов, тогда как другая группа таких же отношений может носить как волевой, так и неволевой характер?

Отвечая на этот вопрос, мы должны постоянно иметь в виду ту связь, в которой правовые отношения находятся с другими общественными и, прежде всего, общественно-производственными отношениями, закономерность развития которых оказывает в конечном счете определяющее воздействие и на динамику правовых отношений. Мы также должны иметь в виду указания классиков марксизма на известную специфику общественного развития по сравнению с развитием естественного мира. Энгельс писал, что «история развития общества в одном пункте существенно отличается от истории развития природы... В истории общества действуют люди, одаренные сознанием, действующие обдуманно или по страсти, ставящие себе определенные цели. Здесь ничто не делается без осознанного намерения, без желанной цели»¹¹². Если, с одной стороны, объективные последствия человеческой деятельности не всегда охватываются предвидением отдельных людей и не всегда зависят от их личных устремлений, то, с другой стороны, причиной этих объективных последствий являются действия отдельных людей как волевые, целеустремленные действия. Волевая деятельность людей является, таким образом, одним из необходимых условий общественного

¹¹² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XIV, стр. 667.

развития, одной из обязательных предпосылок развития производительных сил и производственных отношений общества. Но мы уже видели, что в обществе, в котором существует государство и право, одним из внешних способов движения общественно-производственных отношений являются отношения правовые. Разумеется, динамика этих правовых отношений также предполагает волевою деятельность людей, являющихся их конкретными субъектами, причем если конечный объективный результат волевой деятельности, обуславливающей движение отношений общественного производства, не всегда совпадает с тем, чего желали отдельные индивиды, то ближайшие последствия осуществления правовых отношений обычно составляют их реализованную цель, входят в их предвидение и являются осознанным и желанным результатом. В этом проявляется различное значение волевой деятельности людей для динамики общественно-производственных и правовых отношений. Но в этом же проявляется и связь, которая существует между правовыми отношениями и отношениями общественного производства. Результаты волевых действий людей, наступающие вследствие реализации правовых отношений, в их взаимном переплетении вызывают последствия, приобретающие общеисторическую значимость и отражающие на себе движение всего общественного целого.

Если люди сами творят свою историю, если развитие общества представляет собою результат «множества действующих по различным направлениям стремлений и их разнообразных воздействий на внешний мир»¹¹³, то и внешние правовые условия общественного развития, внешние правовые способы движения общественно-производственных отношений, правовые отношения также должны выступать как отношения, создаваемые и движимые по воле людей, т. е. как волевые отношения. Следовательно, те гражданские правоотношения, которые выступают в качестве внешнего условия и способа движения отношений общественного производства, всегда являются волевыми отношениями.

Право, однако, не только регулирует, но и закрепляет господствующие общественные отношения. Поэтому, наряду с правоотношениями, выражающими движение, существуют также правоотношения, выражающие охрану и закрепление отношений общественного производства¹¹⁴. Если движение общественно-производственных отношений предполагает волевою деятельность людей и поэтому для установления правоотношений, в форме которых протекает это движение, элементы субъективной воли являются необходимыми, то охрану и закрепление общественно-производственных отношений производит само государство, не только независимо, но иногда и против воли отдельных личностей, и поэтому, для установления правоотношений, в форме которых осуществляется охрана и закрепление отношений общественного производства, необходимым и достаточным условием является воля самого государства, а не субъективная, личная воля их участников. Следовательно, те гражданские правоотношения, которые выступают в качестве юридического способа охраны и закрепления общественно-производственных отношений, могут быть установлены помимо воли отдельных людей.

Что же касается гражданских правоотношений, которые не выражают непосредственно ни движения, ни закрепления общественно-производственных отношений, то они строятся сообразно со структурой основных, типовых гражданских правоотношений и, с точки зрения условий их возникновения, могут быть как волевыми, так и неволевыми отношениями, в зависимости от того, достаточно ли для их установления одной только государственной воли или они, кроме того, нуждаются в волевой активности конкретных лиц. Поскольку, однако, осуществление правоотношений, реализация субъективных гражд-

¹¹³ Там же.

¹¹⁴ Подробнее о правовых нормах и отношениях, опосредствующих движение отношений общественного производства или оформляющих их охрану и закрепление, см. С. И. Аскназий, *цит. соч.*, стр. 98.

данских прав всегда носит волевой характер, всегда требует совершения известных волевых действий, а случаи прекращения правоотношений до их осуществления являются весьма редкими, мы можем о подавляющем большинстве гражданских правоотношений говорить как о волевых отношениях не только в объективном, но и в субъективном смысле этого слова.

В связи с этим, естественно, возникает вопрос о том, могут ли неволеспособные лица выступать в качестве субъектов осуществленных гражданских правоотношений и являются ли они вообще субъектами гражданского права?¹¹⁵

Если бы существо субъективных гражданских прав мы усматривали в дозволенности субъективной воли их носителей, то исключение неволеспособных из числа субъектов гражданского права было бы неизбежно. Но существо субъективных гражданских прав не сводится к дозволенности, власти или господству воли управомоченного. Субъективное право обеспечивает управомоченному определенное поведение на стороне обязанных лиц, создавая возможность для удовлетворения известных интересов управомоченного. Это и составляет конечную цель осуществления права, воля же является только одним из условий достижения этой цели, которым управомоченный может пользоваться непосредственно как волеспособное лицо или косвенно как лицо неволеспособное, но получающее юридическое содействие со стороны других волеспособных лиц. Но это положение вызывает против себя другое возражение, выдвинутое в свое время противниками теории интереса и состоящее в том, что право и интерес не всегда совпадают, что, напротив, бывают случаи, когда правомочие и волеспособность совпадают в одном лице, тогда как дестинатором, пользователем является другое лицо. При этом обычно указывают на правовое положение опекуна, который, будучи волеспособным лицом и имея известные права в имуществе подопечного, должен осуществлять эти права в интересах последнего, а не в своих собственных интересах.

Не следует, однако, забывать, что права опекуна являются вместе с тем его обязанностями, которые он выполняет и перед органами опеки и перед самим подопечным. Опекуну предоставляется ровно столько прав, сколько необходимо для выполнения его обязанностей. Поскольку подопечный сам не может осуществить своих прав, их осуществление в качестве юридической обязанности возлагается на опекуна. Права опекуна являются средством осуществления его обязанностей, но исполнение обязанности должно привести к удовлетворению интересов другого лица, а не интересов самого обязанного. Именно поэтому права опекуна объективно представляют интерес для подопечного, а не для самого опекуна. Подопечный не является при этом лицом, юридически не имеющим никакого отношения к правам опекуна. Имущественные права принадлежат самому подопечному и только их осуществление поручается опекуну. Поэтому и интерес находится на стороне подопечного как управомоченного, а не на стороне опекуна, которому предоставляются лишь правомочия, необходимые для осуществления прав подопечного. Неимущественные права в равной степени являются правами и обязанностями как опекуна, так и подопечного, и то обстоятельство, что, объявляя, например, местожительство опекуна местожительством подопечного (ст. 11 ГК РСФСР), закон защищает прежде всего интересы подопечного, свидетельствует не о том, что дестинатором не является управомоченный, а о том, что здесь имеются два управомоченных, и в целях защиты интересов одного из них, подопечного, определенные обязанности и необходимые для их осуществления права возлагаются на другого опекуна.

¹¹⁵ Известно, что на этот вопрос отвечают отрицательно такие представители волевой теории, как Бирлинг (см. его «Juristische Prinzipienlehre», т. I, 1894, стр. 201 и сл.), Гельдер (см. его «Natürliche und juristische Personen», 1906, стр. 117 и сл.) и некоторые другие.

Осуществление права всегда, таким образом, приводит к удовлетворению интересов управомоченного, но при этом того управомоченного, в целях защиты интересов которого определенные обязанности возлагаются на другое лицо с предоставлением ему прав, необходимых для исполнения этих обязанностей. Выявление этого интереса требует, чтобы соответствующие права рассматривались в связи с обязанностями, возложенными на их носителей, а также в связи с правоотношением, в котором они находятся с пользователем, выступающим в этом правоотношении как носитель определенных прав и обязанностей.

Правоотношение есть способ конкретизации отношений общественного производства. В общественно-производственных отношениях выражаются прежде всего отношения между основными классами общества; в правовых отношениях выражаются отношения между конкретными лицами как представителями этих классов. Участники правовых отношений лишь в том случае выступают в них не как абстрактные индивиды, а как представители определенных классов, если анализ правоотношений приводит к выявлению индивидуальных интересов, удовлетворение которых они обеспечивают, и если эти индивидуальные интересы объясняются через классовый интерес, одним из конкретных способов выражения которого они являются. В социалистическом государстве, где нет антагонистических классов и антагонистических интересов, общественная природа правового отношения проявляет себя в том, что индивидуальный интерес его субъектов, удовлетворение которого правоотношением обеспечивается, является одним из конкретных способов выражения охраняемого нормами советского социалистического права общественного интереса.

«...Правовые отношения, как и формы государства, не могут быть поняты ни из самих себя, ни из так называемого всеобщего развития человеческого духа»¹¹⁶. Уяснение сущности правоотношения предполагает изучение обстоятельств и факторов, лежащих за его пределами. Если всякое научное исследование должно проникнуть в сущность явлений для того, чтобы эти явления были познаны в их закономерности, то, как правильно указывает проф. С. И. Аскназий, «и научное исследование гражданско-правовых явлений должно пройти два этапа. Первый этап исследования должен быть направлен на нахождение реальных общественных отношений (в социалистическом же обществе – и на выдвинутые государством в связи с ними задачи и цели), которые лежат в основе действующих в гражданском обороте правовых норм и сложившихся правоотношений. Следующим этапом исследования является «обратный путь» – от экономической структуры данной общественной системы (и выдвинутых государством задач и целей) к познанию всего многообразия правовых институтов и отношений. В результате этого правовые явления, которые ранее могли быть только описаны и систематизированы, оказываются объясненными и обоснованными в своей необходимости, т. е. научно познанными»¹¹⁷. Отправляясь от правоотношения через выраженный в нем индивидуальный интерес к интересу социальному и к материальным условиям общественной жизни, обуславливающим его формирование, мы возвращаемся к правоотношению не как к абстрактному явлению, а как к отношению, обладающему определенным социальным содержанием.

Интерес, охраняемый правом, составляет цель и предпосылку субъективной воли, которая формируется под влиянием интереса, укрепляется в процессе его осознания, выступает как осознанный интерес и является средством его удовлетворения. Если индивидуальный интерес предопределяется материальными условиями общественной жизни и выражает собою интерес класса или всего общества в социалистическом государстве, то индивидуальная воля в своем содержании определяется объективно-детерминированным, социально-предопределенным и индивидуально-выраженным интересом. Юридическую охрану

¹¹⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XII, ч. 1, стр. 515.

¹¹⁷ С. И. Аскназий, цит. соч., стр. 95.

получает при этом не всякий, а лишь такой индивидуальный интерес, который совпадает с интересами социалистического государства или не противоречит им. Соответствие интересов личности интересам всего советского народа определяется тем, что как индивидуальный, личный, так и коллективный, общегосударственный интерес вырастают из одного и того же источника – из экономического базиса социалистического общества, из материальных условий его жизни, «из факта ликвидации капиталистического строя, из факта победы социалистического строя в СССР»¹¹⁸, из того, «что в обществе нет уже больше антагонистических классов, что общество состоит из двух дружественных друг другу классов, из рабочих и крестьян»¹¹⁹, что «советское общество, освобожденное от эксплуатации»¹²⁰, «свободно от классовых столкновений и представляет картину дружественного сотрудничества рабочих, крестьян, интеллигенции»¹²¹, что «на основе этой общности и развернулись такие движущие силы, как морально-политическое единство советского общества, дружба народов СССР, советский патриотизм»¹²².

Охраняя интересы советских граждан, государственных предприятий и учреждений, кооперативно-колхозных организаций, советское право охраняет тем самым интересы социалистического общества, интересы всего советского народа. Свое конкретное выражение эти интересы получают в правовом отношении. Поэтому, определяя содержание гражданского правоотношения через совокупность правомочий и обязанностей его субъектов, мы должны постоянно иметь в виду и тот интерес, который ими охраняется и к удовлетворению которого приводит их осуществление.

¹¹⁸ *И. В. Сталин*, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 515.

¹¹⁹ Там же, стр. 516.

¹²⁰ Там же, стр. 589.

¹²¹ Там же.

¹²² Там же.

Глава IV

Объект. Гражданско-правовое значение вещей и их свойств

Обращаясь к анализу объекта прав как одного из элементов гражданского правоотношения, следует иметь в виду, что этот анализ не исчерпывается разрешением вопроса об определении общего понятия правового объекта, а предполагает разрешение ряда других вопросов, являющихся зачастую гораздо более сложными и потому вызывающих серьезные теоретические разногласия в советской юридической науке. Определение общего понятия правового объекта составляет лишь первый шаг на пути к разрешению проблемы в целом. Вслед за этим должен быть установлен круг явлений внешнего мира, которые охватываются общим понятием объекта права, а также разрешен вопрос о том, является ли объект необходимым элементом правоотношения и могут ли существовать безобъективные права и безобъектные правоотношения. Далее, если объектом могут обладать и правомочие и обязанность, и правоотношение в целом, то, естественно, возникает вопрос о том, существует ли различие между объектом правоотношения и объектами правомочий и обязанностей как его отдельных элементов. Наконец, поскольку понятие «объект» употребляется и в субъективно-правовом (объект субъективного гражданского правомочия) и в объективно-правовом (объект гражданско-правовых норм) смысле, наряду с достаточно четким разграничением понятий обоего рода, должна быть также выявлена существующая между ними взаимосвязь и взаимная зависимость.

Значение этих вопросов тем более велико, что, получая зачастую противоположное разрешение у различных авторов, они обуславливают в свою очередь и различный подход к некоторым специальным проблемам науки советского гражданского права.

1

Обычно объект права рассматривается прежде всего как один из элементов гражданского правоотношения и исследуется, главным образом, в этом своем качестве. Издавна привлекая к себе внимание цивилистической теории, понятие объекта явилось одним из поводов для создания такого разнообразия теоретических концепций, что в буржуазной юридической литературе едва ли можно найти двух авторов, отстаивающих тождественные взгляды. Но если отвлечься от некоторых частных, характеризующих различные точки зрения отдельных юристов, то можно было бы указать на ряд основных направлений, наметившихся в буржуазной юриспруденции в связи с разработкой проблемы объекта прав.

Наиболее широкое распространение получила теория *множественности* правовых объектов, сторонники которой полагают, что в качестве объектов прав могут выступать самые разнообразные явления не только внешнего, но и внутреннего мира человека, причем одним из таких объектов является прежде всего сам человек¹²³. Как объект права человеческая личность фигурирует в этих теориях, наряду с вещами, промышленными предприятиями, продуктами духовного творчества и т. д.¹²⁴, а иногда, систематизируя различные внешние и внутренние явления, подпадающие, по их мнению, под понятие правового объекта, некоторые авторы используют человеческую личность в качестве своеобразного классификационного критерия для подразделения различных видов объектов на явления, противоре-

¹²³ См., например, *E. Bekker*, System des heutigen Pandektenrechts, 1866, стр. 62.

¹²⁴ См. *L. Enneccerus, Kipp, Wolf*, Lehrbuch des bürgerlichen Rechts, т. I, ч. 1, 1925, стр. 167, 168.

ящие человеку и совпадающие с понятием человеческой личности¹²⁵. При этом характерно, что какое бы общее определение понятия объекта ни выдвигал тот или иной автор, придерживающийся теории множественности правовых объектов, все равно, рассматривается ли объект права как предмет правового господства¹²⁶, как сила¹²⁷ или как благо, которым управомоченный овладевает при помощи предоставленного ему права¹²⁸, – человеческая личность обычно подводится под это определение так же, как под него подводятся вещи, продукты духовного творчества, а иногда права и другие явления внешнего и даже внутреннего мира человека.

Эти феодально-крепостнические тенденции буржуазной юридической науки, обнаружившие себя с наибольшей силой в немецкой доктрине пандектного права¹²⁹, доводятся до крайних пределов некоторыми авторами, утверждающими, что поскольку всякое право предполагает подчинение чужой личности власти управомоченного, постольку человек должен рассматриваться не как один из объектов, а как единственный объект всякого права¹³⁰. Однако такая крайняя точка зрения, идущая вразрез с формальными установками буржуазного права на всеобщее равенство и общую правосубъектность граждан, не могла, естественно, получить официального признания и более или менее широкого распространения, тем более что ее сторонники придавали ей лишь теоретическое значение¹³¹, относя практически к числу правовых объектов, наряду с человеческой личностью, другие явления внешнего мира.

В противовес теорий множественности и одновременно с нею в буржуазной юриспруденции была выдвинута теория единого правового объекта, сторонники которой исходят из того, что в качестве объекта прав может выступать не все многообразие подчиненных человеку внешних явлений, а лишь их определенная и единая группа, на которую распространяется действие предоставленных личности субъективных прав. При этом одни авторы (главным образом те, которые допускают возможность установления правовых отношений не только между людьми, но также между человеком и вещью) утверждают, что таким единым и единственным объектом прав являются вещи¹³², тогда как другие авторы (главным образом те, которые допускают возможность установления правовых отношений только между людьми) считают, что единым и единственным объектом прав являются человеческие действия¹³³.

Наряду с этими диаметрально противоположными взглядами было предложено и своеобразное компромиссное решение вопроса, выраженное в признании значения правового объекта и за вещами и за человеческими действиями одновременно¹³⁴.

Наконец, некоторые авторы, подразделяя объекты прав на объекты первого и второго рода, считают, что поскольку права направляются прежде всего на человеческие действия,

¹²⁵ См. *J. Baron*, *Pandekten*, 1887, стр. 32.

¹²⁶ См. *F. Regelsberger*, цит. соч., стр. 358.

¹²⁷ См. *O. Puchta*, *Cursus der Institutionen*, 1881, стр. 32.

¹²⁸ См. *K. Kosak*, *Lehrbuch des deutschen bürgerlichen Rechts*, т. I, 1909, стр. 114.

¹²⁹ В связи с этим небезынтересно отметить, что русский юрист Н. Коркунов, который так же, как и Пухта, определяет объект права как силу, противостоящую и подчиняемую управомоченному, специально указывает, что силы человека лишь в известных пределах могут служить объектами прав, поскольку в ином случае в объект превратился бы человек в целом. (Н. Коркунов, *Лекции по общей теории права*, 1907, стр. 154).

¹³⁰ См. *O. Gierke*, *Deutsches Privatrecht*, т. I, 1895, стр. 269.

¹³¹ См. там же.

¹³² См., например, *O. Wendt*, *Lehrbuch der Pandekten*, 1888, стр. 15.

¹³³ См., например, *E. Roguin*, *La regie de droit*, 1889, стр. 49 и сл.; *А. Гольмстен*, *Учебник русского гражданского судопроизводства*, 1889, стр. 105; *I. Kierulf*, *Theorie des gemeinen Clvilrechts*, 1839, стр. 308.

¹³⁴ См. *R. Leonhard*, *Der allgemeine Teil des BgB*. 1900, стр. 147, а также *Д. Гримм*, *Лекции по догме римского права*, П. 1916, стр. 57.

они и должны рассматриваться как объекты первого рода, в одинаковой мере присущие всякому правовому отношению, тогда как вещи, на которые в свою очередь, направляются эти действия, служат объектами второго рода и не являются обязательными элементами всякого правоотношения¹³⁵.

Для нас не представляют интереса чисто догматические разногласия между представителями этих различных направлений буржуазной юриспруденции, наметившихся при разрешении вопроса об объекте прав. Но, независимо от их формального несовпадения, они обладают и известными социальными различиями, отражающими на себе некоторые общие тенденции, характерные для классовой буржуазной юридической науки в целом. Мы уже говорили о том, что теория объектной множественности причисляет к числу правовых объектов человеческую личность и тем самым продолжает в известном направлении линию феодально-крепостнической юриспруденции. Своеобразной реакцией на этот взгляд явилась теория действия, решительно противящаяся превращению человека в объект права, с одной стороны, а с другой стороны, отрицающая возможность существования правовых отношений между человеком и вещами и поэтому противопоставляющая себя вещно-правовой теории объекта. Но и теория действия, рассматривающая человека как абстрактную личность, вне и независимо от окружающей ее социальной среды и общественно-исторической обстановки, не могла и не пыталась вскрыть классовой сущности общественных отношений, регулируемых нормами буржуазного права, а фетишизация этих отношений, настойчиво проводимая сторонниками вещно-правовой теории, еще более удаляет правовые отношения от их социального и классового основания, изображая способы юридического закрепления классовой эксплуатации в буржуазном обществе в виде способов юридического закрепления господства человека над вещами, независимо от общественной формы, в которой это господство осуществляется.

2

В советской цивилистической литературе вопрос об объекте прав обычно ставится в связи с разработкой проблем общей части гражданского права или в связи с такими проблемами особенной части, исследование которых предполагает предварительное разрешение некоторых более общих вопросов.

Так, в цитированной ранее работе проф. Агаркова постановка вопроса о правовом объекте непосредственно связана с исследованием обязательственных отношений по советскому гражданскому праву, причем, как мы уже отмечали, проф. Агарков считает, что содержанием правоотношения является поведение обязанных лиц, а объектом – вещь или во всяком случае «прежде всего вещь»¹³⁶, на которую направлено это поведение.

Но если объектом права является не просто вещь, а лишь «прежде всего вещь», то, по-видимому, наряду с вещами автор допускает существование и других, невещных правовых объектов. В самом деле, что составляет объект правоотношения, на одного из участников которого возлагается обязанность по производству таких работ, как, например, сольное выступление в артистическом концерте?¹³⁷ Здесь нет внешнего предмета, на который направлено поведение обязанного лица, здесь нет, следовательно, объекта права в том смысле, в каком он определяется проф. Агарковым, а это означает, что в данном случае мы имеем

¹³⁵ См. *E. Bierling*, цит. соч., стр. 239–273. Того же взгляда придерживается и Ф. Тарановский, *Учебник энциклопедии права*, 1917, стр. 155.

¹³⁶ *М. Агарков*, цит. соч., стр. 22.

¹³⁷ Пример Д. М. Генкина. См. «Гражданское право» (учебник для юридических вузов под ред. М. Агаркова и Д. Генкина, 1944, т. I, стр. 71).

дело с безобъектным правоотношением, с безобъектными правомочиями и обязанностями субъектов этого правоотношения.

Должно быть, именно потому, что при такой трактовке понятия правового объекта с неизбежностью следует вывод о возможности существования безобъектных прав и безобъектных правоотношений, авторы учебника по гражданскому праву для юридических вузов, полностью воспроизводящие формулу проф. Агаркова, отрицают за объектом значение элемента гражданского правоотношения, считая, что он является не чем иным, как лишь одной из возможных предпосылок правоотношения¹³⁸, ибо если исходить из того, что объект является не предпосылкой, а необходимым элементом всякого правоотношения, и в то же время считать объектом права внешний предмет, на который направлено поведение обязанного лица, то это привело бы либо к отрицанию целого ряда правовых отношений, лишенных одного из своих необходимых элементов, либо к опровержению теории объекта, разделяемой авторами учебника. Но из того, что объект является не элементом, а лишь предпосылкой правоотношения, по-видимому, следует, что авторы учебника допускают возможность установления правоотношения и при отсутствии этой предпосылки, т. е. считаются с вероятностью существования безобъектных правоотношений. Такое предположение тем более основательно, что только при этом условии, наряду с признанием вещного характера за всяким объектом прав, не устраняется возможность установления правовых отношений, ни в какой мере не связанных с вещами.

Однако предположение о безобъектности некоторых правоотношений приводит в свою очередь к выводу о безобъектности правомочий и обязанностей субъектов этих правоотношений. Само собою разумеется, что права, не имеющие своего объекта права, которые ни на что не направлены, лишены всякого смысла для носителя этих прав и не являются поэтому правами в действительном значении этого слова. Таким образом, как по теоретическим, так и по практическим соображениям едва ли можно признать правильным тот взгляд на понятие и сущность объекта прав, который был высказан проф. Агарковым и воспроизведен в учебнике по гражданскому праву для юридических вузов.

Казалось бы, для того, чтобы охватить общим определением понятия объекта любые явления внешнего мира, в связи с которыми устанавливаются правовые отношения, наиболее правильным было бы подразделить всю совокупность объектов прав на две категории: вещи и действия. Так, в частности, и поступают проф. Голунский и проф. Строгович, когда они подразделяют объекты прав на вещи и иные ценности, действия и воздержание от действий¹³⁹. При такой классификации объектов, естественно, утрачивает свое значение предложенное проф. Агарковым общее определение понятия объекта, поскольку сами действия не могут выступать в качестве внешнего предмета, на который направляются действия обязанного лица. Но и определение этого понятия, разработанное проф. Голунским и проф. Строговичем, также вызывает против себя серьезные возражения. «Объектом права, – говорится в этом определении, – называется то, по поводу чего субъекты права вступают в правоотношение и что составляет содержание их взаимных прав и обязанностей»¹⁴⁰. Таким образом, объект права и его содержание – это одно и то же, а поскольку, наряду с действиями, к категории объектов причисляются также и вещи, то, следовательно, вещи также могут служить содержанием прав, с чем, конечно, никак нельзя согласиться.

Остается поэтому либо отказаться от отождествления содержания права с его объектом, либо исключить вещи из числа объектов прав, признав значение объекта только за действиями и воздержанием от действий.

¹³⁸ См. там же, стр. 71–72.

¹³⁹ См. А. Голунский и М. Строгович, цит. соч., стр. 277.

¹⁴⁰ Там же.

Последнюю точку зрения отстаивает проф. Я. М. Магазинер, который, усматривая сущность всякого правоотношения в том, что в этом отношении «одно лицо имеет право на действия другого», считает, что «объектом всякого права является чужое действие»¹⁴¹. «Если я имею право, – пишет проф. Магазинер, – то оно заключается в том, что я могу потребовать действие другого лица, то есть, что оно обязано к тому, на что я управомочен. Объектом права является то самое, что является объектом обязанности»¹⁴². Что же касается вещей и их свойств, то они составляют не правовой, а экономический объект, и если закон говорит о последствиях, связанных со свойствами вещей, то «это только юридический образ, который скрывает в себе те действия людей, которые для них обязательны, в силу целевого назначения вещей»¹⁴³. Свойства вещей поэтому могут рассматриваться как правообразующие, юридические факты, но отнюдь не как обстоятельства, в силу которых вещь превращается в объект права.

Таким образом, в нашей юридической литературе существуют три различных решения вопроса о сущности правового объекта и о численности тех явлений внешнего мира, которые могут выступать в качестве объектов прав. Согласно господствующему взгляду, разделяемому большинством советских юристов, к числу объектов относятся действия, личные нематериальные блага, вещи и другие ценности. Менее значительное, но все же достаточно широкое распространение получила вещно-правовая теория объекта, отрицающая значение объекта за действиями и признающая это значение только за вещами или, во всяком случае, прежде всего за вещами. Наконец, отстаиваемая лишь некоторыми авторами теория действия исключает вещи из числа правовых объектов и признает значение объекта только за теми действиями обязанных лиц, на которые может притязать управомоченный.

Для того чтобы разработать общее определение понятия объекта, необходимо предварительно установить, в каком смысле это понятие может и должно употребляться в юридической науке.

Обычно говорят, что «объект права – это все то, по поводу чего субъекты прав вступают в правоотношение»¹⁴⁴, или то, по поводу чего правоотношение устанавливается. Но поскольку правоотношение может устанавливаться по поводу вещей, действий обязанных лиц, а также по поводу охраняемых законом личных нематериальных благ, то, по-видимому, все они и должны быть отнесены к числу явлений, которые в различных правоотношениях могут выполнять функцию их объекта.

Мы полагаем, что в этой теории объектов прав ошибочным прежде всего является общее определение понятия объекта.

Если это понятие имеет для правовой науки лишь условно-техническое значение, то тогда, разумеется, оно может употребляться в любом смысле, который ему будет придан с общего согласия, но тогда и проблема объекта прав как вопрос, требующий научного разрешения, устраняется сама собою. Если же, напротив, объект – это философская категория, которая в праве находит свое специфическое применение, то тогда и определение этого понятия должно строиться сообразно с тем, как общее понятие объекта определяется в философской науке.

Не только в философии, но и в любой другой науке, рассматривающей вопрос об объекте определенного явления, под объектом понимают не то, по поводу чего это явление существует, а то, на что данное явление оказывает или может оказать воздействие. Так, говоря об объекте труда как об одном из элементов производительных сил, Маркс определяет его

¹⁴¹ Я. М. Магазинер, Советское хозяйственное право, Л. 1928, стр. 174.

¹⁴² Там же.

¹⁴³ Там же.

¹⁴⁴ А. Денисов, Советское государственное право, М., 1939, стр.98.

как «предмет, на который действует труд»¹⁴⁵, понимая, таким образом, под объектом труда не то, по поводу чего люди вступают в трудовой процесс, а то, на что они в процессе труда оказывают воздействие. Это соответствует общефилософскому пониманию объекта, который в философии диалектического материализма определяется как внешний противостоящий субъекту предмет, на который направляется сознание и деятельность субъекта.

Теоретическое и практическое значение такого понимания объекта едва ли можно переоценить. Если представление об объекте как внешнем поводе существования того или иного явления решительно ничего не дает для обнаружения реальных предметов внешнего мира, подпадающих под общее понятие объекта, то последние, напротив, могут быть довольно легко обнаружены, если объект явления понимается как предмет внешнего воздействия этого явления, ибо достаточно установить, какое именно воздействие это явление объективно может оказать и действительно оказывает, как тем самым определится и круг предметов, способных к реагированию на такое воздействие, т. е. определятся объекты данного явления.

Определяя объект права как то, на что направлено поведение обязанного лица, проф. Агарков образует понятие объекта в полном соответствии с тем, как оно определяется в философской науке, поскольку под объектом явления он понимает предмет его воздействия, а под объектом права — то, на что воздействуют обязанные лица. Это определение было бы правильным и с юридической точки зрения, если бы поведение обязанных лиц действительно являлось содержанием правоотношения. Но непосредственное содержание гражданского правоотношения не сводится к поведению обязанных лиц, а его образуют правомочия и обязанности, предоставленные участникам правоотношения, и поэтому вопрос об объекте правоотношения не имеет ничего общего с вопросом об объекте, на который направляется поведение обязанных лиц, а должен ставиться как вопрос об объекте правомочий и обязанностей, составляющих содержание правоотношения.

Если объект явления есть внешний предмет, на который это явление, в силу присущего ему характера и содержания, способно оказывать воздействие, то объектом гражданского правоотношения является то, на что направлены (или, точнее, то, на что воздействуют) гражданское субъективное право и гражданско-правовая обязанность как элементы гражданского правоотношения, образующие его непосредственное содержание.

Таково общее определение понятия правового объекта, построенное в соответствии с общефилософским определением этого понятия, а также сообразно с тем, как ранее было определено содержание гражданского правоотношения. В соответствии с этим определением должен быть решен вопрос о том, какие явления внешнего мира могут выступать в качестве объектов прав и возможно ли сохранение деления правовых объектов на вещи, действия и охраняемые законом личные нематериальные блага?

Существо субъективного гражданского права и гражданско-правовой обязанности состоит в том, что, обеспечивая определенное поведение граждан, они выступают в качестве одного из средств удовлетворения законом охраняемых интересов. Субъективное гражданское право и гражданско-правовая обязанность направлены, таким образом, на обеспечение определенного поведения, и из числа всех явлений внешнего мира только человеческое поведение способно к реагированию на воздействие, оказываемое субъективным правом и правовой обязанностью. Ни вещи, ни так называемые личные нематериальные блага не способны к такому реагированию, следовательно, ни вещи, ни личные нематериальные блага не являются объектами прав. Поскольку одна лишь деятельность человека, человеческое поведение, выраженное в действиях или в воздержании от действий, способно к реагированию на правовое воздействие, постольку существует единый и единственный объект пра-

¹⁴⁵ К. Маркс, Капитал, т. I, 1931, стр. 120.

вомочия и обязанности, а стало быть, и объект правоотношения – человеческое поведение, деятельность или действия людей.

При этом субъективное гражданское право обеспечивает управомоченному не его собственное поведение, а поведение других, обязанных лиц. Следовательно, действия обязанного лица и являются объектом субъективного гражданского права. Но так как поведение обязанных лиц обеспечивается не только при помощи субъективных прав, предоставленных управомоченному, но и при помощи правовых обязанностей, возложенных на их носителя, то объектом прав и объектом обязанностей являются одни и те же действия – действия обязанных лиц. Конечно, действия как объекты прав отнюдь не являются самоцелью с точки зрения государства, которым эти права признаются.

Если иметь в виду те правовые действия советских граждан, которые совершаются ими в сфере социалистического производства, то они приобретают значение прежде всего как факторы, «приводящие в движение орудия производства и осуществляющие производство материальных благ»¹⁴⁶ для нужд социалистического общества и его отдельных членов. Действия, совершаемые субъектами гражданских и иных прав в сфере обращения и в других областях общественной жизни нашей страны, направляются на распределение общественных благ, на их взаимный обмен, на удовлетворение материальных и культурных потребностей граждан и т. д. Действия, таким образом, в свою очередь направляются на те объекты внешнего мира, при помощи которых могут быть удовлетворены назревшие потребности советских граждан и социалистического общества в целом. Задача социалистического права в том именно и состоит, чтобы, имея поведение людей в качестве своего объекта, направить это поведение на те объекты материального мира, воздействие на которые необходимо в целях движения социалистического производственного процесса, в целях дальнейшего укрепления и развития социалистического общества. Эту задачу советское гражданское право способно выполнить потому, что объектом охраняемых им гражданских правомочий и гражданско-правовых обязанностей является поведение, общественная деятельность людей.

То обстоятельство, что правомочие и обязанность имеют один и тот же объект – поведение обязанных лиц, предопределяет собою также решение вопроса об объекте гражданского правоотношения. Правомочие и обязанность составляют содержание гражданского правоотношения, и поэтому гражданское правоотношение не может иметь объекта, отличного от объекта правомочия и обязанности его участников. Правовое отношение как отношение общественное, как отношение между людьми не может иметь в качестве своего объекта ничего иного, кроме поведения своих участников, которое в свою очередь направляется на вещи или иные объекты и цели, достижение которых находится в общем плане с разрешением задач и достижением целей, поставленных и выдвинутых социалистическим государством. Являясь средством закрепления и развития социалистических общественных отношений, отношения правовые целеустремляют деятельность людей на разрешение тех общих задач, которые получают в них свое конкретное выражение. Они выполняют при этом ту же самую функцию, которую выполняют правомочия и обязанности их субъектов, составляющие содержание всякого правоотношения. Субъективное гражданское право и гражданско-правовая обязанность как содержание гражданского правоотношения имеют вместе с последним единый объект, и то, что служит объектом гражданских правомочий и обязанностей (поведение обязанных лиц), есть в то же время объект гражданского правоотношения, содержанием которого эти правомочия и обязанности являются.

Но если поведение обязанных лиц является объектом не только гражданских правомочий и обязанностей, но и объектом самого гражданского правоотношения, и если в то же

¹⁴⁶ И. В. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 550.

время основное назначение гражданского правоотношения, точно так же, как и главная функция субъективных гражданских, прав и гражданско-правовых обязанностей, состоит прежде всего в обеспечении определенного поведения обязанных лиц, то гражданское правоотношение или гражданские права и обязанности, не связанные со своим объектом, не направленные на обеспечение этого поведения, не могли бы выполнить своего основного назначения и утратили бы всякий практический смысл и какое бы то ни было юридическое значение. Именно поэтому не может существовать ни безобъектных правоотношений, ни безобъектных правомочий и обязанностей, ибо не может существовать правоотношений, не закрепляющих поведение их участников и не направляющих это поведение для достижения целей и удовлетворения интересов, охраняемых законом, нормами которого эти отношения регулируются. Всякое правоотношение всегда связано с определенным объектом, на который направляются заключенные в нем правомочие и обязанность, и потому объект права должен быть признан не предпосылкой, а необходимым элементом всякого правоотношения.

Объект гражданского правоотношения, являющийся в то же время объектом субъективных гражданских прав и гражданско-правовых обязанностей (объект в субъективно-правовом смысле), самым тесным образом связан с общим объектом регулирования советского гражданского права (объект в объективно-правовом смысле). Советское гражданское право как отрасль единого советского социалистического права призвано не только к регулированию определенной отрасли социалистических общественных отношений, но также к закреплению и дальнейшему развитию этих отношений, которые осуществляются советским государством при помощи различных способов и средств, в том числе и при помощи норм советского социалистического гражданского права, обеспечивающих такое поведение советских граждан, которое при данных исторических условиях является необходимым для разрешения задач, поставленных и выдвинутых социалистическим государством. Но соответствующее поведение советских граждан – участников конкретных гражданских правоотношений обеспечивается нормами советского гражданского права при помощи самого гражданского правоотношения, а также при помощи гражданских правомочий и обязанностей, в качестве носителей которых его субъекты выступают. Благодаря тому, что гражданские правоотношения, устанавливаемые в соответствии с советским гражданским законом, обеспечивают определенное поведение своих обязанных участников (объект в субъективно-правовом смысле), советское социалистическое гражданское право оказывается способным к регулированию, закреплению и дальнейшему развитию определенной отрасли социалистических общественных отношений (объект в объективно-правовом смысле). Если объектом советского социалистического гражданского права является совокупность определенных общественных отношений, то их правовое регулирование и закрепление, а также их дальнейшее развитие осуществляются при помощи гражданских правоотношений и заключенных в них гражданских правомочий и обязанностей, которые, возникая в соответствии с нормами советского гражданского права, имеют в качестве своего объекта поведение конкретных обязанных лиц и призваны к тому, чтобы служить средством обеспечения этого поведения.

К какому бы отношению гражданского права мы ни обратились, – все равно, идет ли речь об отношениях, опосредствующих движение социалистического производственного цикла, или об отношениях, закрепляющих иные связи между отдельными членами социалистического общества, – его непосредственным объектом всегда является поведение его участников. Воздействуя на свой непосредственный объект, гражданское правоотношение тем самым оказывает воздействие на те социалистические общественные отношения, которые составляют предмет регулирования советского гражданского права. Если на каждого гражданина СССР возлагается обязанность «беречь и укреплять обществен-

ную, социалистическую собственность, как священную и неприкосновенную основу советского строя» (ст. 131 Сталинской Конституции), то это означает, что тем самым нормами советского права обеспечивается такое поведение советских граждан, которое необходимо для дальнейшего укрепления и развития самих отношений социалистической собственности, являющихся источником богатства и могущества родины, источником зажиточной и культурной жизни всех трудящихся. Если в силу обязательно-правовых отношений определенные действия должны быть совершены их обязанными участниками, то это означает, что тем самым обеспечивается удовлетворение потребностей, связанных с выполнением народнохозяйственного плана, с распределением общественного дохода, с удовлетворением материальных и культурных нужд советских граждан. Социалистические общественные отношения, составляющие предмет гражданско-правового регулирования, потому и испытывают на себе активное обратное воздействие со стороны норм советского гражданского права, что последними прежде всего обеспечивается определенное поведение граждан, составляющее объект гражданских правоотношений, объект субъективных гражданских прав и гражданско-правовых обязанностей.

Таковы выводы, которые логически следуют из общего определения понятия объекта права как внешнего предмета правового воздействия, а также из признания за субъективными гражданскими правами и гражданско-правовыми обязанностями как юридическими средствами обеспечения поведения участников правоотношения значения содержания гражданского правоотношения. Какие возражения могут быть представлены против этих выводов?

Основное возражение социально-политического характера может состоять в том, что признание значения объекта только за поведением и исключение из числа объектов вещей и других явлений внешнего мира неизбежно должно привести к превращению в объект права самого человека.

Такое возражение не имеет, однако, под собою достаточных теоретических оснований, ибо человеческое поведение и человеческая личность – это не одно и то же, следовательно, сведение объекта права к поведению не означает одновременно превращения в объект самого человека. Кроме того, гражданское правоотношение имеет в качестве своего объекта не поведение человека в целом, во всех его возможных формах и проявлениях, а только такое поведение, которое должно выразиться в совершении определенного единичного действия или их определенной совокупности, очерченной известными границами. Поэтому объектом каждого конкретного гражданского правоотношения не является не только человек, но и даже его поведение, взятое в целом. Наконец, если бы признание за действиями значения объекта прав неизбежно приводило бы к выводу о том, что благодаря этому в объект превращается сам человек, то действия ни в одном случае нельзя было бы считать правовым объектом, а между тем в общепринятой в советской юридической литературе классификации правовых объектов одним из видов последних всегда признаются человеческие действия.

Основное возражение методологического характера может состоять в том, что признание значения объекта только за действиями и отрицание этого значения за вещами отрывает гражданское правоотношение от его материального субстрата и приводит поэтому к превращению правоотношения в нечто абсолютно идеальное.

Однако и это возражение не имеет под собою достаточных теоретических оснований, ибо философия диалектического материализма не сводит материальный мир к одним только вещам или к тому, из чего образуются вещи. Такое узко-физическое понимание материи, в отрыве от ее философского понимания, неизбежно приводит, как показал Ленин на примере кризиса современного естествознания, к метафизическим и идеалистическим

выводам¹⁴⁷. «...Единственное «свойство» материи, с признанием которого связан философский материализм, есть свойство быть объективной реальностью...»¹⁴⁸. «...Материя есть объективная реальность, данная нам в ощущении...»¹⁴⁹. Но человеческие действия также обладают свойством «быть объективной реальностью», данной нам в ощущении, следовательно, они также являются известной частицей материального мира, с которой связаны права и правовые отношения. Кроме того, не все правовые отношения непосредственно связаны с вещами, между тем и эти отношения, не являясь, как и всякие правоотношения, вообще отношениями материальными, возникают на определенной материальной основе и всегда направляются на известные материальные объекты. Наконец, исключение вещей из числа объектов гражданского правоотношения отнюдь не означает, что они вообще лишены какого бы то ни было значения для гражданского права, а, напротив, имеет своей целью выявление действительной роли, которую они играют в сфере гражданского права.

Основное возражение специально-юридического характера может состоять в том, что поскольку гражданское право регулирует главным образом имущественные отношения, было бы неправильно отрицать за вещами значение объектов гражданских правоотношений. Но гражданское право регулирует имущественные отношения не благодаря тому, что оно оказывает воздействие непосредственно, а в силу того, что воздействуя на поведение людей, оно целеустремляет их деятельность, направленную на вещи. Имущественные отношения, разумеется, так или иначе связаны с вещами, но в качестве объекта правового воздействия выступают не вещи, а действия людей. Вещи подвержены только физическому, а не правовому воздействию. Осуществление этого воздействия может быть обеспечено правом, но само по себе право непосредственно на вещи не направляется.

Для подтверждения этого достаточно провести сравнительный анализ гражданско-правовых норм, по тексту которых можно было бы предположить, что в одних случаях в качестве объектов прав выступают действия обязанных лиц, а в других – вещи, по поводу которых устанавливается правовое отношение. Так, из текста ст. 251 ГК РСФСР непосредственно следует, что объектом прав доверителя являются действия, которые поверенный обязан совершить по его поручению. Напротив, из текста ст. 180 ГК РСФСР как будто бы следует, что объектами правовых контрагентов являются вещи: имущество – объектом прав покупателя, деньги – объектом прав продавца. Предположим, однако, что заключение договора купли-продажи, о котором идет речь в ст. 180 ГК, и составляет то действие, которое по поручению доверителя обязан совершить поверенный, в соответствии со ст. 251 ГК. Согласно п. 3 ст. 253 ГК РСФСР, поверенный обязан своевременно передать доверителю все полученное им в силу осуществления возложенного на него поручения. Поэтому, если поверенный получит от третьего лица купленную им от имени и по поручению доверителя вещь, он обязан передать ее доверителю. Таким образом, правоотношение, возникшее из договора поручения, также может быть связано с вещью и именно с той же самой вещью, с которой было связано правоотношение, возникшее из договора купли-продажи: поверенный обязан передать доверителю ту же самую вещь, которую продавец обязан был передать поверенному на имя доверителя. Оба правоотношения являются имущественными отношениями, и, тем не менее, по тексту закона, объектом договора поручения являются действия, а объектом договора купли-продажи – вещь или определенная совокупность вещей, тогда как если бы все сводилось к тому, что имущественные отношения не могут иметь в качестве объекта ничего иного, кроме вещей, то объектом договора поручения в данном случае также должны были бы служить вещи, а не действия обязанного лица. Поскольку же объектом договора

¹⁴⁷ См. В. И. Ленин, Соч., т. XIII, стр. 207–210.

¹⁴⁸ Там же, стр. 213.

¹⁴⁹ Там же, стр. 119.

поручения, если даже он связан с вещью, всегда являются действия, то тем самым утрачивает свою силу утверждение, согласно которому гражданские правоотношения как отношения имущественные всегда должны иметь вещи в качестве своего объекта.

Различие между объектами договора купли-продажи и договора поручения состоит не в том, что в одном случае объектом является вещь, а во втором действие. Различие между ними состоит в том, что объектом договора купли-продажи являются действия обязанного лица, отличные от действий, на которые направлен договор поручения. Поверенный передает доверителю вещь, которая ему уже принадлежит на праве собственности; продавец не только передает вещь покупателю, но и переносит право собственности на покупателя. Поскольку продавец переносит право собственности на покупателя, его действия приводят к изменению состава имущества покупателя; напротив, поскольку поверенный передает доверителю его собственную вещь, его действия не оказывают никакого влияния на состав имущества доверителя. В обоих случаях имеет место гражданско-правовое регулирование имущественных отношений, но в качестве объектов правового воздействия выступают не вещи, а действия обязанных лиц.

Иногда говорят, что исключение вещей из числа правовых объектов может привести к серьезным практическим затруднениям, поскольку разграничение некоторых правовых отношений зачастую удастся провести только в соответствии с различными свойствами вещей, по поводу которых эти правоотношения устанавливаются. Так, купля-продажа с отлагательным сроком исполнения отличается от поставки тем, что продаются индивидуально определенные вещи, а поставляются вещи, определенные родовыми признаками. Объектом договора имущественного найма могут быть индивидуально определенные непотребляемые вещи, тогда как объектом договора займа могут быть только заменимые потребляемые вещи. Обязательство с долевой ответственностью может быть установлено только по поводу делимых вещей, тогда как обязательство с неделимым объектом всегда предполагает солидарную ответственность и т. д.

Все эти факты, безусловно, свидетельствуют о большом значении вещей для отношений гражданского права, но являются ли вещи во всех этих случаях объектами прав? Если бы во всех этих случаях в качестве объектов прав выступали вещи, то юридически можно было бы установить долевую ответственность тогда, когда предмет обязательства неделим, или допустить заключение договора имущественного найма тогда, когда контрагенту передаются заменимые потребляемые вещи. А между тем, право не может определить юридическое положение вещей сообразно с произвольным урегулированием поведения участников правоотношений. Напротив, право по-разному регулирует поведение участников правоотношений, в зависимости от характера и свойств вещей, по поводу которых эти отношения устанавливаются. Объектом правового воздействия является поведение участников правоотношений, а вещи лишь предопределяют известную форму поведения, которая при прочих условиях объективно может и должна получить законодательное закрепление. Можно поэтому говорить о гражданско-правовом значении вещей и их свойств, но не следует приписывать вещам не свойственную им функцию объектов права.

Наконец, могут сказать, что в целом ряде правоотношений непосредственный интерес для управомоченного представляют не действия обязанного лица, а вещь, которую управомоченный получает в результате совершения этих действий, поэтому по крайней мере в таких случаях вещи, а не действия должны рассматриваться как объекты правовых отношений.

Само собою разумеется, что если бы право было непосредственно направлено на интересы, к удовлетворению которых оно приводит в результате его осуществления, то тогда, в зависимости от того, что является ближайшим средством удовлетворения этих интересов, в одних случаях в качестве объектов выступали бы вещи, а в других – действия. Но право

лишь в конечном счете приводит к удовлетворению охраняемых им интересов, а непосредственно оно направляется только на обеспечение определенного поведения обязанных лиц. Если это поведение само по себе достаточно для того, чтобы интересы управомоченного были удовлетворены, то этим исчерпывается функция правового отношения. Если же управомоченный для удовлетворения своих интересов нуждается в определенной вещи, то право может обеспечить условия для ее создания или для ее передачи в пользование или в распоряжение управомоченного, но само по себе оно не может ни создать этой вещи, ни передать ее управомоченному. Следовательно, право в обоих случаях направлено только на обеспечение определенного поведения обязанных лиц, которое либо непосредственно, либо косвенным образом приводит к удовлетворению интересов управомоченного. Поэтому с юридической точки зрения во всяком правоотношении на первый план выступают не вещи, а действия. Поскольку же объектом права признается не то, что удовлетворяется в результате его осуществления, а то, на что право направляется или на что оно оказывает воздействие, то, независимо от роли и значения вещей в каждом конкретном правоотношении, его объектом всегда является только поведение его участников, только действия обязанных лиц.

Однако, как мы уже неоднократно подчеркивали, исключая вещи из числа объектов прав, мы не только не отрицаем их гражданско-правового значения, а, напротив, полагаем, что их место в области гражданского права гораздо более значительно, чем та роль, которую им приписывают, признавая их объектами гражданских правоотношений. Выявление подлинного значения вещей в области гражданского права предполагает более детальный анализ классификации вещей, существующей по действующему советскому законодательству.

3

В связи с конкретными институтами гражданского права, в ГК РСФСР проводится классификация вещей по их различным естественным свойствам и признакам. ГК РСФСР знает деление вещей на вещи индивидуально определенные и определенные родовыми признаками (ст. 66, 108, 208 и др.), а также на вещи делимые и неделимые (ст. 65, 116), главные и принадлежностные (ст. 25). Признак потребляемости, прямо не указываемый в Гражданском кодексе, но безусловно имеющий значение для ряда институтов гражданского права, упоминается в некоторых других законодательных актах, в частности, в Положении о бухгалтерских отчетах и балансах от 29 июля 1936 г.

В связи с этими естественными свойствами и признаками вещей, отмечаемыми в действующем гражданско-правовом законодательстве, устанавливаются определенные правовые последствия для отношений, в которых поведение обязанного лица должно быть направлено на соответствующие вещи. Чем же руководствуется законодатель, устанавливая эти последствия?

В одних случаях естественные свойства вещей сами по себе не исключают возможности различного правового регулирования связанных с ними юридических отношений. Так, переход права собственности на вещи, определенные индивидуальными признаками, может быть приурочен законодателем либо к моменту заключения соглашения, либо к моменту передачи этих вещей приобретателю.

В других случаях естественные свойства вещей предопределяют лишь единственно возможный способ правового регулирования связанных с ними юридических отношений. Так, переход права собственности на вещи, определенные родовыми признаками, не может быть приурочен законодателем к моменту заключения соглашения, а должен быть связан с моментом их индивидуализации, осуществленной либо путем их выделения, либо путем их передачи приобретателю.

Это относится не только к классификации вещей по признаку рода или вида, но и к классификации, проведенной по их естественному свойству или признаку.

Так, свойство делимости вещи не исключает возможности установления солидарной ответственности, но допускает также установление ответственности долевой. Напротив, свойство неделимости вещи допускает возможность установления только солидарной ответственности и исключает возможность установления долевой ответственности. Свойство потребляемости вещей допускает возможность заключения договора займа, но исключает возможность заключения договора имущественного найма и т. д.

Само собою разумеется, что если характер и свойства вещей предопределяют лишь единственно возможный способ урегулирования связанных с ними правовых отношений, то только этот способ и может получить юридическое закрепление в законе. Если же характер и свойства вещей допускают возможность различных способов урегулирования связанных с ними правовых отношений, то законодатель может либо закрепить один из этих возможных способов, либо предоставить разрешить соответствующие вопросы. Вещи и их естественные свойства во всех этих случаях выступают не в качестве объекта права, а в качестве внешнего обстоятельства, обуславливающего необходимость соответствующего урегулирования поведения обязанных лиц. Объектом права всегда является поведение обязанных лиц, однако право оказывает различное воздействие на их поведение в зависимости от характера вещей, на которые это поведение направляется. Именно в этом своем качестве, а не в качестве объектов прав вещи приобретают гражданско-правовое значение. Подобно тому как «потребительные стоимости товаров составляют предмет особой самостоятельной дисциплины – товароведения»¹⁵⁰, а политическая экономия изучает потребительные стоимости лишь постольку, поскольку «они являются в то же время вещественными носителями меновой стоимости»¹⁵¹, подобно этому и гражданское право имеет дело со свойствами вещей не потому, что они являются объектами гражданских правоотношений, а потому, что, наряду с другими внешними обстоятельствами, они предопределяют возможный характер и направление поведения людей, регулируемого правом.

Следовательно, не являясь объектами прав, вещи и их свойства имеют гражданско-правовое значение как внешние обстоятельства, обуславливающие либо единственно возможную форму, либо границы выбора между различными формами поведения людей как участников отношений, регулируемых гражданским правом.

Некоторые предметы законодатель выделяет специально, ввиду их особых свойств, обуславливающих особый порядок регулирования соприкасающейся с ними деятельности граждан. Так, в целях обеспечения общественной безопасности ст. 23 ГК РСФСР устанавливает особые условия для приобретения на праве собственности отдельными гражданами таких предметов, как оружие и огнестрельное оружие, а ст. 24 ГК РСФСР в целях охраны интересов социалистического государства устанавливает особый порядок для совершения сделок с золотом, серебром, платиной, металлами платиновой группы и иностранной валютой.

Разумеется, сами по себе оружие и огнестрельное оружие не могут привести к общественно вредным последствиям, как и с другой стороны, само по себе золото, серебро, платина, иностранная валюта не могут обусловить наступление результатов, противных интересам социалистического государства. Но если с вещами этого рода соприкасается деятельность людей, не поставленная в определенные юридические рамки, то это может привести к последствиям и результатам, общественно опасным или противным основным принципам устройства социалистического общества.

¹⁵⁰ К. Маркс, Капитал, Т. I, 1931, стр. 2.

¹⁵¹ Там же.

Таким образом, и в этом случае объектом правового воздействия являются не особые свойства вещей, а соприкасающееся с ними поведение граждан. Особые свойства вещей не сами по себе подвергаются правовому регулированию, а лишь обуславливают необходимость соответствующего правового воздействия на поведение людей. Устанавливая «режим вещей», гражданский закон, по существу, определяет режим поведения граждан как субъектов гражданских правоотношений.

Следовательно, не являясь объектами прав, вещи и их особые свойства имеют гражданско-правовое значение как внешние обстоятельства, обуславливающие необходимость соответствующего регулирования поведения граждан в целях предупреждения последствий, общественно опасных или противных интересам социалистического государства.

Несмотря, однако, на большое гражданско-правовое значение классификации вещей по их особым свойствам и естественным признакам, эта классификация не является решающей ни с общественной, ни с юридической точки зрения. Как известно, экономически решающим является деление вещей на средства производства и средства потребления. На нем основывается и соответствующая классификация вещей по советскому праву. Главные средства производства – земля, ее недра, воды, леса, заводы, фабрики, шахты, рудники, железнодорожный, водный и воздушный транспорт, средства связи, организованные государством крупные сельскохозяйственные предприятия, коммунальные предприятия, согласно ст. 6 Конституции СССР, являются государственной собственностью, т. е. всенародным достоянием. Внутри фонда государственной собственности специальный правовой режим установлен для земли, ее недр, лесов и вод, а также для основных фондов – государственных предприятий, зданий и сооружений (Постановление ЦИК и СНК СССР от 29 апреля 1935 г.), основных и оборотных средств (Постановление СТО от 23 июля 1931 г., Постановление СНК СССР от 15 июля 1936 г.), излишков материалов и оборудования (Указ Президиума Верховного Совета СССР от 10 февраля 1941 г., Постановление СНК СССР от 21 марта 1941 г.).

Различные средства производства – общественные предприятия в колхозах и кооперативных организациях с их живым и мертвым инвентарем, а также общественные постройки, согласно ч. 1 ст. 7 Конституции СССР, составляют общественную собственность колхозно-кооперативных объединений, а некоторые средства производства – подсобное хозяйство на приусадебном участке, мелкий сельскохозяйственный инвентарь – в соответствии с ч. II ст. 7 Конституции СССР и Уставом сельскохозяйственной артели, могут принадлежать на праве собственности колхозному двору.

Отдельные граждане, прилагающие свой труд в социалистической системе хозяйства, не могут обладать на праве собственности средствами производства как основным источником их доходов, но закон охраняет «право личной собственности граждан на их трудовые доходы и сбережения, на жилой дом и подсобное домашнее хозяйство, на предметы домашнего хозяйства и обихода, на предметы личного потребления, равно как право наследования личной собственности граждан» (ст. 10 Конституции СССР).

Наконец, поскольку, в соответствии со ст. 9 Конституции СССР, наряду с социалистической системой хозяйства, законом допускается мелкое частное хозяйство единоличных крестьян и кустарей, постольку в собственности этих хозяйств могут находиться и известные средства производства, при условии, что к ним прилагается личный труд их собственников, с исключением эксплуатации чужого труда.

Деление предметов собственности на средства производства и средства потребления, с установлением категорий субъектов, в собственности которых соответствующие предметы могут находиться, а также законодательное закрепление за различными субъектами определенных видов средств производства, обеспечивают такие условия, при которых как экономически, так и юридически устраняется какая бы то ни было возможность эксплуатации в нашей стране. Соответствующие статьи Сталинской Конституции и являются «законо-

дательным закреплением факта ликвидации режима эксплуатации, факта освобождения граждан от всякой эксплуатации»¹⁵². Устанавливая «правовой режим» вещей, Сталинская Конституция, по существу, предопределяет характер общественно-трудовой деятельности советских граждан, прилагающих в подавляющем большинстве свой труд в социалистическом хозяйстве, а приложение труда в мелких частных хозяйствах единоличных крестьян и кустарей, по прямому предписанию закона, допускается лишь с исключением эксплуатации чужого труда. Законодательное закрепление средств производства за определенными субъектами обеспечивает, стало быть, такие условия, при которых трудовая и общественная деятельность советских граждан может получить только определенное направление, соответствующее основным принципам устройства социалистического общества и исключающее всякую возможность для развития частнособственнических отношений и возникновения на их основе антагонистических классов и классовой эксплуатации. Таким образом, в качестве объектов прав выступают и в этом случае не вещи как средства производства и средства потребления, а деятельность людей, соприкасающаяся с этими вещами. Зафиксированный в законе «правовой режим» вещей является лишь юридическим средством обеспечения определенного характера общественно-трудовой деятельности советских граждан.

Не являясь объектами прав, вещи и их экономические свойства имеют гражданско-правовое значение как материальные факторы общественного производства, законодательное распределение и закрепление которых за определенными субъектами обеспечивают такой характер общественно-трудовой деятельности советских граждан, который соответствует основным принципам устройства советского социалистического общества.

Право не может быть направлено на вещи непосредственно. Однако, оказывая определенное воздействие на поведение людей, оно может обеспечить их активное воздействие на внешние предметы природы. В этом случае объектами действительно являются вещи, но они выступают не в качестве объектов прав, а в качестве объектов действий. Как элементы природы вещи могут быть присвоены, переработаны, изменены или уничтожены в процессе трудовой деятельности, предметом которой они являются. Задача советского социалистического права как одного из средств организации труда советских граждан состоит в том, чтобы обеспечить этот трудовой процесс, являющийся основой социалистического производства в целом.

Экономической основой советского социалистического права вообще, советского гражданского права в том числе, является социалистическая система хозяйства, экономический базис нашего общества, совокупность социалистических производительных сил и производственных отношений. Состояние производительных сил общества определяет характер и состояние его производственных отношений. «Каковы производительные силы, — таковыми должны быть и производственные отношения»¹⁵³. Каков экономический базис общества, таков и характер его юридической и политической надстройки. Но элементами производительных сил, наряду с рабочей силой человека, являются также орудия труда и предмет труда, а изменение и развитие производства, начинающееся с изменения и развития производительных сил, выражается, прежде всего, в изменении и развитии орудий производства¹⁵⁴. Претерпевающие постоянное изменение и развитие, общественные средства производства, «охваченные пламенем труда»¹⁵⁵, в конце концов обуславливают изменение и развитие всего общества, в том числе и его юридической и политической надстройки.

¹⁵² И. В. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 518.

¹⁵³ И. В. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 553.

¹⁵⁴ Там же, стр. 552.

¹⁵⁵ К. Маркс, Капитал, т. I, 1931, стр. 124.

Но, с другой стороны, юридическая и политическая надстройка не является пассивным отражением экономического базиса, а оказывают активное обратное воздействие на материальные условия жизни общества. «Обратное действие государственной власти на экономическое развитие может быть тройкого рода. Она может действовать в том же направлении, тогда дело идет быстрее; она может действовать напротив, – тогда в настоящее время у каждого крупного народа она терпит в течение более или менее продолжительного периода крушение; или она может ставить экономическому развитию в определенных направлениях преграды и толкать вперед в других направлениях. Этот случай сводится в конце концов к одному из предыдущих»¹⁵⁶.

Регулируя социалистические общественные отношения путем определенного воздействия на поведение советских граждан, советское социалистическое право способствует дальнейшему развитию социалистических производственных отношений и производительных сил, одним из элементов которых являются орудия и средства производства.

Не являясь объектами прав, вещи как средства производства в качестве одного из элементов общественных производительных сил приобретают для права вообще, для гражданского права в том числе, большое значение, поскольку совокупность социалистических производительных сил и производственных отношений в конечном счете определяют характер и содержание советского социалистического права, а последнее является мощным средством в руках советского государства, направляющего дальнейшее развитие социалистической системы хозяйства.

Таким образом, анализируя различные виды классификации вещей по советскому гражданскому праву, сообразно с которыми определяется их функция в конкретных гражданских правоотношениях, мы приходим к выводу, что ни в одном из этих случаев вещи не приобретают значения ни объекта права вообще, ни объекта субъективного гражданского права как одного из средств регулирования поведения граждан, осуществляемого нормами советского гражданского права. Дефетишизация объектов прав должна способствовать не только более правильному уяснению сущности правовых отношений, но и более точному выявлению гражданско-правового значения вещей и их свойств.

Конечно, термин «объект» в такой степени привычен для обозначения вещей, в связи с которыми устанавливаются соответствующие гражданские правоотношения, что изменение терминологии может натолкнуться на серьезные технические затруднения. Однако это ни в какой мере не должно препятствовать правильному научному освещению понятия объекта, и если бы было установлено единообразие взглядов на существо вопроса, то при этом условии чисто терминологические трудности могли бы быть легко преодолены. Возможно, этот вопрос был бы разрешен аналогично тому, как его решает в соответствии со своими задачами наука уголовного права, различающая «объект преступления» и «предмет преступления»¹⁵⁷, возможно, он мог бы получить и иное разрешение. Но ясно во всяком случае одно, что если даже в науке уголовного права, имеющей дело с *объектами преступных действий*, из их числа исключаются вещи, ибо они не претерпевают на себе никакого воздействия со стороны преступного деяния, то тем более в гражданском праве, имеющем дело с *объектами прав*, нельзя относить к их числу вещи, которые не способны реагировать на действие, оказываемое правом. К реагированию на это действие способно только поведение, только оно, следовательно, и является объектом гражданских прав.

¹⁵⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXVIII, стр. 258.

¹⁵⁷ См. «Уголовное право», Учебник для юридических вузов. т. II, 1939, стр. 363.

Глава V

Субъектный состав гражданских правоотношений. Абсолютные и относительные права

Субъектный состав гражданских правоотношений обычно служит в цивилистической теории решающим критерием разграничения так называемых абсолютных и относительных гражданских прав. Как известно, это разграничение строится сообразно с тем, как количественно определяются пассивные или обязанные субъекты различных видов гражданских правоотношений: права признаются относительными или абсолютными в зависимости от того, возлагается ли обязанность по их соблюдению на определенных субъектов или на неопределенную группу лиц. На основе этого общего критерия вещные права обычно включают в разряд абсолютных, а обязательственные – в разряд относительных прав. Соответствующей классификации подвергаются также и другие гражданские права. Однако существенный интерес представляет прежде всего то обстоятельство, что именно вещные и обязательственные права включаются в различные рубрики классификации гражданских прав по их абсолютному и относительному действию. Этот признак, разумеется, не может служить решающим основанием для разграничения институтов вещного и обязательственного права, но, являясь в высшей степени важным для характеристики этих институтов, он может быть также использован для установления сущностного различия между ними¹⁵⁸. Поэтому мы считаем целесообразным ограничить рассмотрение проблемы субъектного состава гражданских правоотношений вопросом об абсолютных и относительных правах, в той мере, в какой эта классификация совпадает с делением гражданских прав на права вещные и обязательственные.

1

Можно указать на два основных направления, наметившихся в буржуазной цивилистической теории при разработке вопроса о характере, содержании и субъектном составе вещных и обязательственных правоотношений.

Согласно первому, в свое время господствующему, но и поныне обладающему большим удельным весом в буржуазной юриспруденции, воззрению, вещное право есть отношение человека к вещи, юридически закрепляющее его господство над вещью, тогда как обязательственное право есть отношение между людьми, отношение, по крайней мере, между двумя лицами, выступающими в нем в качестве носителей прав и обязанностей. Следовательно, если обязательственное отношение является правоотношением между двумя или несколькими лицами, то в отношениях вещного права налицо только один субъект прав, сам управомоченный, которому противостоит вещь как предмет его господства или власти.

Наиболее широкое распространение это воззрение получило в немецкой цивилистической, главным образом пандектной литературе¹⁵⁹. Но его разделяли также многие французские¹⁶⁰ и русские¹⁶¹ дореволюционные юристы.

¹⁵⁸ «Проблема вещных и обязательственных прав, – пишет проф. С. И. Аскназий, – не может рассматриваться лишь как проблема классификации и систематики гражданско-правовых отношений; должны быть вскрыты реальные общественные отношения, которые в условиях той или иной общественной формации лежат в основе каждого из этих двух типовых правовых отношений. На основе этих вскрытых реальных отношений в дальнейшем должны быть объяснены как самое существование этих двух типов гражданско-правовых отношений, так и все то, что характерно для каждого из них, а равно их соотношение на различных этапах движения данной формации» (С. И. Аскназий, *цит. соч.*, стр. 99).

¹⁵⁹ См., в частности, F. Savigny, *Das Obligationenrecht als Teil des heutigen römischen Rechts*, 1851, стр. 4–5; F. Reglsberger, *цит. соч.*, стр. 72; H. Dernburg, *Pandekten*, 1902, стр. 47–48; A. Tuhr, *цит. соч.*, т. II, стр. 133; Kuntze, *Die Obligationen im*

Резкое противопоставление вещных прав правам обязательственным, вытекающее из проведенного таким способом различия в субъектных составах правоотношений обоого рода, основывается на лишении вещных прав их общественного содержания, на превращении права буржуазной собственности из юридической формы закрепления производственных отношений капитализма в фетишизированный образ отношений человека к вещи, господства человека над вещью, за которым в действительности скрываются отношения между людьми, отношения между классами, господство одного класса над другим. Но фетишизация правовых отношений, ограниченная пределами одного только вещного права, оказалась недостаточной для некоторых буржуазных юристов, утверждающих, что не только в вещных, но и в обязательственных правах имеют место не отношения между людьми, а отношения человека к вещи, с тем лишь различием, что если вещные права закрепляют отношения к определенной вещи, то обязательственные права выражаются в отношениях к массе вещей, образующих в своей совокупности имущество должника¹⁶².

Такое воззрение на содержание и субъектный состав вещно-правовых и обязательно-правовых отношений слишком уж прямолинейно отрицало всякую социальную сущность права и правовых отношений, чтобы не вызвать против себя критики даже со стороны некоторых буржуазных юристов, указывавших на то, что правовые отношения не могут быть ничем иным, кроме как отношениями между людьми, что «право существует только между одним и другим лицом»¹⁶³, что «следствием иллюзии, представляющей собою результат поверхностного анализа, является тот факт, что область права была разделена на две части, которые кажутся не имеющими ничего общего между собою: обязательства или личные права и собственность или права вещные... По существу, вещное право имеет такой же характер, как и право личное: оно также предполагает отношение обязательственного порядка между субъектами»¹⁶⁴. Таким образом, «всякое право без исключений... сводится... к обязательствам»¹⁶⁵, и различие между вещными и обязательственными правами состоит только в том, что если «право собственности абсолютно: все должны уважать мою собственность, все обязаны предоставлять мне делать то, что я хочу, и должны воздерживаться от всяких действий, направленных на мое благо», то «право кредитора относительно: оно существует только в отношении одного лица, должника, и оно обязывает это лицо сделать что-нибудь в мою пользу»¹⁶⁶.

Наиболее широкое распространение это воззрение получило во французской цивилистической литературе¹⁶⁷, но его разделяли также многие русские дореволюционные¹⁶⁸ и немецкие юристы¹⁶⁹.

römischen und heutigen Recht, 1886, стр. 100–101; E. Bekker, Grundbegriffe des Rechts und Mißgriffe der Gesetzgebung, 1910, стр. 105–106.

¹⁶⁰ См. G. Baudry-Lacantinerie et M. Chauveau, Traité théorique et pratique du droit civil. Les biens, 1896, стр. 3; Aubry et Rau, Cours du droit civil français, 1897, стр. 72; H. Capitant, Introduction à l'étude du droit civil, 1912, стр., 12; A. Colin et. H. Capitant, Cours élémentaire du droit civil français, 1923, стр. 104.

¹⁶¹ См. В. Голевинский, О происхождении и делении обязательств, 1872, стр. 4; К. Победоносцев, Курс гражданского права, т. I, 1896, стр. 4; И. Трепичин, Гражданское право, 1914, стр. 4–5; Д. Мейер, Русское гражданское право, 1910, стр. 179–180.

¹⁶² См. E. Gaudemet, Etude sur le transport de dette à titre particulier, 1898, стр. 30; H. Gazin, Essai critique sur la notion de patrimoine dans la doctrine classique, 1910, стр. 454–455; O. Jallu, Essai critique sur l'idée de continuation de la personne, 1902, стр. 69.

¹⁶³ J. Ortolan, Histoire de la législation romaine depuis son origine jusqu'à la législation moderne et généralisation du droit romain, т. I, 1884, стр. 637.

¹⁶⁴ M. Planiol, Traité élémentaire du droit civil, т. II, 1907, стр. VII.

¹⁶⁵ J. Ortolan, цит. соч., стр. 637.

¹⁶⁶ E. Glasson, Eléments du droit français, 1884, стр. 295–296.

¹⁶⁷ Кроме перечисленных французских авторов см. также R. Demogue, Les notions fondamentales du droit prive, 1911, стр. 416 и сл.

Являясь значительным шагом вперед, по сравнению с концепцией вещного правоотношения как отношения управомоченного к вещи, новое воззрение в то же время отнюдь не выражало собою стремления проникнуть в историческое и классовое содержание правовых явлений. Представители обоих направлений вели спор о выборе более удачной юридической конструкции; но классовое содержание права буржуазной собственности остается в достаточной степени скрытым и замаскированным и тогда, когда юридическая конструкция отношения к вещи заменяется юридической конструкцией отношения «абстрактного индивида» ко всем другим пассивно обязанным лицам. В последней конструкции содержится некоторое подобие истины, но, оставаясь только юридической конструкцией, не объясненной теми материальными отношениями, юридической формой выражения которых право собственности является, она оказывается лишенной реального классowego, а, стало быть, поскольку речь идет о капиталистической собственности, и общественного содержания.

Что же касается особенно часто встречающихся у некоторых буржуазных авторов нового времени попыток «социализации» правовых отношений и институтов, то они не только не выражают собою стремлений вскрыть классовую сущность этих явлений, а, напротив, зачастую являются особо утонченными способами затушевывания этой сущности, демагогически характеризующими институты буржуазного права как «общенародные», «социально-полезные» и соответствующие интересам всего общества в целом¹⁷⁰. Нечего и говорить, что такое объяснение вещных и обязательственных прав, несмотря на то, что оно исходит из воззрения на правовые отношения как на отношения между людьми, ничего не дает для понимания их сущности, а, напротив, устраняет всякую возможность их познания, правильного с научной и общественно-классовой точек зрения.

2

Принципиальная недопустимость признания возможности существования правового отношения человека к вещи, разумеется, исключает конструкцию права собственности и других вещных прав как институтов, закрепляющих подчинение вещей юридическому господству управомоченного. В связи с этим возникает вопрос, адекватно ли понятию права собственности его определение через совокупность трех предоставленных собственнику правомочий, содержащееся в ст. 58 ГК РСФСР.

Критический анализ разногласий, имевших место еще в пандектной литературе по аналогичному вопросу, а также анализ принципа эластичности права собственности (*jus recedentiae*) и исследование существа вопроса с достаточной убедительностью показывают, что право собственности не может быть сведено к сумме трех правомочий собственника, поскольку даже в том случае, когда собственник лишается всех своих трех правомочий (например, при судебном аресте вещи с изъятием ее из владения собственника), он не всегда перестает быть собственником, и в дальнейшем к нему могут возвратиться все ранее утраченные им правомочия¹⁷¹.

¹⁶⁸ См. Г. Шершеневич, Учебник русского гражданского права, т. I, 1914, стр. 83; В. Синайский, Русское гражданское право, стр. 134–135; Н. Коркунов, цит. соч., стр. 143.

¹⁶⁹ См. В. Windscheid, цит. соч., стр. 101; R. Stammler, Das Recht der Schuldverhältnisse in seinem allgemeinen Lehren, 1897, стр. 7 и сл.; Н. Kress, Lehrbuch des allgemeinen Schuldrechts, 1929, стр. 10 и сл.

¹⁷⁰ См., например, характеристику вещных и обязательственных прав у J. Hedemann, Sachenrecht des bürgerlichen Gesetzbuches, 1924, стр. 61–65, и Schuldrecht des bürgerlichen Gesetzbuches, 1921, стр. 3–8.

¹⁷¹ См. А. В. Венедиктов, Право государственной социалистической собственности, сб. «Вопросы гражданского права», 1945, стр. 87 и сл.

С другой стороны, формула ст. 58 технически, может быть, очень удачная, потому не является адекватной понятию права собственности теоретически, что право пользования, владения и распоряжения имуществом представляется на первый взгляд как отношение управомоченного к самому этому имуществу, и только сущностный анализ института позволяет выявить закрепляемые им правовые отношения с определенным субъектным составом и определенной классовой характеристикой. Поэтому изучение вопроса о субъектном составе отношений собственности не может строиться на формуле ст. 58, а должно исходить из такого определения, которое явилось бы переводом на язык права экономического понятия собственности как отношения «отдельного человека к естественным условиям труда и воспроизводства как принадлежащим ему»¹⁷², как присвоения «индивидом предметов природы внутри и посредством определенной общественной формы»¹⁷³.

В соответствии с этими теоретическими предпосылками и строится предложенное проф. А. В. Венедиктовым определение права собственности как права «индивида или коллектива использовать средства и продукты производства своей властью и в своем интересе на основе господствующей в данном обществе системы классовых отношений и в соответствии с нею»¹⁷⁴.

Что означает право использовать средства и продукты производства «своей властью» и «в своем интересе» с точки зрения субъектного состава юридических отношений собственности? Оно означает, по-видимому, что решающим условием существования и действия права собственности является устранение властного вмешательства всех других лиц, которые могли бы действовать в своих собственных интересах и на которых поэтому возлагается пассивная обязанность воздержания от совершения действий подобного рода. Пассивная обязанность воздержания и есть то поведение, юридическое обеспечение которого создает собственнику возможность использования принадлежащих ему продуктов и средств производства в целях удовлетворения интересов, охраняемых признанным за ним правом. Характер и содержание этих интересов определяются господствующей в данном обществе системой классовых отношений, на основе и в соответствии с которой осуществляется процесс использования продуктов и средств производства их собственником. Если господствующая в обществе система классовых отношений характеризуется тем, что «основой производственных отношений является капиталистическая собственность на средства производства при отсутствии собственности на работника»¹⁷⁵, то процесс использования средств производства предполагает с такой же необходимостью для их собственников соединение с ними чужой рабочей силы, как и для обладателей рабочей силы – ее продажу собственникам средств производства. Если же производственные отношения общества характеризуются тем, что их основой «является общественная собственность на средства производства»¹⁷⁶, и «взаимные отношения людей в процессе производства характеризуются здесь как отношения товарищеского сотрудничества и социалистической взаимопомощи свободных от эксплуатации работников»¹⁷⁷, то процесс использования средств производства выступает как процесс присвоения предметов природы усилиями общества и в интересах общества. Но при наличии данных классовых отношений удовлетворение интересов собственника *юридически* вполне обеспечивается тем, что соответственно его праву пассивная обязанность воздержания возлагается на всех других лиц, образующих «людской субстрат»

¹⁷² К. Маркс, *Формы, предшествующие капиталистическому производству*, 1940, стр. 24.

¹⁷³ К. Маркс и Ф. Энгельс, *Соч.*, т. XII, ч. 1, стр. 177.

¹⁷⁴ А. В. Венедиктов, *Право собственности*, – Научная сессия Ленинградского государственного университета 1946 г., Тезисы докладов секции экономич., философ. и юридич. наук, стр. 7.

¹⁷⁵ И. В. Сталин, *Вопросы ленинизма*, изд. 11-е, стр. 556.

¹⁷⁶ Там же, стр. 558.

¹⁷⁷ Там же.

данной общественной системы и подчиненных данному правопорядку. Пассивный субъект отношений собственности выступает, таким образом, в виде совокупности всех других лиц, всех правосубъектных членов общества, на которых возлагается обязанность воздержания от совершения определенных действий и которые противостоят собственнику как управомоченному, т. е. как активному субъекту этих отношений.

Этот вывод, однако, отнюдь не является только следствием принципа, согласно которому всякое правоотношение является отношением общественным и поэтому таким же общественным отношением должно быть отношение собственности. Он основан не только на том, что, являясь отношением между людьми, право собственности должно становиться отношением его носителя со всеми другими лицами. Помимо уже приведенных нами соображений, этот вывод подтверждается также двумя следующими обстоятельствами.

Во-первых, главная историческая задача права в отношении господствующей в данную историческую эпоху формы собственности состоит в ее охране от каких бы то ни было посягательств. В условиях капитализма правовая охрана буржуазной собственности юридически закрепляет разделение общества на антагонистические классы и обеспечивает тем самым, даже при отсутствии формального принуждения к труду, осуществление эксплуатации на основе экономического принуждения. В условиях социализма правовая охрана социалистической собственности, составляющей экономическую основу нашего строя, юридически закрепляет ликвидацию разделения нашего общества на антагонистические классы и, наряду с законодательным запрещением эксплуатации чужого труда, устраняет какие бы то ни было экономические предпосылки эксплуатации человека человеком. Юридическое закрепление и охрана отношений собственности могут получить выражение не только в нормах права, но и в правовых отношениях, регулируемых этими нормами, лишь при том условии, если на всех других лиц, противостоящих собственнику, будет возложена обязанность воздержания, обеспечивающая собственнику возможность совершения определенных действий в целях удовлетворения интересов, охраняемых его правом. Именно поэтому в качестве обязанных участников отношений собственности выступают все лица, противостоящие собственнику и подчиненные данному правопорядку.

Во-вторых, отношения собственности, как указывает Маркс, являются юридической формой выражения производственных отношений¹⁷⁸, которые, представляя собою не что иное, как «отношения людей друг к другу в процессе производства»¹⁷⁹, охватывают общественные связи индивида со всеми другими лицами как участниками общественного производства и как представителями определенных общественных классов. Но если производственные отношения являются всеобъемлющими в такой степени, то и отношения собственности, в форме которых они выражаются юридически, должны быть такими же всеобъемлющими и фиксировать в себе не только отношения собственника к определенным лицам, но и его отношения ко всем участникам общественного производства, ко всем членам данной общественной системы. Такое всеобъемлющее значение отношения собственности могут иметь только как правоотношения, в которых собственнику как управомоченному противостоят все другие лица, несущие обязанность воздержания, обеспечивающую собственнику возможность совершения определенных действий в целях удовлетворения интересов, охраняемых его правом.

Однако право собственности как известный юридический институт не охватывает собою полностью отношений собственности как экономической категории. Отношения собственности в том широком смысле, в котором о них говорит Маркс, охватывают всю совокупность производственных отношений, а последние регулируются не только нормами права

¹⁷⁸ См. *К. Маркс и Ф. Энгельс*, Соч., т. XII, ч. 1, стр. 7.

¹⁷⁹ *И. В. Сталин*, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 550.

собственности, но и самыми различными нормами и гражданского права и других отраслей права. Поэтому, если в результате анализа комплекса правовых отношений, опосредствующих в своем единстве совокупность общественно-производственных отношений, можно выявить активно обязанных субъектов отношений собственности, как это с достаточной убедительностью показано в работе проф. С. И. Аскназия¹⁸⁰, то анализ одних только *юридических* отношений собственности не может привести к выявлению их активно обязанных субъектов. В самом деле, если с экономической точки зрения отношения по соединению рабочей силы со средствами производства также охватываются отношениями собственности, поскольку они выражают собою совокупность производственных отношений определенной социально-экономической формации, то юридически эти отношения выходят за пределы права собственности и составляют предмет регулирования трудового законодательства. Если же активные функции конкретных лиц в отношении собственника возлагаются на них вследствие установления других договорных или недоговорных обязательств, например, по договору хранения или вследствие причинения вреда, то эти правоотношения также выходят за пределы юридических отношений собственности и составляют предмет регулирования обязательственного права.

Активная обязанность конкретных лиц, заключающаяся в необходимости для них совершения известных положительных действий, лишь в том случае действительно охватывается юридическими отношениями собственности и определяется нормами о праве собственности, если она возникает вследствие нарушения кем-либо из пассивно обязанных лиц возложенной на них обязанности воздержания: нарушение владения влечет за собою возложение на нарушителя обязанности по его восстановлению; совершение других действий, препятствующих осуществлению права собственности, влечет за собою возложение на нарушителя обязанности воздерживаться от совершения этих действий в будущем. Но все эти случаи уже потому, что они характеризуют юридические отношения собственности не в их нормальном, а в их аномальном состоянии, не могут служить основанием для утверждения, что в самих отношениях собственности участвуют субъекты, обязанные совершить определенные положительные действия.

Итак, появление лиц, активно обязанных перед собственником, свидетельствует либо о том, что отношения собственности находятся в аномальном состоянии, либо о том, что на их основе возникли новые правоотношения, — обязательственного, трудового или иного характера, — выходящие за пределы юридических отношений собственности. Собственность как экономическая категория выражается в правовых отношениях собственности лишь постольку, поскольку управомоченному в качестве пассивно обязанных субъектов противостоят все другие лица, подчиненные данному правопорядку, а в своем активном состоянии она опосредствуется комплексом самых разнообразных правовых отношений, составляющих предмет регулирования различных правовых институтов.

Юридические отношения собственности, опосредствующие собственность как экономическую категорию лишь частично, являются, таким образом, правоотношениями *абсолютного* характера, поскольку они обладают *двумя признаками*, присущими абсолютным правам вообще: собственнику как управомоченному в качестве обязанных противостоят все лица, подчиненные данному правопорядку; на всех этих лиц возлагается пассивная функция — функция воздержания от действий, препятствующих удовлетворению юридически охраняемых интересов собственника.

Сопоставление субъектных составов отношений собственности и других вещных прав должно показать, в какой мере последние могут претендовать на то, чтобы именоваться абсолютными правами. Сопоставление отношений собственности с обязательственными отно-

¹⁸⁰ См. С. И. Аскназий, цит. соч., стр. 96.

шениями должно показать, в какой мере различие между их субъектными составами может служить основанием для включения первых в разряд абсолютных, а последних – в разряд относительных прав.

3

Право собственности не является единственным вещным правом, известным советскому гражданско-правовому законодательству. Наряду с правом собственности, ГК РСФСР включает в разряд вещных прав право застройки и залоговое право.

По договору застройки застройщик приобретает срочное право пользования земельным участком в целях возведения строения на нем и срочное право владения, пользования и распоряжения этим строением. Как и всякое право вообще, право застройки осуществляется в интересах управомоченного, т. е. в интересах застройщика. Следовательно, пользование и «свой интерес», являющиеся конститутивными элементами права собственности, присущи также и праву застройки. Но в этом праве отсутствует третий конститутивный элемент права собственности – «своя власть», поскольку застройщик пользуется земельным участком и возведенным на нем строением не своей властью, а властью собственника, предоставившего ему это право на определенный срок и на известных условиях.

Отсутствие в праве застройки одного из элементов, конституирующих право собственности, означает, что застройщик находится в *особом правоотношении* с тем, чье право содержит в себе этот элемент, т. е. с собственником, властью которого право застройщика известным образом ограничивается. Это правоотношение носит двусторонний характер: оба его субъекта – и застройщик, и собственник – выступают в нем одновременно и в качестве носителей прав и в качестве носителей обязанностей. С точки зрения их субъектной характеристики, отношения собственности и отношения застройки имеют то общее, что перед застройщиком так же, как и перед собственником, в качестве пассивно обязанных выступают все другие лица, поскольку, по аналогии со ст. 170 ГК РСФСР, право застройки защищается против всякого нарушителя, в том числе и против самого собственника. Однако своеобразный, по сравнению с правом собственности, характер, права застройки (отсутствие у застройщика «своей власти», срочное ограничение осуществляемого им права) сказывается как на субъектной характеристике отношений застройки (непосредственная правовая связь между двумя лицами: застройщиком и собственником), так и на характере правового положения их участников (и застройщик, и собственник являются управомоченными и обязанными одновременно).

В случае установления залога, залогодержатель приобретает либо только право распоряжения заложенным имуществом, которое осуществляется при наступлении известных условий, либо также и право владения этим имуществом, если по условиям договора оно должно быть передано залогодержателю. Соответственно этому собственник либо только ограничивается в праве распоряжения и пользования, которое может уменьшить ценность заложенного имущества, либо также утрачивает право владения этим имуществом вплоть до погашения обязательства, обеспеченного залогом. Но если бы залогодержателю было передано не только право владения и распоряжения, но даже и право пользования этим имуществом, то и тогда в его праве отсутствовали бы некоторые элементы, необходимые для конституирования права собственности, поскольку все эти правомочия он осуществлял бы не своей властью, а по праву, предоставленному ему собственником. Право залогодержателя ограничено правом залогодателя как собственника, в отличие от которого он не может осуществлять пользование, влияющее на субстанцию вещи или уменьшающее ее ценность каким-либо иным способом; он не может, далее, распорядиться заложенным имуществом до наступления условий, предусмотренных договором и законом; он не может,

наконец, владеть этим имуществом в иных целях, кроме как в целях обеспечения своих требований к кредитору по обязательству, укрепленному залогом. Отсутствие в залоговом праве «своей власти» как одного из элементов, конституирующих право собственности, означает, что залогодержатель находится в *особом правоотношении* с собственником, властью которого право залогодержателя известным образом ограничивается. Это правоотношение так же, как и отношение застройки, носит двусторонний характер: оба его субъекта – и залогодержатель и залогодатель-собственник – выступают в нем одновременно и в качестве носителей прав, и в качестве носителей обязанностей. Так же, как и отношения застройки, они имеют то общее с отношениями собственности, что и перед залогодержателем в качестве пассивно обязанных выступают все другие лица, поскольку, согласно ст. 98 ГК РСФСР, залоговое право защищается против всякого нарушителя, в том числе и против самого собственника. Однако своеобразный, по сравнению с правом собственности, характер залогового права (отсутствие у залогодержателя «своей власти», условный характер и ограниченный объем предоставленных ему правомочий) сказывается как на субъектной характеристике отношений залога (непосредственная правовая связь между двумя лицами: залогодержателем и залогодателем-собственником), так и на характере правового положения их участников (и залогодержатель и залогодатель-собственник являются управомоченными и обязанными одновременно).

Таким образом, наряду с чертами сходства, субъектный состав отношений застройки и залога в двух направлениях отличается от субъектного состава отношений собственности: порождая обязанность воздержания для всех других лиц, эти правоотношения существуют прежде всего как отношения между двумя конкретными субъектами, являющимися управомоченными и обязанными одновременно; обязанности, возлагаемые на контрагентов – застройщика и залогодержателя, могут состоять не только в пассивной функции, но и в совершении активных действий. Это означает, что право залога и право застройки лишены тех признаков, которые присущи абсолютным правам: они адресуются не только всем другим лицам, но и конкретному лицу; они обуславливают не только возложение пассивной функции на всех других лиц, но и активной функции на определенное лицо.

На первый взгляд может показаться, что эти обстоятельства свидетельствуют не об относительности, а об абсолютности права застройки и залогового права, превосходящей абсолютность права собственности, ибо залогодержателю противостоят как все другие лица, на которых возлагается пассивная функция, так и, сверх того, конкретное обязанное лицо, на которое может быть возложена активная функция. Однако абсолютный характер права является отражением абсолютной полноты «своей власти», принадлежащей управомоченному; и именно потому, что полнота «своей власти» отсутствует в праве застройки и в праве залога, на противоположном полюсе обоих видов правоотношений появляется конкретная фигура, определенный субъект, на которого может быть возложено совершение положительных действий в пользу управомоченного. Зависимость права одного лица от совершения активных действий другим лицом, если бы даже обязанность воздержания была возложена на всех третьих лиц, свидетельствует о том, что это право лишено абсолютного характера. Эта зависимость, отражающаяся на субъектном составе отношений залога и застройки, который отличается от субъектного состава отношений собственности, свидетельствует о том, что ни залоговое право, ни право застройки не являются абсолютными правами. Нельзя поэтому не признать правильной широко аргументированную и теоретически вполне обоснованную точку зрения проф. В. К. Райхера, который, указывая на решающее и длящееся значение договора для установления и осуществления отношений застройки и залога как отношений между двумя определенными субъектами, приходит к выводу, что «целый ряд прав, признаваемых в настоящее время абсолютными (вещными), таковыми в действительности не являются, так как по своему субъектному составу, по своей структуре, по харак-

теру оформляемых ими социальных связей они принадлежат к совершенно другому типу, к типу относительных прав. Сюда относятся, в частности, право застройки, право залога... Все эти права следует переквалифицировать и перечислить из абсолютных в относительные, с соответственной ломкой установившейся системы гражданских прав»¹⁸¹.

4

Обращаясь к анализу субъектной характеристики обязательственных правоотношений, мы должны иметь в виду, что принцип всеобщей охраны отнюдь не составляет отличительной особенности вещных прав, поскольку «и личное, обязательственное право требования, принадлежащее кредитору по отношению к должнику, обязан «признавать» и «уважать» не только сам должник, но, без сомнения, «все прочие лица»; обязанность «признавать», «уважать», «не нарушать», «соблюдать» и т. д. — это «общий родовой признак всякого правоотношения уже как общественного отношения, независимо от того, будет ли оно, по своей структуре, абсолютным или относительным, вещным или обязательственным»¹⁸².

Если в результате установления обязательственных отношений происходит перенесение на другое лицо права собственности, как это, например, имеет место при заключении договоров купли-продажи, мены, дарения, или перенесение только отдельных вещных правомочий (владения и пользования), как это, например, имеет место при заключении договоров ссуды или имущественного найма, то принцип всеобщей защиты обязательственных прав во всех этих случаях вытекает непосредственно из того факта, что они порождают известные вещно-правовые последствия. Но и тогда, когда управомоченный приобретает обязательственные права, не обладающие вещными элементами, как это, например, имеет место при возникновении обязательств из причинения вреда, из неосновательного обогащения или вследствие включения в завещание условия о легате, его правомочия нуждаются во всеобщей защите потому, что их осуществлению может воспрепятствовать не только непосредственно обязанная сторона, как думают сторонники традиционной точки зрения, но и любое третье лицо, не связанное с управомоченным обязательственным отношением.

Закон должен поэтому запретить третьим лицам совершать действия, препятствующие осуществлению прав и обязанностей сторонами в обязательстве или способствующие их уклонению от выполнения своих обязанностей.

Обязательственные права приобретают, далее, значение для третьих лиц не только в силу принципа их всеобщей защиты, но также вследствие так называемого отраженного действия, которое они оказывают на права и правовые возможности третьих лиц.

Отраженное действие обязательственных прав, обладающих вещными элементами, является непосредственным результатом права следования, которое зачастую устанавливается законом *expressis verbis*. Так, ст. 169 ГК РСФСР гласит: «При передаче права собственности на имущество от наймодателя к другому лицу, договор найма сохраняет силу для нового собственника». Это означает, что с любым третьим лицом, которое приобретает право собственности на сданное в наем имущество, наниматель может вступить в конкретное правоотношение, а, следовательно, договор имущественного найма, связывающий нанимателя с определенным контрагентом, наймодателем, вместе с тем многочисленными невидимыми нитями связывает его и со всеми третьими лицами, перед которыми его права охраняются и определенные представители которых при известных обстоятельствах могут стать его контрагентами и должны поэтому считаться с принадлежащим ему правом. Но и

¹⁸¹ В. К. Райхер, Абсолютные и относительные права, Известия экономич. ф-та Ленинградского Политехн. ин-та, вып. I, 1928, стр. 304.

¹⁸² Там же, стр. 284.

тогда, когда обязательственные права не обладают вещными элементами, они потому оказывают отраженное действие на правовые возможности третьих лиц, что их осуществление может способствовать или препятствовать осуществлению прав, носителями которых последние являются. Достаточно указать хотя бы на то взаимное отраженное действие, которое оказывают друг на друга права нескольких кредиторов, находящихся в отношениях с одним и тем же должником, в условиях, когда имущество последнего оказывается недостаточным для покрытия обращенных к нему претензий.

Наконец, степень полноты и точности, с которой контрагент управомоченного выполняет свои обязанности, также может оказать отраженное действие на права и правовые возможности третьих лиц. Так, согласно ст. 269 ГК РСФСР действия поверенного только в том случае создают права и обязанности для доверителя, если они совершаются в пределах полномочий, выраженных в доверенности. Соответственно этому, третьи лица, с которыми заключает сделки поверенный, только в том случае приобретают права и обязанности в отношении доверителя, если поверенный действовал в пределах оформленных в доверенности полномочий или если доверитель впоследствии одобрит сделку, заключенную поверенным с превышением его полномочий.

Защита обязательственных прав от нарушений со стороны всех других лиц, а также отраженное действие, которое они оказывают на права и правовые возможности последних, обуславливают, при наступлении определенных фактов, установление конкретных правоотношений между стороной в обязательстве и кем-либо из числа других лиц. Так, никто не должен препятствовать осуществлению права заказчика на возмездное выполнение определенной работы подрядчиком, поклажедателя – на сохранение его имущества хранителем, грузоотправителя – на доставку его груза из одного пункта в другой перевозчиком, как и наоборот, никто не должен препятствовать осуществлению прав и обязанностей их контрагентами, и всякий случай нарушения этой обязанности приводит к возложению на нарушителя новой обязанности в отношении управомоченного по обязательству.

Все эти обстоятельства – и принцип всеобщей защиты обязательственных прав, и их отраженное действие на права и правовые возможности третьих лиц, и, наконец, возможность установления на основе обязательственного права конкретных правоотношений между его носителем и кем-либо из числа последних – свидетельствуют как будто бы о том, что субъектный состав обязательственных отношений ничем не отличается от субъектного состава отношений собственности. В связи с этим должен быть разрешен вопрос о том, чем отличаются обязательственные права как права относительные от права собственности как права абсолютного?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.